ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

№ 33 АВГУСТ 1990

РУШАТСЯ СТЕНЫ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Учрежден 1 апреля 1923 года

№ 33 (3291)

11 — 18 августа

ИЗДАТЕЛЬ —
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Диалоги у Берлинской стены. (См. в номере материал «Прогулки по ночному аду».)

Фото Бориса БАБАНОВА

Оформление А. В. ХРОМОВА
при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 23.07.90. Подписано к печати 07.08.90. А 00363. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 2585. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

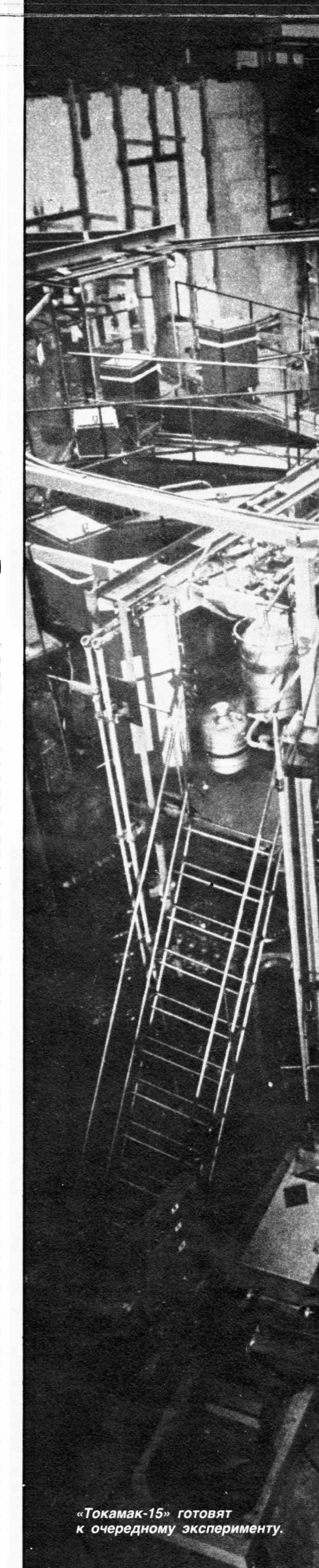
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

«ИТЭР» — 2003

Прикончит ли хозрасчет науку?

«ИТЭР» — сокращенное название научного проекта — «Интернациональный термоядерный экспериментальный реактор». 2003 — дата, когда он начнет действовать. Разрабатывается эта машина XXI века учеными Европы (Евроатом), Советского Союза, США и Японии.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

«Токамак-15» готовят к очередному эксперименту.

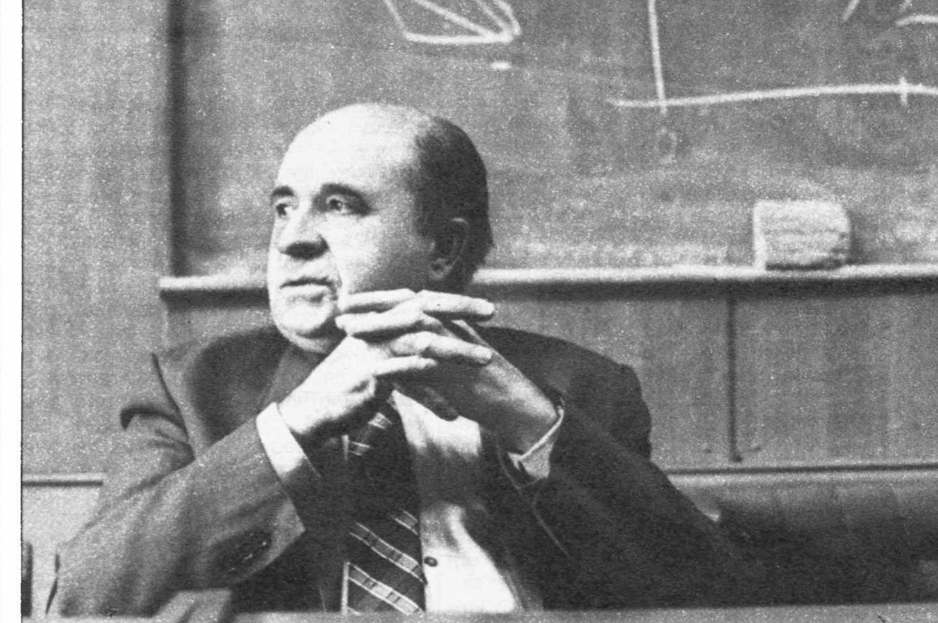
С председателем Научно-технического совета международного проекта академиком Б. Б. КАДОМЦЕВЫМ беседует корреспондент «Огонька» Ванда БЕЛЕЦКАЯ.

Об исследованиях Бориса Борисовича Кадомцева мне приходилось писать, когда создавались первые установки из многочисленного семейства «Токамаков», эти яркие вехи на тернистом пути к управляемому термоядерному синтезу. (Идея была впервые высказана академиками И. Е. Таммом и А. Д. Сахаровым.) Далеко не все ученые мира поддержали тогда новое направление исследований. А сейчас «Токамаки» стали инструментом исследования плазмы во многих лабораториях мира.

Однако Борис Борисович, вместо того чтобы рассказывать о вполне заслуженном успехе (что я ожидала), с болью заговорил о наших неурядицах, ошибках в организации науки, о том, что так мешает работать сегодня.

— В наше время стал популярным лозунг «хозрасчет и самоокупаемость». Он вполне естествен в применении к промышленности и сельскому хозяйству, но совершенно неприменим к фундаментальной науке. Мы, например, оказались почти в бедственном положении. Сами посудите — сотрудники нашего отдела в Институте атомной энергии, где создана такая сложнейшая установка, как «Токамак-15», были обеспечены зарплатой лишь на полгода, и только сейчас появились виды на более устойчивое финансирование. Молодежь теперь не очень-то стремится идти в науку. (Талантливые, умелые люди нужны и в кооперативах, а платят там не то что у нас.) С ужасом думаю о том, что, если положение не изменится, у нас начнется массовый отъезд физиков за рубеж. Разве можно переводить лаборатории, занимающиеся фундаментальной наукой, на хозрасчет?! И тем не менее этот подход получил распространение не только в отраслевых институтах, но и в Академии наук.

Ясно же, что отдельный, даже самый большой завод не заинтересован в развитии фундаментальной науки. Ему нужна прикладная. Это нормально. Но, когда так же ведет себя государство,

Академик Борис Борисович Кадомцев: «С ужасом думаю, что если положение не изменится, у нас начнется массовый выезд физиков за рубеж».

это более чем странно. В правительстве, в Президентском совете есть ученые. Они-то не могут не понимать этого.

Вот вы, журналисты, формируете во многом общественное мнение. Но вы и выражаете его. Много ли материалов, посвященных фундаментальным исследованиям, новым научным идеям, публикуется сегодня?

— Ну, уж если говорить честно, интерес к науке утерян не случайно. Наши журналистские восторги по поводу проникновения ученых в атом и космос остались где-то в шестидесятых. Тогда физики были модны, как кинозвезды или исполнители поп-музыки.

Теперь это в прошлом. Успехи науки в изучении атома и далеких звезд не сделали нас счастливее. Они обернулись страшным оружием, чернобыльской катастрофой. Они разочаровали, испугали. Ни водородные бомбы, ни ракеты, ни лазерное и космическое оружие, по существу, не нужны людям. И мы не верим ученым на слово, что энергия атома сулит только блага, а новые АЭС «больше не взорвутся». Уверенности в их надежности у населения нет. Потому и Институт имени Курчатова утерял свой романтический ореол и вызывает у людей, далеких от науки, скорее раздражение и страх...

Борис Борисович, неужели всегда прогрессу сопутствует опасность? Неужели эти два начала слиты, «как тень и свет»?

— Не знаю... Хотелось бы думать, что не всегда... Человечество с трудом, но умнеет.

И все-таки шарахаться из стороны в сторону от неуемных восторгов к полному отрицанию науки не следует. Возьмите хотя бы область, которой я занимаюсь,— исследования плазмы, управляемый термоядерный синтез, тот же международный проект «ИТЭР». Мне кажется, на его уроках можно проследить и положительные, и отрицательные тенденции нашего сегодняшнего положения.

Современная наука — дорогое удовольствие. Для своего развития она требует сложных установок, всевозможных ускорителей, магнитных ловушек для плазмы, лазеров, ракет, спутников, космических кораблей. Это своеобразные фабрики для выработки знания. И во всех странах мира финансирует фундаментальную науку государство, ибо именно оно заинтересовано в ее развитии. Практические плоды этого общество тоже получит, урожай соберет богатый, но какой и когда — подчас не ясно даже самим авторам научных открытий. Если же вся наука станет прикладной, то вскоре нечего станет прикладывать. Хозрасчет здесь неуместен, ничего, кроме вреда, он принести не может.

Наука интернациональна. Успешно развиваться в одной отдельно взятой стране она не может. Тем более такая область науки, как физика плазмы, малоизученного, хотя и самого распространенного во Вселенной состояния материи.

Гласность, открытость в науке — мощный ускоритель прогресса. Публикация новых результатов экспериментов, новых научных идей мгновенно делается достоянием мировой научной общественности, подталкивает исследователей на новые открытия, ускоряет научный поиск. Поэтому в дорогих и трудоемких научно-технических проектах ученые стремятся к объединению усилий и расширению международного сотрудничества.

Однако сегодня параллельно с процессом расширения сотрудничества в мировой науке идет и другой процесс — сохранения технических секретов фирм, секретов научных коллективов. В компьютерах накапливаются обширные банки данных, но открыты они не всем и отнюдь не только из боязни нарушить государственную тайну. Наука стала дорогой, появились тайны коммерческие. Это одна причина. Вторая — важнее. Ученые хотят иметь дело с равноценными партнерами. Если в твоей лаборатории исследования достаточно «продвинуты» и тебе есть чем поделиться, то и с тобой поделятся информацией, чтобы взаимными усилиями быстрее двигаться дальше. Если же у тебя руки пусты и ничего за душой — извини.

Тенденция эта с каждым годом прогрессирует. Появился новый термин — «интеллектуальная собственность», к которому в нашей стране не привыкли. Научиться оценивать интеллектуальную собственность и обмениваться ею с выгодой нам еще предстоит.

Если бы не наши работы по термояду, если бы не новый «Токамак», СССР вообще не был бы адекватным партнером в этой области мировых научных исследований. При всем уважении в мире к Михаилу Сергеевичу Горбачеву его инициативу строить совместный термоядерный реактор никто бы не поддержал.

Это имеет отношение не только к физике плазмы, но и к любой области фундаментальной науки, развитие которой, увы... хозрасчет в нашей стране может быстро прикончить, если вовремя не вернуться к государственному финансированию науки.

— Прогноз не оптимистический... Однако деньги на развитие фундаментальных исследований даем все мы, налогоплательщики. Свою любознательность ученые утоляют за наш счет. Поэтому, когда речь идет о грандиозных научных проектах, ученые обязаны информировать общество, считаться с общественным мнением. Гласность нужна и здесь.

— Согласен. И пользуюсь счастли-

вым случаем, чтобы через «Огонек» рассказать о нашем международном проекте.

Цель его — построить термоядерный реактор, овладеть новым источником энергии. Работы ведут многие страны мира под эгидой МАГАТЭ — Международного агентства атомной энергии.

Председатель основного совета проекта — американец Джон Кларк, дирекцию возглавляет японец Кен Томабеги; Европа предоставила площадку для проектирования экспериментального реактора — Институт физики имени Макса Планка в небольшом местечке Гархинг, недалеко от Мюнхена. Как вы уже знаете, я председатель Научно-технического совета проекта, а наш «Токамак-15» является основной установкой, на которой будут проводиться исследования в обоснование проекта.

В установке «Т-15» мы будем изучать плазму с температурой около ста миллионов градусов — в пять раз выше, чем в центре Солнца.

Не буду касаться технических трудностей создания «Т-15», скажу только, что преодоление их перерастало за рамки чисто научных проблем. Это успех наших конструкторов, проектантов, строителей и, разумеется, промышленности с современной и перспективной технологиями.

Хотел бы добавить еще, что «Т-15» — это не термоядерный реактор, а физическая установка, последний экспериментальный шаг перед реактором.

Разработка технического проекта «ИТЭР» будет проводиться в 1991—1995 годах, а построят его к 2003 году. А там близко и создание первой на Земле термоядерной электростанции.

— Она тоже будет интернациональной? Где и когда ее предполагают строить?

— Пока это не ясно — много еще времени пройдет до ее создания. По намеченным сейчас, весьма условным срокам работы на реакторе «ИТЭР» будут вестись с 2003 по 2020 год. В параллель с этими исследованиями будет проектироваться и, возможно, строиться термоядерная электростанция.

— Сегодня гарантии безопасности нового вида энергии волнуют людей больше, чем те блага, которые он сулит. Каковы же эти гарантии для термоядерных станций?

— Они в существе самого источника энергии. Упрощенно говоря, активная зона реактора АЭС — медленно тлеющее ядерное топливо, которое надо поддерживать именно в таком состоянии — чтобы оно не взорвалось и не потухло. Масса этого топлива должна быть равна критической, а это значит, что его должно быть много. В камере сгорания термоядерной станции нет большой массы горючего, его там — граммы. Температура плазмы чрезвычайно высока — сто миллионов градусов, но плотность очень низка. Получается, как в сауне: температура до ста градусов, но никто не обжигается, так мала плотность воздуха. Поэтому в термоядерной станции не может быть ядерной аварии, взрыва как такового. Даже если произойдет ошибка обслуживающего персонала, плазма начнет остывать, и все. Там в принципе нет возможности для аварии типа Чернобыля.

— Но топливо для таких станций все-таки радиоактивно. И возможен другой тип аварии, не связанный с ядерным разгоном...

— Да, в термоядерном реакторе имеются радиоактивные элементы. Поэтому при авариях нельзя исключить возможности радиоактивного загрязнения, если вдруг по каким-либо причинам радиоактивность выплеснется наружу. Рассматриваются все возможные варианты развития аварий, идут поиски полного устранения радиационной опасности. Для более далекой перспективы разрабатываются новые разновидности топлива, низкоактивированные материалы, новые конструкции, чтобы существенно снизить уровень наведенной радиоактивности.

— Не лучше ли обойтись без рискованных проектов? По крайней мере не спешить с ними?

— Вы думаете, что существующие тепловые станции существенно безопаснее термоядерных в экологическом отношении? Ошибаетесь. Загрязнение планеты происходит гигантскими темпами. Кислотные дожди, отравленные реки, атмосфера, парниковый эффект... Приходится спешить, иначе вымрем.

Энергия, полученная при помощи термоядерных станций, экологически более чистая. Но проекты надо полностью дорабатывать, четко соблюдать установленные нормы при строительстве и умело эксплуатировать технику, соблюдая инструкции. А главное — нельзя экономить на безопасности.

Запоздалые оправдания, что нет денег, смешны. Ленивый ходит дважды, скупой платит дважды, а глупый... Он все может превратить в бессмыслицу.

Возьмите Францию. Там 70% электроэнергии вырабатывают атомные станции. У нас — менее 13%. У них аварий нет. У нас Чернобыль. Это показатель уровня культуры страны. Можно сделать надежные АЭС, но в далекой перспективе я за термоядерные станции, более чистые, более надежные. Отказываться от прогресса нельзя. Назад, к лучине, никто не вернется. Лучина хороша лишь в произведениях поэтов...

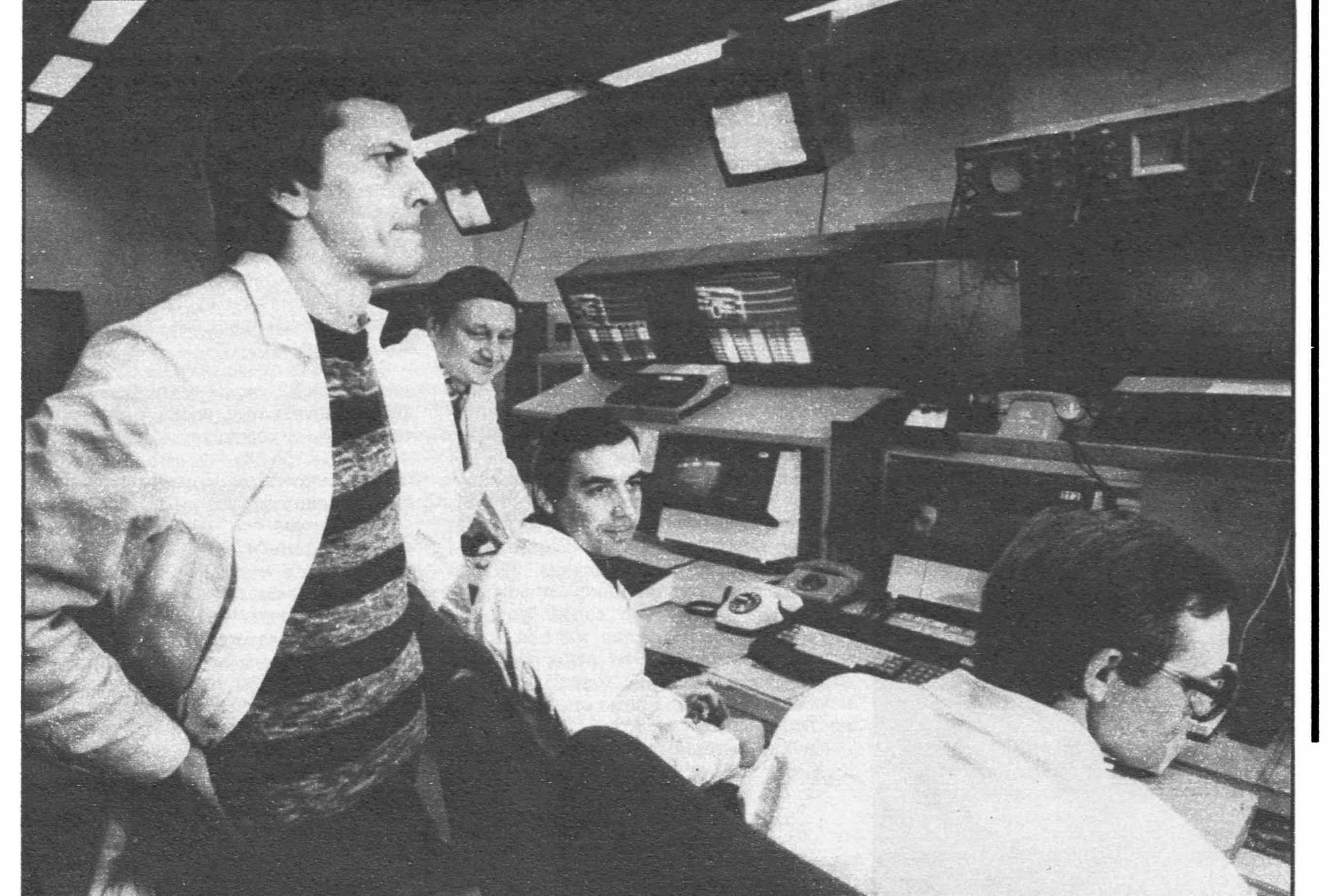
— Вернуться к лучине никто не призывает... И поэт Адам Мицкевич еще лет сто пятьдесят назад вопрошал: «Как наша прожила планета, как люди жили бы на ней без рычага, магнита, света и электрических лучей?.. Что было бы? Пришла бы снова хаоса мрачная пора...»

Ясно, что развитие знания и техники нельзя остановить, да и не надо. Речь идет лишь о рискованных, недоработанных глобальных проектах, о потере чувства ответственности за будущее. Да и значение тех же исследований физики плазмы, наверное, не сводится только к строительству термоядерной станции... Что еще могут они дать?

— Исследования плазмы оказались благодатнейшей областью для создания нового физического мышления, хотя практические применения есть уже сейчас.

Физики любят повторять фразу академика Арцимовича, что плазма капризна, изменчива и непонятна, как женщина. Мне она и впрямь напоминает живое существо. Чтобы хоть отдаленно приблизиться к пониманию плазмы, потребовалась новая система знаний — физика нелинейных явлений и физика сложных объектов. Идеи переплетаются, исследования плазмы ведут ученых к пониманию процессов упорядочения структур, самоорганизации вещества, стремления неживого к подобию живого. Словом, от физики ниточка знания тянется к биологии, физиологии, медицине и опять возвращается к физике, технике. От изучения процессов возбуждения в плазме — к процессам возбуждения клеток мозга, обмена информацией. От изучения загадочной картины мышления, творчества — к созданию новых электронных машин, новой техники, работающей совсем по иному, более совершенному принципу. От поведения плазмы в нашем «Токамаке», в термоядерном реакторе — к загадочной шаровой молнии и плазме космической...

На пульте управления экспериментом.

Помню, лет эдак тридцать назад бытовало в конструкторских кругах милое занятие: взять за образец заграничную машину, внести в нее усовершенствования и выпускать уже под собственной маркой. Машины получались совсем как настоящие, только не работали. И вот однажды немалый начальник, с которым я был тогда дружен, приглядел в зарубежной поездке весьма полезный строительный механизм. Зная нравы подвластных ему разработчиков, он распорядился: делать в точности такие, ни под каким видом не совершенствовать.

Подобный запрет, пожалуй, был бы к месту сегодня при проектировании рыночной модели экономики. Образец взят превосходный, в мире проверенный, однако социальные конструкторы не в силах побороть в себе соблазн улучшательства. Сперва они грозились спроектировать некий **социалистический** спецрынок, после вроде бы бросили эту затею, но, на том не успокоившись, выдали Концепцию перехода к **регулируемой** рыночной экономике. Правда, авторы смиренно поясняют: хаотического рынка давно уже в мире нет, его и везде регулируют. Тогда о чем разговор? Делай, как все. Да только разработчики наши излишне скромничают, отказываясь от патента на свою новинку,— изобретенная ими конструкция совершенно оригинальна. Регуляторов в ней навалом — во все стороны торчат рычаги ручного управления, подходи и дергай кому не лень, а вот самонастройка, составляющая сердцевину классической рыночной модели, за ненадобностью выброшена.

Впрочем, правительственную Концепцию столько уж критиковали и в печати, и в Верховном Совете Союза, что вряд ли стоит заниматься этим еще. Авторы опять не стали возражать. Они настаивают на одном: не следует спешить, нужны взвешенные решения. Словечко это придумано в эпоху гласности. Раньше говорили просто: ничего менять не надо. Теперь выражаются аккуратнее: будем подходить взвешенно — работы с перестройкой экономики столько, что ее и завтра не переделаешь, и послезавтра, а сегодня и приниматься нечего. И так шестой год.

А кто торопится, тех с утра до вечера пугают рынком. Нам рисуют апокалипсические картины безработицы, инфляции, голодных бунтов и Бог знает чего еще. Когда же предположительные ужасы приедаются воображению, нам указуют обличающим перстом: поглядите на Польшу — вот к чему ведет шоковая терапия, вы этого хотите? Не так давно пропаганда живописала ужасы капитализма, и на этом мрачном фоне наши дела гляделись куда как неплохо, спасибо партии и правительству. Сегодня функцию пугала достаточно успешно исполняет в нашем огороде Польша, и мы снова должны быть благодарны начальству, уберегшему нас от столь печальной участи.

ЛЕЧЕБНЫЙ ШОК

А, собственно, что Польша? Мне только что представился случай побывать в этой стране, пощупать ее экономику собственноручно. Да, темпы инфляции впечатляют. Заработка, каким он был всего три года назад, теперь не хватило бы на хлеб всухомятку. Цены на товары исчисляются десятками, сотнями тысяч, миллионами злотых, а на тысячу злотых можно разве что прокатить разок подругу сердца на трамвае. Однако ряды пузатых нулей на ценниках ни о чем еще не говорят — ведь даже самая надежная в мире деньга, японская иена, в полтораста раз дешевле доллара, и цены в иенах тоже пишутся многозначными числами. Существует простой и надежный способ определить уровень жизни: вы сопоставляете цены со средней зарплатой и выясняете, сколько часов надо работать, чтобы купить килограмм мяса, пару ботинок, телевизор и т. д. Чем

УРОКИ ПОЛЬСКОГО

Василий СЕЛЮНИН

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

больше товаров и услуг вы учли, тем точнее ваше измерение. По такому счету польские цены не выше официальных советских, а одежда и обувь там существенно дешевле.

Есть, однако, громадное отличие от нашей ситуации. Все будет ясно из одного примера. На месячную зарплату там можно приобрести двести килограммов сахара, столько же и у нас, но в Польше сахар продают свободно, у нас по талонам. Так же и со всеми другими товарами — магазины полны, очередей в нашем понимании нет. Народ принял перемены в общем-то спокойно — в таких условиях нет причин бунтовать.

Это и есть шоковая терапия в действии, в наглядности. В основе ее — свободные цены (из всех потребительских товаров правительство назначает цены только на тощий творог и обезжиренное молоко). Посредством вольных цен польские реформаторы решили простенькую, однако же насущную задачку: уравновесили спрос и предложение, или, что то же самое, насытили торговлю товарами при их подорожании, устранили проклятущие дефициты. Торговый рынок умеет только это. Сам он товаров не прибавляет — тут должны действовать совсем другие механизмы рыночной экономики, а конкретно — рынки труда и капитала. Вместе с тем скромное свое предназначение рынок исполняет с изумительной точностью и быстродействием — еще полгода назад магазины были немногим богаче наших.

Не решаясь на шоковую терапию, наше правительство ищет иные способы оздоровления потребительского рынка (ту помянутую оригинальную конструкцию). В прошлом году оно предложило программу чрезвычайных мер. Суть ее проста: раз денег у населения больше, чем товаров в торговле, давайте быстро наращивать производство товаров и услуг, тогда их хватит на всех. Экономисты, в том числе и я, грешный, предупреждали: эта программа приведет не к оздоровлению ситуации, а к стремительному распаду торговли. Дело в том, что между массой денег и массой товаров стоит еще один компонент — цена. Она-то и уравновешивает эти две массы. Правительство же хотело держать цены стабильными — иначе, мол, народ сметет руководителей государства. Но когда ценовой регулятор отключен, неизбежны очереди, баталии у магазинных полок, спекуляция, карточки, таможенные границы между градами и весями, натуральный обмен вместо торговли. Наш прогноз оказался, к несчастью, прицельно точным.

Новая программа, объявленная Н. И. Рыжковым, вносит в провалившийся план важную поправку: коль скоро при стабильных ценах торговля скончалась, впредь будем их повышать, но организованно, по приказу, с такого-то числа на такую-то величину. Умозрительный смысл в том есть. Действительно, мы производим примерно 60 килограммов мяса на среднестатистическую душу в год. Согласитесь, не так уж мало, а в продаже его нет. Магазинное мясное изобилие можно создать хоть завтра: назначьте цену по полсотни за килограмм — и продукт исчервивится нераскупленным. Где, однако, гарантия, что чиновники точнее, нежели рынок, рассчитают, при какой цене мясо определенного качества в определенный момент и не залеживается на прилавках, и не исчезает в первый же час после открытия магазина? А ведь такие расчеты придется постоянно делать по миллионам видов товаров.

Правительство сохраняет декретирование цен в наивной уверенности, будто ступенчатое их повышение менее болезненно, нежели ползучий рост при шоковой терапии. Жизнь учит обратному. Вспомним, какой скандал разразился в стране, когда объявили о подорожании хлеба с 1 июля. В могучем и правдивом русском языке не оста-

лось, наверное, матюгов, коими не честили бы авторов идеи. Но это цветочки. Ягодки впереди. Тот же Н. И. Рыжков поспешил объявить об увеличении закупочных цен на зерно уже в нынешнем году, одновременно отказавшись от повышения розничных цен на хлеб. Значит, к ста миллиардам рублей дотаций сельскому хозяйству ныне предстоит добавить самое малое еще девять миллиардов, а у правительства в резерве нету и девяти рублей. Это что, оздоровление торговли? Сокращение бюджетного дефицита? Шаг к рыночной экономике? Будет чудить-то...

Ставлю собственные штаны против копеечной пуговицы: при директивном назначении цен нехватка товаров сохранится, только на более высоком уровне цен. А вот товарный рынок снимает проблему дефицита словно бы мимоходом, да вдобавок стабилизирует политическую ситуацию в стране. В беседе со мною профессор Ежи Клер, один из разработчиков плана шоковой терапии, справедливо заметил: «Люди охотнее мирятся с ростом цен при достатке товаров, чем с пустыми прилавками при низких ценах». Доказательство тому — спокойствие в Польше, хотя по ряду причин, не имеющих отношения к свободе цен, уровень жизни в республике понизился примерно на треть (рост денежных доходов не поспевал за инфляцией).

Если кого-то не убеждают ни мои суждения, ни польский опыт, сошлюсь на человека, чья компетентность признана во всем мире. Недавно на международной конференции в Праге я познакомился с Аланом Уолтерсом. Это экономический советник, или, как он представился, собака-поводырь госпожи Маргарет Тэтчер. По его рекомендациям английские консерваторы вот уже лет десять терпеливо устраняют печальные последствия национализации средств производства, проведенной лейбористами в некоторых отраслях. Иначе говоря, правительство Тэтчер воссоздает классический рынок (по этому поводу профессор Уолтерс пошутил: «У вас в Советском Союзе случай простой и ясный, а я вам расскажу о гораздо более сложном варианте — о приватизации собственности в условиях Великобритании»). Господи, как же он издевался над правительственным регулированием цен! Про Англию: «Контроль за квартирной платой успешнее разрушил жилой фонд, чем немецкие бомбардировщики». Про Чили (следуя советам профессора, там быстро восстановили экономику после Альенде): «Мне с гордостью сказали: фунт цыплят стоит всего две песеты. Спрашиваю: где же цыплята? Нету, отвечают, расхватали». Про нас: «Вы зажали цены и удивляетесь, что реформы не идут. Так вы никогда не подойдете к рынку, а ваши предприятия останутся музеями древней техники». Про всех любителей регулирования гуртом: «Контроль за ценами создает систему лжи. Правительство словно бы намекает: видите, как много мы для вас делаем. Такой контроль разоряет людей и сметает правительства. Его надо отменять как можно раньше при переходе к рыночной экономике».

ФУНТ ЗЛОТЫХ ЗА ДОЛЛАР?

Поищем в польском опыте ответ на еще один терзающий нас вопрос. По моим расчетам, в нынешнем году прибавка денежных доходов населения СССР превысит прирост производства потребительских товаров и услуг на 50 миллиардов рублей. Стало быть, на руках у нас окажется дополнительно столько пустых миллиардов — под них у государства нет решительно ничего. Нетрудно предвидеть, что произойдет, когда эта лавина денег обрушится на потребительский рынок, и без того отчаянно разбалансированный. Но это еще не все неприятности. В сбережениях находится около полутриллиона рублей, что примерно равно годовому доходу населения (то есть можно год не работать, деньги на прожитие усредненной души имеются). Эти дензнаки ничем не отличаются от тех, что нам дают в получку. И по мере распада торговли сбережения стали превращаться, как говорят экономисты, в горячие деньги: они жгут руки, люди готовы потратить их на что угодно — иначе, не успеешь оглянуться, они станут грудой гербовой бумаги. На начало года статистика оценивала сумму горячих денег в 165 миллиардов. Сегодня, особенно после сокрушительного удара Н. И. Рыжкова по торговле, их гораздо больше.

И вот, представьте, мы отпускаем цены, к чему я и призывал. Ползучая инфляция сменяется гиперинфляцией, каковая действует до тех пор, пока масса денег и масса товаров не придут в равновесие. Не исключено, что всего за месяц покупательная способность сбережений упадет вдвое. Бегство от денег станет паническим, что еще подогреет инфляцию и в то же время разорит вкладчиков сберкасс.

Наши правые популисты предлагают заманчиво простое решение — конфискационную денежную реформу. Правительство одним махом освобождается от груды денег, которая, как камень на шее, тянет его на дно, блокирует все попытки оздоровить торговлю. Достаточно объявить: мы, мол, пошутили — те деньги, что вы копили, ненастоящие, вы их выбросьте, теперь будем печатать настоящие. Что ж, такие кульбиты в советской истории случались. Экономисты выяснили, однако, что в сложившейся ситуации конфискация мало что даст. Да и не хотелось бы начинать переход к рынку с нового раскулачивания. Рынок держится на частной собственности, а эта мера экспроприировала бы едва ли не единственную собственность у десятков миллионов семей.

Идея конфискационной реформы обсуждалась в Польше и была отвергнута. Взамен команда Мазовецкого — Бальцеровича предложила и блистательно провела в жизнь план внутренней конвертируемости злотого. Не пугайтесь, читатель, терминов, сейчас вы увидите, что дело-то больно нехитрое. Правительство установило курс: 9500 злотых за доллар. Каждый может свободно обменять злотые на доллары и обратно в любой момент — курс будет неизменным. Во внутренней торговле ходит только злотый. Желаешь что-то купить — обменяй сперва свои доллары на злотые. А чтобы чужая надежная валюта всегда была в наличии, правительство одолжило у США миллиард долларов в так называемый стабилизационный фонд. Сумма, согласитесь, скромная.

— И надолго вам хватит этого миллиарда? — спрашиваю одного из директоров Польского национального банка Рышара Ковальского.— При вашей-то инфляции в тысячу процентов за год любой, у кого завелись денежки, немедленно обратит их в доллары. Знаете, доллар — он всегда доллар. Валюта из банка уплывет, а взамен государство получит кучу обесцененных злотых. Разве не так?

— Я не люблю теоретических предположений,— резко ответил банкир.— Излагаю факты. Вот уже полгода курс доллара держится неизменным, как мы и обещали, а из стабилизационного фонда не истрачено ни цента. После того, как нам удалось подавить гиперинфляцию (в январе она составила 78 процентов, в мае — только пять), всерьез рассматривалась возможность понижения цены доллара. И, знаете, люди стали спешно менять валюту на злотые — курс доллара у менял-частников одно время упал до 9200 злотых.

Стабильность обменного курса могла быть обеспечена только в результате глубокой финансовой реформы. Государство не дает больше кредитов ни предприятиям, ни частным лицам. Нужны деньги — обращайтесь в коммерческий банк (их в Польше около 1600, большей частью кооперативные). Такие банки сами устанавливают процент по вкладам и плату за кредит, сами отвечают за сохранность и умножение капитала. Разница между платой вкладчикам за хранение денег и платой за кредит составляет доход банков. 15 процентов депозитов (вкладов) они обязаны внести на хранение в Польский национальный банк, не получая за это процентов. Из этой суммы национальный банк дает ссуды банкам коммерческим (но не предприятиям!). Устанавливая плату за такие ссуды, он тем самым косвенно регулирует процент за кредит, взимаемый коммерческими банками с заемщиков. Заметим, что система эта скопирована с американской.

Само собой, национальный банк выведен из подчинения исполнительной власти. Недавно правительству понадобились деньги, и оно не могло уже приказать банку напечатать их, как водится у нас. Министру финансов пришлось обратиться в коммерческие банки и одолжиться на тех же условиях, что и все прочие клиенты.

Давно замечено, что инфляция подстегивает деловую активность: берешь в долг и вкладываешь в дело дорогие деньги, а возвращаешь дешевые. Естественно, в коммерческом банке это тоже понимают и одалживают деньги за плату, которая превышала бы предположительный темп инфляции (иначе заимодавец разорится). Тут идет самый настоящий торг, ведь деньги — такой же товар, как и любой другой. В нынешнем году месячная плата за кредит доходила до 36 процентов. Продавая деньги дорого, коммерческий банк вынужден хорошо платить и своим вкладчикам — до 30 процентов в месяц.

Теперь смотрите, что получается. Допустим, у меня есть 950 тысяч лишних злотых. Я могу обменять их на сто долларов и хранить валюту в чулке. Ее и через месяц будет столько же. Но можно поступить по-другому — вложить деньги в коммерческий банк, где за месяц они возрастут, скажем, на 30 процентов. Если я теперь сниму свой вклад (а он составит уже 1235 тысяч злотых) и обменяю на доллары, у меня будет не 100, а 130 долларов. Надеюсь, понятно, почему поляки не обрушились со своими злотыми на тот миллиард долларов, который лежит в стабилизационном фонде,— выгоднее держать сбережения в коммерческом банке в виде злотых. Но это означает, что в условиях гиперинфляции государству удалось упредить бегство от денег, уберечь потребительский рынок от ажиотажного спроса, стимулировать накопления, о чем мы пока только мечтаем.

Впрочем, не надо быть финансистом, чтобы сообразить: система довольно-таки грабительская. Средняя месячная зарплата в республике после вычета налога — около 900 тысяч злотых. Пересчитайте ее в валюту по гарантированному обменному курсу — выйдет меньше ста долларов. На эти деньги в США не то что месяц — неделю не проживешь, придерживаясь польского уровня потребления. Стало быть, курс доллара относительно злотого резко завышен. Но тут давайте опять немножко посчитаем. В конце прошлого года средняя зарплата составляла 450 тысяч злотых, или, в пересчете в валюту, 47 долларов. Сегодня она номинально удвоилась, достигнув 900 тысяч, а по покупательной способности нисколько не возросла, напротив, снизилась. Между тем при обмене на валюту зарплата равна уже 95 долларам. Как видим, инфляция увеличивает долларовый эквивалент зарплаты. Люди готовы смириться с завышением курса доллара, ценя сохранность и даже прирост сбережений при обмене на твердую валюту. Конфискационная денежная реформа в таких условиях излишня.

И нам бы так. Сегодня на черном рынке доллар легко идет за 20 рублей. Средняя месячная зарплата в чистоте — примерно 200 рублей. Это что же, 10 долларов? Безумие! Завтрак в американской забегаловке стоит два доллара — знаю, сам столовался. Но зачем-то ведь скупают валюту по такой сумасшедшей цене. А я вам скажу, зачем: имеющие сбережения желают хранить их не в рублях (вдруг денежная реформа? вдруг инфляция?), а в надежной «деньге». Покупатели валюты выбрасывают на потребительский рынок, и без того расстроенный, груды рублей, мирно дремавших в сберкассах и кубышках.

Так давайте используем ситуацию, превратим ажиотажный спрос на валюту из зла в благо: государство гарантирует свободный обмен рублей на валюту и обратно по курсу... не 20, конечно, а пусть 10 рублей за доллар (в действительности он и пятерки не стоит). Понадобится стабилизационный фонд в несколько миллиардов долларов — сумма для нас вполне посильная. А дальше события пойдут по польскому сценарию: худо ли, хорошо ли, денежные сбережения будут защищены от инфляции, а потребительский рынок — от окончательного разгрома. Вопрос лишь в том, поверит ли население правительственной гарантии неизменного курса доллара. В Польше поверили и не ошиблись. Но там правительство национального доверия.

ЛОВУШКА НА ДОРОГЕ К РЫНКУ

За месяцы шоковой терапии промышленное производство сократилось в республике на 30 процентов. В общем-то реформаторы этого ожидали, хотя и не в таких масштабах. Они унаследовали скособоченную экономику, подобную нашей: непомерную долю в ней занимает производство всего «несъедобного», слабо развит потребительский сектор. Коснись хоть нас, станем ли мы горевать, если уменьшится выпуск танков, ракет, лишних тракторов? Лучше уж пусть падают объемы производства, чем изводить добро ради цифры роста. Ведь, к примеру, расходы на оборону поглощают у нас без малого третью часть общего дохода страны. Сперва военно-промышленный комплекс тратил ресурсы на производство лишнего оружия, теперь требует денег на его уничтожение (оказывается, это тоже недешево стоит). Как говорится, шей да пори.

Словом, не в темпах роста, не в объемах производства счастье. И если в Польше падает выпуск продукции в группе «А», то все нормально. Хотя, конечно, и радостного мало — налицо временная безработица. Одновременно происходит высвобождение занятых и в других отраслях, поскольку растет производительность труда. Сейчас в стране около пятисот тысяч безработных, к концу года ожидается миллион человек. По меркам рыночной экономики многовато, но не катастрофично (миллион человек — это 8 процентов рабочей силы). Государство способно еще обеспечить их пособиями, пусть и невысокими, переучить, помочь завести собственное дело.

Статистика показывает, однако, что до последнего времени вопреки прогнозам сокращался выпуск потребительских товаров и лишь в июне начался медленный рост. Спрос вроде бы безграничен, а поди ж ты... Что произошло? Ответ надо найти непременно — ведь и нас может ожидать такая каверза. Мне повезло: польские дела мы изучали вместе с Ларисой Пияшевой, экономистом милостью Божьей. А прослеживать дальние и зачастую неожиданные последствия хозяйственных решений сподручнее вдвоем — один выдвигает гипотезы, другой ищет все мыслимые изъяны в рассуждениях, подсовывает факты, которые не вмещаются в схему. Смеем думать, что мы получили прочные выводы. С ними, кстати, согласились ведущие польские специалисты.

Отпуская на свободу цены, реформа-

торы сделали два значимых исключения: государство по-прежнему назначало цены на все виды топлива и тарифы на железнодорожные перевозки. Такая нерешительность в общем-то понятна: эти отрасли наиболее монополизированы, шахтеры и железнодорожники прекрасно организованы самим процессом производства, дай им волю — взвинтят цены на свою продукцию, и в итоге начнется новый виток инфляции. Все так, но вот простой факт. Из Варшавы я ехал комфортабельным поездом в Прагу, и за билет с меня взяли столько, сколько стоят полтора килограмма мяса. Зарплата железнодорожников растет почти в меру стоимости жизни, дорожают вагоны, локомотивы, рельсы, а выручка от продажи билетов, от платы за грузовые перевозки та же, что и год назад. Транспорт оказался в самом невыгодном положении. И не случайно первыми бастовали уже при новой власти именно железнодорожники: раз тарифы назначило правительство, пусть оно и покрывает убытки, пусть изыскивает деньги из бюджета на повышение зарплаты. Примерно такова же ситуация на шахтах. Для обрабатывающих же отраслей стабильные цены на топливо создают искусственную дешевизну энергоносителей, что подогревает спрос на уголь. Спрашивается: можно ли при таком раскладе закрыть убыточные шахты, переключить высвободившихся работников и прочие ресурсы на выпуск товаров в других отраслях? В пору увеличивать число шахтеров.

На этот нонсенс мы указали польским коллегам. Мнения совпали. Разговор был в конце июня, а уже в июле правительство ввело свободные цены на топливо. Но, похоже, родимая наша экономика обречена повторять чужие ошибки, мы исхитряемся попадать даже в наивные ловушки, не минуя ни единой. По плану Рыжкова — Абалкина и впредь будут назначаться оптовые цены на топливо, электричество, металл — короче, почти на все виды сырья при свободе цен в отраслях перерабатывающих. Последствия легко просчитать. Наша страна и США расходуют одинаковое количество топлива — примерно по два миллиарда тонн в год (в пересчете на стандартный уголь). А валовой национальный продукт у нас в семь раз меньше. Выходит, на единичку конечного продукта мы тратим семикратную американскую норму. И не из-за особой российской расточительности. Просто такова структура отечественной экономики — прикиньте сами, сколько энергии уходит на рубль стоимости фотоаппаратов или компьютеров и сколько на тот же рубль, измеряющий стоимость экскаватора. Улавливаете разницу?

Если цены на сырье неизменны от пересмотра до пересмотра, а на другие товары постоянно растут, то расходы на сырье будут составлять все меньшую долю в стоимости конечной продукции. Какой же смысл беречь топливо, металл, перестраивать экономику на выпуск современной продукции? Дефицит сырья обязательно сохранится, для восполнения его нужны будут новые потоки капитальных вложений, которые по делу-то надо бы устремить в группу «Б» и точное машиностроение. Можно еще раз отважно объявить пятилетку машиностроения, пятилетку потребительского сектора — вопреки благим намерениям экономика будет воспроизводить колониальную структуру отраслей с сырьевыми приоритетами.

Легко просматривается и другая неприятность. Вы не задумывались, читатель, почему первыми у нас забастовали именно шахтеры? Почему, скажем, не машиностроители? Да все очень просто. Цены на технику и сейчас, до перехода к рынку, фактически бесконтрольны. Убедившись, что жизнь дорожает, машиностроители взвинчивают их и тем самым увеличивают себе фонд оплаты труда до таких размеров, чтобы реальный заработок не упал. У шахтеров так не получается: цены на топливо строго зафиксированы, а расходы на добычу растут по мере удорожания техники. В этих условиях зарплата может только падать, от усилий добытчиков она мало зависит. Вот и приходится ставить ультиматумы правительству. Сохраняя декретирование цен на сырье и транспортных тарифов и одновременно выпуская на волю цены в обрабатывающих отраслях, правительство прямотаки провоцирует забастовки шахтеров, нефтяников, газовиков, железнодорожников.

Далее по логике вещей начнется перераспределение доходов одних отраслей в пользу других. Раз добывающая промышленность, металлургия, сельское хозяйство при заданных ценах работают с малой прибылью либо вовсе в убыток, казна вынуждена изыскивать для них деньги на капитальные вложения и прочие цели в высокорентабельных отраслях, то есть увеличивать налоги. Понятие «регулируемая рыночная экономика» как раз и означает, что государство ограничивает действие рынка и волевым порядком производит якобы справедливую дележку доходов товаропроизводителей. Чем больше амбиции государства, тем выше налоги и поборы с предприятий.

Но величина налогов имеет объективный предел — 35, ну пусть 40 процентов прибыли. Больший налог гасит предпринимательскую активность и в конечном счете сокращает доходы бюджета. Это подтвердил и польский опыт. Частный сектор и кооперативы вносят там в казну 40 процентов прибыли. Что ж, нормально — за пять месяцев нынешнего года в республике открылись 250 тысяч частных предприятий с миллионами рабочих мест. Таков же налог и с государственных предприятий, но сверх того они вносят в бюджет 24 процента прибыли в виде платы за казенные производственные фонды (частник создал эти фонды за свои деньги или за счет платного кредита). Таким образом, у крупных предприятий государство отбирает 64 процента прибыли, или вдвое больше допустимого. Денег для поддержания и расширения производства им очень недостает, что ускоряет процесс падения производства.

Эта ошибка опять-таки повторяется у нас. Правительство предлагало брать налог с товаропроизводителей в размере 55 процентов прибыли. Верховный Совет СССР снизил его до 45 процентов. Это все равно много. А кроме того, мимо внимания законодателей прошла одна уловка: предусмотрена конфискация в казну так называемой сверхприбыли. Допустим, предприятие имеет на миллион рублей производственных фондов (оборудования, зданий, коммуникаций) и получило за год по 30 копеек прибыли с каждого рубля, то есть всего 300 тысяч рублей. Тогда оно платит с этой суммы налог, а остатком распоряжается по своему усмотрению. Но Боже упаси снять с оборудования больше прибыли — весь излишек будет безвозмездно изъят в казну государством. Между тем рыночная экономика держится на том, что прибыль на вложенный капитал может быть сколь угодно высока, если предприниматель верно угадал потребность в товаре, опередил конкурентов в техническом прогрессе, в качестве продукции, в снижении издержек производства. Не замеченная законодателями идея конфискации «сверхприбыли» ставит предел предприимчивости и вполне способна даже в одиночку блокировать переход к рынку.

Эти польские уроки нам предстоит смиренно выучить — дельное перенять, ошибки отвергнуть. Начинать можно хоть завтра, была бы решимость, политическая воля к переменам. Но есть, к сожалению, в чужом опыте такое, что нам пока недоступно. Мы начинаем переход к рынку с разных стартовых условий.

Ключевой мерой на этом великом повороте является возрождение священной и неприкосновенной частной собственности (частной я называю любую не государственную, не казенную собственность, будь то акционерная, кооперативная, семейная или индивидуальная).

Как мы поняли из бесед с ведущим специалистом по приватизации Мацеем Радзивиллом, с преобразованием государственных предприятий в частные поляки недалеко ушли от нас — те же споры об акциях, фондовых биржах, выкупе собственности. Но один сектор экономики там всегда оставался частным — в Польше не было и нет колхозов. Поэтому даже в худшие годы страна кормила себя (у нее нет ведь нефти и золота, чтобы обменять на хлеб Аризонщины и голландское масло). В сытой стране проводить рыночные преобразования, разумеется, проще.

Не то у нас. Между тем удачные реформы начинались в нашей стране обязательно с сельского хозяйства. Так было в 60-х годах прошлого века, в столыпинский период, при переходе к нэпу. Уроки истории не взяты в расчет перестройщиками, что и предопределило их провал. Доказана и передоказана историческая бесперспективность колхозно-совхозного строя, насажденного в согласии с утопическими теориями. Во всех процветающих странах основу сельскохозяйственного производства составляют семейные фермы.

Мне доводилось уже излагать в печати свой план на сей счет. Но надо спешить. Если мы не успеем до осени, самое позднее до зимы создать первые тысячи единоличных хозяйств, тогда и 1991 год будет потерян, как беспутно промотаны уже пять лет для перестройки экономики. Польский пример еще раз убедил меня: начинать надо с села, возрождение крестьянства — вопрос самого бытия России.

ПРОЕКТ КОННОЙ СТАТУИ

Мне помогли разобраться в здешних делах ученые, банкиры, близкие к правительству экономисты, братья-журналисты, торговцы-оптовики, словом, знающие люди. Но главное я понял сам и сразу по приезде, отправившись побродить по Варшаве. Неподалеку от центра целый квартал занимает одно удивительное здание. Оно буквально подавляет окрестные дома холодной импозантностью, величественные пропорции внушают прохожему, сколь он мал и ничтожен. Но заперты массивные двери, пусты обширные стоянки для машин, вечерами ни в одном окне не вспыхнет свет. Здесь размещался Центральный Комитет ПОРП. Теперь здание национализировано, и городские власти не знают, что с ним делать. Когда взираешь на этот мертвый дом, прямо-таки потрохами чувствуешь: жизнь переменилась. Много впереди будет всякого, хорошего и дурного, одного больше не будет: эти вот прохожие, молодые и в летах, озабоченные и беспечные, такие разные по достатку, привычкам, жизненным целям, ни за какие посулы не согласятся снова стать марионетками в руках грозной направляющей силы, что обитала в этом холодном храме власти. Никогда впредь не потекут отсюда всепроникающие директивы, кого казнить, кого миловать, кому какая положена квартира, зарплата, кто достоин закрытых распределителей и загранпоездок, а кто обойдется, не велика птица.

И когда на прощальной встрече с университетским профессором я с завистью сказал про то, как быстро им удалось провести в жизнь тяжелые, непопулярные, но неизбежные решения, собеседник тихо и очень серьезно ответил: «Мы опередили вас в главном — здесь коммунисты больше не правят. Если бы их правительство чудесным образом предложило ту же программу, что и наша, сегодня вся Польша бастовала бы, требуя пресечь инфляцию, немедленно поднять зарплату, гарантировать занятость. Без доверия к власти ничего не получится. У премьера Мазовецкого резерв доверия был и пока есть».

Да, условие важнейшее. Наши стратеги в жутком цейтноте, при зависшем флажке никак не отважатся на единственно точные ходы, которыми можно еще спасти игру. Даже найдя верные решения, они пугливо отдергивают занесенную над фигурой руку. Вспомним знаменитый эпизод с госкооперативом АНТ. Продать за рубеж все несъедобное, без чего мы можем прожить,— отличный замысел! Нет, общество заподазривает правительство в мелком мошенничестве — министры, видите ли, приторговывают танками. Премьер публично пустил покаянную слезу, и теперь обнаглевшие таможенники не пропускают через границу даже гусеницы от танков, снятых с вооружения полвека назад. Или вот глава кабинета клянется перед телекамерами: в случае подорожания хлеба покупателям до копейки возместят потери. В ответ население штурмом берет магазины, будучи уверенным, что затеян очередной подвох. Дошло до удивительного посула: без поголовного одобрения цены не будут повышены. Сильное, уверенное в себе правительство таких экзотических референдумов не проводит. А вот в Чехо-Словакии тоже заранее объявили о повышении с 9 июля цен на продукты питания сразу на 20 процентов. Я был тогда в Праге. Ходил по магазинам в канун этого дня — никакого ажиотажа. В первый день торговли по новым ценам восторгов, понятно, не наблюдал, но и ворчания не услышал. Люди восприняли тяготу как неизбежность — с доверием к новому президенту страны.

Наша же высшая власть, отягощенная наследственными пороками, погрязшая в неудачах, теряет всякий контроль над событиями, или, как застенчиво выразился премьер, «налицо снижение уровня управляемости народным хозяйством». Не без претензий на монументальность он уподобил свой горемычный кабинет стреноженному коню. Однако не вернее ли разглядеть тут нерасторопного жокея, который заехал в тупик и в отчаянии нахлестывает лошадку — безвинная животина одурело взбрыкивает, прядает ушами, пятится от стены, не в силах сообразить, чего же от нее в конце концов хотят. Такая вот конная статуя мне грезится.

По-человечески жаль бедолаг при браздах, но ведь и страну тоже жалко — по слову поэта, была б она чужая, чья-нибудь, а то своя. Да и то возьмем в расчет, что они-то нас при случае навряд ли пожалеют. Весьма дальновидно поступил Л. И. Абалкин, загодя объяснив более чем вероятный провал очередной правительственной концепции... чем бы вы думали? Будущими происками врагов. В одном из недавних газетных интервью он заявил: «В обществе есть силы, заинтересованные в ухудшении экономической ситуации. Именно с ним они связывают свои политические амбиции. Всякое оздоровление экономики, улучшение ситуации на потребительском рынке, которое продемонстрирует способность правительства вывести экономику из кризиса, нанесет серьезный удар по этим амбициям». Уверен, не нанесет — допреж того правительству надо еще продемонстрировать помянутую способность, а покамест оно преуспевает лишь в развале хозяйства. Но какова предусмотрительность академика: заранее назначил посторонних ответчиков, правда, пока без указания имен и сроков. Впрочем, что ж тут нового? Все в лучших наших исконно-посконных традициях.

Конфликт между властью и населением стал непреодолимым, и я могу дать незадачливым реформаторам добрый совет: если народу не нравится правительство, надо сменить этот народ.

■

В связи с формированием Советов всех уровней часто слышу о том, что среди депутатов мало рабочих. Всякое депутатство — прежде всего политическая деятельность. Она требует определенных способностей, личных качеств и — самое главное — высокого уровня понимания общесоциальных задач. Какую бы социальную группу депутат ни представлял, он должен соотносить ее интересы с интересами других групп. В обществе все взаимосвязано, любое выпячивание интересов одних неизбежно затрагивает интересы других, и общие последствия неквалифицированных решений могут быть плачевны для всех вместе.

Депутатство по классовому признаку нам уже известно. Это вовсе не значит, что рабочий не может быть депутатом, это означает лишь пагубность отбора по признакам социальной принадлежности. Чтобы меня лучше поняли рабочие, поясню: я сорокадвухлетний рабочий и хорошо уяснил себе всю фальшь системы, именуемой «рабоче-крестьянской властью». И считаю, что пора нам иметь просто нормальную цивилизованную государственность без идеологических нашлепок типа «рабоче-крестьянское», «народное», «демократическое»... Суть государства определяется не ими, а тем, как живется там народу. И если мы доведены до позорных нищеты и бесправия, то наша «рабоче-крестьянскость» выглядит издевкой над нами.

Пусть рабочие своими голосами на выборах решат, кому лучше представлять их интересы в парламенте.

В Томске председателем горсовета избран рабочий А. Черкасский. Но я, рабочий, был бы удивлен, если он принялся отстаивать прежде всего права рабочих. А учителя, инженеры, священники, пенсионеры? Общество неделимо. Есть прежде всего человек. А признак социальной принадлежности — потом. Как только об этом забыли, так общество и скатилось к нищете и одичанию.

Молодой ученый-физик, народный депутат СССР С. Сулакшин представляет томичей в высшем органе власти страны. Он упор в своей деятельности делает на положение в науке? Чего бы стоил тогда он как депутат... Именно мировоззренческая широта, интеллект, последовательное отстаивание общезначимых демократических ценностей сделали его яркой политической фигурой. И как серо выглядят на фоне таких людей депутаты, ограничивающиеся перечислением профессиональных бед. И как просто аппарат манипулирует такими «профессионалами». Потом удивляемся, почему нет ни одного толкового закона общенациональной значимости. А пока не приняты демократические законы для всего общества, пока не отменены прежние дикие указы и постановления, не решится ни одна общезначимая проблема. Так что дело не в том, кого больше в Советах: рабочих или философов, а с чем они туда. пойдут.

В. АКУТИН,
электромонтер «Томскводоканала»
Томск

■

Народным депутатам РСФСР тт. Белых Ю. В., Вишневскому Ю. Г., Исаеву В. А., Китову Ю. Б., Кокшарову Б. Н., Кожину А. С., Муренину К. П., Ойкиной З. Н., Пономареву К. П., Путинцеву В. К., Романову Н. И., Федорову Д. Л., Чирскову В. Г.

Просим вас удовлетворить отнюдь не праздное любопытство ваших избирателей и подробно осветить свою деятельность на съезде. Пока о деятельности наших парламентариев мы имеем весьма скудные сведения, но и они нас очень настораживают.

Так, из публикации в газете «Советская Россия» за 24 июня 1990 года о поименном голосовании по важнейшему, на наш взгляд, вопросу — постановление «О разграничении функций управления организациями на территории РСФСР» — видно, что этот вопрос, а возможно, и другие, по которым нет публикаций, большинство депутатов от нашей области во главе с первым лицом ее т. Мурениным К. П. не волнует или, наоборот, волнует настолько, что они решили его блокировать и сорвать принятие, так как на этом заседании присутствовало всего 5 депутатов из 18.

Откровенно говоря, мы хотим, чтобы депутаты не только информировали нас, но и объяснили, чье мнение (каких избирателей области) они старались выразить своими действиями.

Прогулы нуждаются в оправдании (ведь почти каждый из вас руководитель и знает, чем грозит прогул рядовому работнику). Если кто-то из вас считает, что «депутатские доспехи» ему тяжелы, то надо в этом честно признаться.

В. БЕЛЫШЕВ, депутат горсовета,
В. ПЛЕВО, депутат райсовета,
Л. ПИСКУНОВА, Н. АКСЕНОВА —
всего 198 подписей
Саратов

■

Новые партии общедемократического направления провозгласили один очень важный на современном этапе принцип политической борьбы, а именно: никакого насилия, только парламентские методы борьбы. И это, естественно, не от слабости позиций.

Там, где «борьба за счастье народа» сопровождается революционной необходимостью чуть-чуть (ну, конечно, в виде чрезвычайных мер) придушить одних политических противников, немножко пустить кровь другим, для общей пользы прищемить голову третьим (слишком умным) — там на страну опускается мгла диктатуры. Черные, желтые, красные — не все ли равно какого цвета веревки на заломленных руках народа?

Путь парламентских методов борьбы, гарантирующий от насилия, буквально выстрадан мировой цивилизацией. Это, в сущности, узкая тропа через кровавые трясины гражданских войн и революций.

Между тем официальные документы такой мощной политической партии, каковой является КПСС, не содержат подобных гарантий. Следовательно, ее партаппарат, полностью контролирующий армию, КГБ, МВД, оставляет за собой право удерживать (и диктовать) свою власть при любых обстоятельствах и любыми методами. Исторические прецеденты: октябрьский 1917 года переворот, разгон в январе 1918 года Учредительного собрания — Всероссийского многопартийного парламента, ликвидация оппозиционных партий.

Наступило время, когда парламенты (союзный и республиканские) должны обратиться ко всем партиям с призывом обязательного декларирования в своих партийных документах исключительно парламентских методов борьбы за власть. В противном случае партия, безусловно, представляет собой общественно опасную организацию, не подлежащую регистрации в органах Советской власти.

Д. НЕСТЕРОВ,
биолог
Липецк

■

Начался период уборки урожая. Вне всяких сомнений, и на этот раз без помощи военных убрать хлеб не удастся. И, хотя мне трудно представить, чтобы в 1913 году какой-либо лейб-гвардии Его Императорского Величества драгунский полк грузился в эшелоны, чтобы помочь убрать урожай крестьянам Саратовской губернии, ныне с необходимостью такового не согласиться трудно. Что поделаешь, крах идеологии отражается на всем, особенно на наших желудках. И именно поэтому меня тревожат факты неразумной расточительности нашего орденоносного генералитета.

Отправляясь на уборку урожая в прошлом году из Крыма в Саратов, я со своими товарищами насчитал 26 встречных эшелонов с автотехникой, аналогичных нашему. Они, оказывается, шли в центр России с Урала и даже Дальнего Востока, а мы в Саратов! Возмущению водителей-приписников не было предела. Видимо, наши генералы все еще играют в солдатики, перебрасывая крупные автобатальоны из одного конца страны в другой. Деньги-то не из своего кармана, а железная дорога все стерпит.

Но теперь, видимо, не только она. Потрудиться придется и Аэрофлоту. Именно он в этом году должен перевезти приписников из Саратова в Севастополь для получения техники, а оттуда по «железке» вновь в Саратов! Эксперимент?! Что это? Бестолковость или?..

С. МЕРКУЛОВ,
ст. лейтенант
Симферополь

■

Прошло более 4 лет после чернобыльской трагедии, принесшей много бед людям. Время идет вперед, и взгляд на чернобыльскую аварию меняется. Государственный надзор атомных электростанций (ГАЭН) создал комиссию для выяснения фактических причин аварии на ЧАЭС. Комиссия работает с 1 июля 1990 года и свои выводы представит в Прокуратуру СССР для пересмотра судебного процесса над виновниками аварии.

Мой муж, Фомин Николай Максимович, бывший главный инженер Чернобыльской АЭС, осужден на 10 лет. Отбывает наказание в тюремной больнице около 4 лет, тяжелое состояние его здоровья заставляет меня писать и просить о помиловании и милосердии. Врачи психиатрической больницы, где находится мой муж, проявляют к нему должное внимание, но здоровье его ухудшается, ему необходимы лечение на свободе и домашний уход, иначе болезнь может приобрести необратимый характер. Диагноз заболевания, который дала больница и который подтвердил Институт общей и судебной психиатрии им. проф. В. П. Сербского в Москве, находится в перечне заболеваний, который освобождает заключенного от отбывания наказания... Но никто не решается сделать этого в отношении моего мужа. Чернобыльская трагедия каждый день с нами, и общественность знает, что «виновники» строго наказаны.

В течение всей работы ЧАЭС нам внушали, что аварии с разрушением реактора произойти не может. После аварии судили только персонал станции, но разве виновны только они? Адвокаты после суда утешали нас, что это, дескать, политическое дело, и ничего сделать сейчас нельзя. Но через год разберутся и будет другое решение. Но разбираться никто не хочет, и даже решение Верховного суда о выделении в отдельное делопроизводство о проектных организациях ЧАЭС тихонько замяли: «виновники» сидят, и все это знают.

Я твердо знаю, что мой муж честно работал, всего себя отдавал строительству и эксплуатации станции, и в том, что произошло, вина его не доказана. До аварии он был перспективным работником, был выдвинут на должность главного инженера Хмельницкой АЭС, но, так как был болен (на год врачи дали ему инвалидность), не мог туда выехать. Тогда руководство ЧАЭС упросило его выйти на работу, чтобы заниматься только 5-м строящимся блоком. Он вышел за месяц до аварии, и вот вся вина пала на него. Сразу после аварии он стал некомпетентным работником, разгильдяем и прочее. Почему Атомэнерго не захотело защитить работников станции? Еще в июне 1986 года — сразу после аварии — мне там сказали, что правительство указало наказать пять-шесть человек. Значит, уже тогда, без разбора причин аварии, виновники были определены. И на суде заслушивались только те свидетели, которые давали показания против обвиняемых.

После суда мужа отправили в колонию общего режима, хотя надо было сразу в тюремную больницу — ведь до суда его лечили, используя лучшие импортные лекарства, чтобы было кого судить. Через месяц после суда я приехала в колонию — он был в совершенно невменяемом состоянии, администрация колонии не знала, что с ним делать. Я плакала и просила направить его в больницу. На что мне следователь сказал: он здоровее нас, это не пионерлагерь.

Почему в нашей стране человек так бесправен и беззащитен? Если даже он виновен, но он же человек! И поступать с ним надо по-человечески. Разве он хотел беды людям и своей семье? Почему сейчас, когда по закону его можно освободить, никто не решается этого сделать? Разве он опасен для кого-то? Я верю, что правда восторжествует. Но доживет ли до этого дня мой муж? Поэтому я продолжаю просить за него.

И. ФОМИНА
Удомля Тверской обл.

О ДЕПУТАТАХ И РАБОЧИХ ●
ЗАПРОС ИЗБРАННИКАМ НАРОДА ●
УБОРКА И ВСТРЕЧНЫЕ ЭШЕЛОНЫ ●

■

В фотокадры корреспонденции С. Ромейкова («Фенол на душу населения», «Огонек» № 26) попали действительно впечатляющие события. Но за кадром осталась «малая химическая война» против жителей города Уфы. Эта война шла многие годы, и велась она заводом «Химпром» вполне осознанно. А химическим оружием послужил небезызвестный «эйджент орандж», применявшийся армией США во Вьетнаме.

Уфимцы хотят знать правду. Народные депутаты СССР от Башкирии добиваются у Н. И. Рыжкова правды о диоксине, а им в ответ — официальную тягомотину. Горсовет Уфы просит Минздрав РСФСР проанализировать воду только на диоксин, а им — многословную бумагу, где есть все что угодно и ни слова о диоксине. Уфимцы просят сделать анализ своей воды в Западном Берлине — и получают его, и опять читают все что угодно, только без диоксина (немцы, кстати, тут ни при чем, это «по согласованию с заказчиком»).

Таковы будни в Уфе.

Л. ФЕДОРОВ,
доктор химических наук
Москва

■

Перестройка началась «Ленинианой» Шатрова и «Детьми Арбата». А затем она докатилась до политически тенденциозных сочинений Солженицына, антиленинских псевдофилософских рассуждений Гроссмана и антисоветчиков из «российского зарубежья». И в этом ее скатывании по наклонной плоскости, ведущей от света очищения — от сталинизма — к болоту клерикально-мракобесного антисоциализма, немалый вклад «Огонька». Куда дальше? С такими членами редколлегии, как Травкин и Евтушенко, можно уйти в это болото «с концами».

Травкин — брежневский карьерист, ставший ренегатом КПСС и использующий «Огонек» для ругани партии, которой он обязан всем. Евтушенко, доказавший, что он весьма недалекий и вздорный человек, тем, что он оскорбил Маркса и оклеветал марксизм в своих бездарных стихах.

Боюсь, что вы растеряете многих своих почитателей, а новых не приобретете. Жаль и вас, жаль и нашу перестройку.

Я. АСКИН,
профессор Саратовского госуниверситета,
доктор философских наук

■

Недавно «АиФ» опубликовали данные о нормах питания заключенных в ИТУ СССР. В соответствии с ними сумма питания заключенного 25 рублей в месяц, кроме того, норма расходования осужденным денег в магазинах ИТУ на приобретение продуктов питания также составляет 25 рублей в месяц. Если сложить, то получится 50 рублей — сумма, почти соответствующая прожиточному минимуму миллионов людей, живущих на свободе. Меня заставила взяться за перо абсолютная ложь этого утверждения. Как же все обстоит на самом деле?

Во-первых, чтобы истратить в магазине ИТУ 25 рублей, необходимо наличие 24 всенародных праздников в году, так как только на великие праздники заключенному выдается 3 рубля, да и это надо заслужить. Во-вторых, необходимо отбыть половину срока наказания и перевыполнить норму выработки, установленную 30 лет назад. Кстати, за 20 лет я ни разу не тратил 25 рублей в месяц и не ел на 25 рублей. Отовариваться нам разрешено на сумму от 7 до 10 рублей в месяц, и еще 7 рублей прибавляется за перевыполнение плана, но попробуйте перевыполнить драконовскую норму.

Питание — тоже 25 рублей в месяц. Почему бы не сообщить при этом, что эта цифра и определяет процент туберкулезных и других больных?

К письму прилагаю ведомость зарплаты со всеми вычетами. Там указано, кстати, и на сколько нас кормят. Это ведомость самой стабильной бригады автослесарей, которая работает круглый год под открытым небом. Хотелось бы против каждой фамилии написать и кто чем болен, но не хочу вам портить настроение.

В общем, мягко говоря, данные, приведенные в «АиФ», далеки от истины. Конечно, прочтя такое, можно подумать: и там жить можно. Если люди будут знать правду о том, как живут заключенные в колониях, то и преступлений будет меньше.

В. ТАРАСОВ
п. Бадья Верхнекамского р-на Кировской обл.

■

Пишут вам жены офицеров и прапорщиков одной из авиационных частей, находящихся в Германии.

В самом скором времени нашим мужьям и нам, разумеется, предстоит вывод в Белоруссию. Не будем говорить о радиации и прочем — живут ведь там люди,— нас больше заботит самая острая, пожалуй, проблема — жилье. Новое командование сообщило, что квартир нет, порекомендовало жен и детей отправлять к родителям. Но разве это выход и к чему это приведет... Ведь прошлый год показал, как производился вывод войск, в каких условиях живут люди и по сей день. Неужели нам мало забастовок и «ходоков», вот и это письмо...

Наши мужья — люди подневольные, они давали присягу «стойко переносить все тяготы воинской службы». А за что страдаем мы, жены (есть больные, беременные, с маленькими детьми), и наши дети?

Нам неведомы планы главного командования, но необходимость решения видна «невооруженным» глазом. О предстоящем выводе мы знаем уже год и год собираемся и готовы выехать. Но почему не хватило времени построить дом на 70 семей?!

Просим вас, помогите задержать вывод нашей части до создания для нас человеческих условий проживания.

Е. БАКАНОВА,
Л. ВОЙЦЕХОВСКАЯ,
Л. ЗИМИНА —
70 семей военнослужащих

Посольство Государства Кувейт
Москва - СССР

سفارة دولة الكويت
موسكو

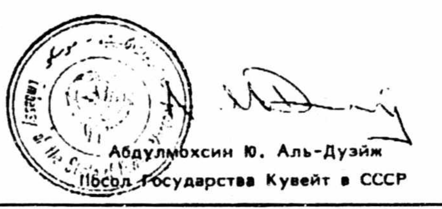
№ — الرقم
Дата 5 августа 1990 г. — التاريخ

ЗАЯВЛЕНИЕ
ПОСОЛЬСТВА ГОСУДАРСТВА КУВЕЙТ В СССР

Посольство Государства Кувейт в СССР не признает и осуждает так называемое "новое Кувейтское правительство", сформированное агрессором - иракской правящей верхушкой. Посольство подтверждает, что кувейтский народ не признает это пресловутое правительство, так как само его существование является прямым следствием преступного вторжения иракской военщины в Кувейт, которое осуждает весь мир.

Посольство подтверждает свою верность правительству Его Высочества Эмира Кувейта шейха Джабера Аль-Ахмеда Ас Сабаха, которое возглавляет Его Величество наследник престола, Председатель Совета Министров шейх Саад Аль-Абдалла Аль-Салем Ас-Сабах.

Посольство также предостерегает от сотрудничества с любой стороной, претендующей на связь с незаконным правительством.

Абдулмохсин Ю. Аль-Дуэйж
Посол Государства Кувейт в СССР

■

Уважаемый Георгий Степанович Женов!

Прочел в «Огоньке» № 28 ваше письмо — ответ на публикацию Елены Георгиевны Боннэр «Голодовка» в № 21 «Огонька».

Честно говоря, я удивился вашему стремлению из-за нескольких десятков строк, касающихся, как вы выразились, вашей «персоны», поставить под сомнение всю книгу.

Публикация, вызвавшая ваше негодование, касается и меня, так как я — тот самый «Юра Ших», который встретил Елену Георгиевну на перроне. Свидетельствую: о вашем «Боюсь!» (в ответ на приглашение зайти на чашку кофе), как и обо всем остальном вашем ночном разговоре в поезде, Елена Георгиевна рассказала мне тут же, на вокзале.

В остальном мое свидетельство, конечно же, косвенно, поскольку вы разговаривали в купе с глазу на глаз, но давнее знакомство с Еленой Георгиевной позволяет мне утверждать: она никогда не лжет.

Возможно, ваша забывчивость (если это действительно забывчивость) объясняется вашим состоянием? Напомню, что в публикации Елены Георгиевны цитируется дневник Андрея Дмитриевича, видевшего вас в Горьком перед отходом поезда.

И последнее. Книга «Постскриптум», фрагмент из которой и назван в «Огоньке» «Голодовка», не «обещана читателям», как пишете вы, а вышла на Западе уже четыре года назад. В СССР она печатается только сейчас: журнальная публикация — в «Неве» №№ 5—7 за этот год, осенью книга выйдет массовым тиражом в издательстве «Интербук».

Извините!

Юрий ШИХАНОВИЧ

■

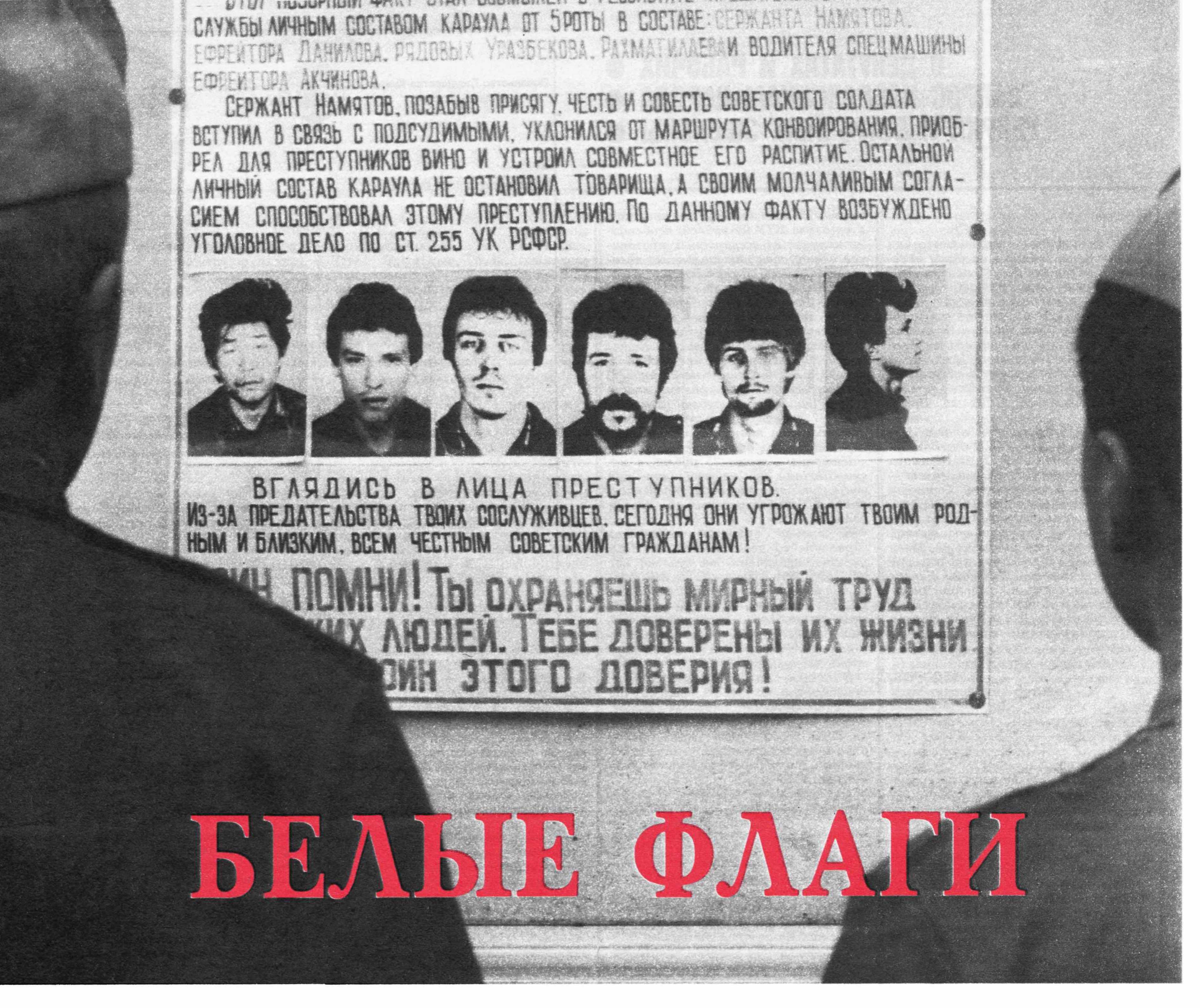
Считаю безнравственным повышение цен на хлеб, газеты, журналы.

Л. ДМИТРИЕВА
Красноярск

Мы чрезвычайно обеспокоены тем, что руководство страны, ничему не научившись на опыте нелепой антиалкогольной кампании, намерено перенести ее опыт в сферу печати. Планируемое аппаратчиками повышение цен, по нашему твердому убеждению, не приведет ни к чему хорошему. Желанных денег в бюджет не поступит (тиражи рухнут), консерваторы возликуют, потому что наконец гласность будет унижена. Как во время антиалкогольной кампании, когда народ начал пить суррогаты, он начнет теперь суррогаты читать. И вреда от этого будет побольше...

«ОГОНЕК»

Выражаем глубокое соболезнование газете «Правда», не сумевшей усилиями своего автора Н. Кожанова «Наука ненависти?» (5 августа 1990 г.) разобраться в сути выступления А. Нуйкина в № 31 «Огонька» и позволившей себе совершенно неприличный тон в ее обсуждении. С особенным прискорбием отмечаем, что целая серия выступлений такого тона появилась в «Правде» уже после публикации Закона о печати. Или для флагмана партийной прессы этот закон не писан?

БЕЛЫЕ ФЛАГИ

Георгий РОЖНОВ

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА и Владимира СЕМЕНОВА

12 июля, вечером, московская программа телевидения неожиданно прервала цветной видеоклип и одну за другой показала шесть черно-белых снимков: внимание, розыск! Найти и обезвредить Кима Г. В., Смердова А. Г., Павлюченкова К. К., Георгиева В. С., Донца И. В., Денисова Ю. Ю. Опасные преступники сбежали из спецавтомобиля во время перевозки из Мосгорсуда в следственный изолятор № 2 — Бутырку. С оружием караула внутренних войск — 3 пистолета Макарова и 32 патрона. Обвинялись в преступлениях тягчайших — три убийства, одиннадцать разбойных нападений, изнасилование, кражи, тяжкие телесные повреждения, сопротивление работникам милиции.

Я выслушал и не поверил. Из спецавтомобиля убежать нельзя. В обиходе его называют автозаком, или «воронком»; это маленькая тюрьма на колесах. Как в каждой тюрьме, в такой машине есть камеры, они закрыты на внутренние и навесные замки. Двери камер — стальные решетки. В тамбуре — трое часовых с пистолетами. Дверь из кузова можно открыть только снаружи. Начальник караула сидит в кабине рядом с водителем, часовые могут связаться с ним по прямому телефону. Случись что — на пульте перед начальником вспыхнет красная лампочка тревоги. Опасных преступников, как правило, возят в наручниках, иногда — в соседстве со служебной собакой. Ни отклоняться от маршрута, ни останавливаться без крайней нужды спецавтомобиль не имеет права.

Сбежишь?

И все же не буду столь категоричен. Обрести свободу пассажиры «воронка» могут, если им хорошенько подсобят сообщники с воли: подложат на дороге взрывчатку, устроят столкновение или атаку боевого вертолета, подкрепив все это гранатами, пистолетами, автоматами,— все это мы видели в кино.

Здесь же, в центре Москвы, в трех минутах езды от Садового кольца, все произошло на редкость неприметно для чужого глаза и тихо — ни взрывов, ни стрельбы, ни погони. Трудно даже сказать, что преступники сбежали — они ушли. И, как говорят в их среде, с концами.

На восьмой день после этого еженедельник МВД «Щит и меч» отдал фотографиям шестерых беглецов всю первую полосу: вооружены и очень опасны!

Что верно, то верно — людям, над которыми висит вполне реальная, обещанная законом угроза смертной казни, страшиться более нечего. Если в первые же минуты после побега им не уготовано надежное убежище, любой прохожий окажется их жертвой — три пистолета Макарова загрохочут выстрелами.

Но пока, как я догадываюсь, читатель уже терзается вопросом: что же за мудрые головы были у этих шестерых, какие золотые руки, какая такая хитрость, что так легко удалось пройти сквозь стальные решетки и железные стены неприступного автозака? Спешу разочаровать тех, кто ждет от меня образа представителя преступной элиты: хладнокровный просчет вариантов, лазерный пистолет в носке башмака, дар экстрасенса. Ничего похожего. Никто из этих уголовников, как говаривали ранее, лицеев не кончал, у каждого образование даже не повальное наше среднее — ниже. Таким я уже посвятил недавний очерк «Крыша» в «Огоньке» и здесь, как и в Воронеже, я вижу нижний эшелон мафии, лапотную «пехоту». Ранее совершенные ими преступления изяществом злодейского почерка не отличались. Один только пример — когда грабили респектабельную квартиру, прихватили из холодильника здоровый кусман мяса, да еще скверно замороженный, обляпали весь пол, и эксперты потом долго ломали головы над происхождением пятен крови — не иначе корову здесь резали. Но вот зато рост, вес, сила — убийственные в самом что ни на есть прямом смысле этого слова. Спортивные, хорошо накачанные молодые амбалы знали и боевое самбо, и дзюдо, и даже кун-фу. Жестокие, наглые, злые до исступления.

Теперь немного о карауле, который до недавнего времени назывался понятнее — конвоем. Из следственного изолятора в Мосгорсуд и обратно обвиняемых возили военнослужащие одной из столичных частей Центрального управления ВВ МВД СССР, личный состав которой только такие обязанности и выполняет. В кабине — сержант Намятов, помощник начальника караула, и ефрейтор Акчинов, водитель. В кузове — ефрейтор Данилов, рядовые Уразбеков и Рахматилаев. Каждому 18—19 лет от роду, ростом невелики, худущие, щуплые. Председательствовавшая в судебном заседании Г. А. Панюкова сказала мне так: «Я посмотрела на конвой — и мне

Окончание см. на стр. 30.

Владимир ДЕРЖАВИН

* * *

Как Александрийская библиотека,
Бывшее погибло;
Верных копий нет.
Только в зеркалах иного века
Отраженный тусклый брезжит свет.

В прошлом, словно в выжженной
пустыне,
Я оглядываюсь. Тьма вокруг.
И подобно варварской латыни
Чуждой речи дик мне звук.

Эти прежде жизнью полные
высоты —
Выморочный улей давних дней —
Над провалом в ночь огрузнувшие
соты
Рухнули под тяжестью своей.

* * *

Он, ангел утра, скорбный и немой,
С огромными падения глазами.
О чем как будто плачешь надо мной.
Склонясь дождеподобно волосами?

Потом куда уходишь навсегда,
Глазами зыбко стены озаряя?
Иль то
по косякам зари вода
Сквозь мокрый хлип плясала
молодая?

Поэты поколения Владимира Державина (1908—1975) достигли человеческой и творческой зрелости в середине 30-х, когда ни о какой гражданской и творческой свободе не могло быть речи. В этих условиях каждый одаренный литератор оказывался перед выбором, который грубо можно обозначить так: божий дар или яичница (отметим, что предлагаемая яичница подавалась с разнообразным гарниром: его составляли и правительственные награды, и персональные машины, и подмосковные дачи).

Тот, кто выбирал яичницу, становился одним из новоявленных классиков своевременно придуманного соцреализма, творцом советской субкультуры, на наших глазах превращающейся в своеобразное ответвление абсурдизма.

Тот, кто не хотел продаваться задешево, кто понимал свой дар как поручение, проходил все круги воплощенного отечественного ада. Роль Вергилия в этом путешествии зачастую исполняла классическая русская литература.

Выражение «не хлебом единым жив человек», столь охотно относимое к поэтам и поэзии, предполагает, что хлеб человеку и даже поэту нужен все-таки прежде всего. Многие честные поэты этого поколения добывали свой хлеб переводами. Достаточно назвать Арсения Тарковского, Марию Петровых. Одним из основоположников советской школы художественного перевода стал и Владимир Державин.

Классические произведения Омара Хаяма, Фирдоуси, Низами, Саади, Джами, Хафиза, Алишера Навои, а также Тараса Шевченко, Ивана Франко, Яна Райниса, грузинских и армянских поэтов; латышский, эстонский, армянский, узбекский и якутский эпосы — вот основные работы В. Державина, поэта-переводчика.

Между тем начинал он как оригинальный поэт и художник.

Детство его прошло в Кологриве Костромской губернии в семье земского врача. (Здесь его первым учителем рисования был Ефим Честняков.) В Костроме Владимир Державин окончил среднюю школу и изостудию. В 1925 году, переехав в Москву, поступил на факультет живописи ВХУТЕМАСа. Здесь учился у «самого» Фалька. В эти же годы написал многие значительные стихотворения и поэмы.

В 1928 году Державин встретился с М. Горьким, который с большим одобрением отнесся к его стихам, высоко оценил и картину «Дант и Вергилий в аду». Внимание Горького сыграло важную роль в дальнейшей судьбе молодого художника и стихотворца. Стихи Державина стали появляться в периодике. В 1936 году вышел его первый сборник «Стихотворения», где напечатаны и три поэмы — «Первоначальное накопление», «Северная поэма», «Снеговая корчага», в полной мере раскрывающие яркость и самобытность дарования Владимира Державина.

Однако первая книжка осталась единственной, вышедшей при жизни автора.

Судьба посмертных изданий стихотворений Державина оказалась также нелегкой, несмотря на безусловное внутрицеховое признание его мастерства.

Вот отрывок из письма Арсения Тарковского в издательство «Советский писатель»: «В. Державин был не только одним из лучших наших переводчиков, но и чрезвычайно даровитым автором оригинальных произведений. Эти последние весьма высоко ценили такие люди, как А. А. Ахматова, В. А. Луговской, П. Г. Антокольский...

В. Державин— автор замечательной поэмы «Первоначальное накопление». Сторонников безоглядного лиризма, быть может, отпугивает «ученое» название поэмы, и, не идя далее названия, они не хотят видеть чрезвычайно сильных, проявленных здесь движений человеческого духа, художественности поэмы, ее поэтического достоинства и общественного значения.

Небольшие стихотворения В. Державина так же замечательны, сильны, своеобразны и нужны читателю» (12 декабря 1986 года).

Предлагаем вашему вниманию неопубликованные стихи этого незаслуженно забытого поэта.

О. ХЛЕБНИКОВ

КУБОК

Опорожнен трижды кряду
И еще вдогонку дважды
Заповедный кубок мой.
И опять сулит награду
Ожиданью долгой жажды,
Искрясь пенною каймой.

Вровень налитый с краями
На столе — шестой по счету —
Он стоит передо мной.
В нем змеистыми струями
Вьются искр водовороты,
Расставаясь с глубиной.

По стене широкой плещут,
Словно отблески прибоя,
Солнца первые лучи,
Преломленные листвою,
Что за окнами трепещет —
Бушевавшая в ночи.—

Сквозь распахнутые рамы
Вваливавшаяся прямо
В мой питийственный чертог,
С шумом, хохотом и гамом —
Пьяниц сборищем упрямым,
Все спустившим до порток

У гремящей стойки шквала,
На кружале проливного
Предрассветного дождя...
И как будто не бывало
Буйств ночных, готова снова
Пить, монеты не щадя.—

То влетавшая зеленым
Благовестьем вдохновенья,
Счастья, славы, торжества,
То обратно — с затаенным
Шумом предостереженья
Убегавшая листва.

И теперь — по опохмелке —
После утреннего душа,
Вся — в лучах, вся будто из...
Блеска, коим блещут души
После адской переделки,
Восхищаясь в парадиз.

За дощатой переборкой
Басом сдержанным хозяин
Приказанья отдает.
Дымный зал гремит уборкой.
Пьяных прочь!
Здесь быть нельзя им —
Тем, кто больше уж не пьет!

(Боже! Как же мог забыть я —
Что быть может недостойней,
Чем хотя б на миг забыть
Ужас предрассветной бойни!
Ведь следы кровопролитья
Не успели смыть и скрыть!..)

Будто скованное в глыбы
Темного, как безнадежность,
И нетающего льда.
Все, чем жить они могли бы,
Отрывалось, и в безбрежность
Уплывало навсегда.

И несметной вереницей
Как сполох, ночные дали
Озарив мильоном глаз.
Отрешенные их лица,
С грозной песней, по спирали
Пронеслись в последний раз.

Но уже по доскам хлестко
Швабры бравых поломоев
Отстучали в добрый час.
И упившихся до лоска
Растащив и упокоив,
Вновь угащивают нас.

И по стойке бара, словно
По соборному витражу,
Сотней зайчиков дробясь,
В хрустали, в стенные бревна
Мечет огненную пряжу
Луч, играя и резвясь.

И в распахнутые окна
Веет свежий, корабельный
Ветер северной весны
По-Петровски первохмельный
Крутит в дымные волокна
Удивительные сны.

Мчится с песней небывалой,
Чародейной новой речью
Леденя и пламеня.
От огромного провала,
Убегавшего навстречу
Мне — несущегося дня.

И во здравье Жизни Новой
. . . .

...встал и поднял я
Свой шестой, послегромовый
Просветленный и кипучий
Полный кубок бытия.

ПРОГУЛКИ ПО НОЧНОМУ АДУ

Александр БОЛОТИН,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото Бориса БАБАНОВА

Я хорошо запомнил ее глаза. Они искрились молодостью, здоровьем, счастьем... С огромных плакатов она улыбалась повсюду: и у Красной ратуши на Александерплатц в Берлине, и на ростокских верфях, в древнем Мейсене и машиностроительном Магдебурге, в великолепном потсдамском парке Сан-Суси и исторически вальяжном Дрездене... Лицо этой милой девушки символизировало пружинистую энергию расцветающей Германской Демократической Республики. Подпись под плакатом гласила: «Мне двадцать!»...

Шла осень 1969 года. В составе одной из многочисленных советских делегаций, наводнивших ГДР в ту юбилейную пору, я ездил по стране, митинги дружбы были пышны и громогласны, за длинными столами обильно лилось спиртное; мои спутники, в основном секретари парткомов московских предприятий и председатели профсоюзных комитетов, произносили зажигательные речи о социалистическом единстве, его выдающихся экономических достижениях и лобызались с хозяевами на шумных банкетах. Помнится, название одного из своих репортажей, переданных по телефону в Москву, я повторил за транспарантом, который 7 октября демонстранты несли по улицам Лейпцига: «Наш путь верный!»

...Как же долго мы за закрытой дверью и Берлинской стеной ковали свой социалистический монолит, пренебрегая моралью и правом, здравым смыслом и разумом в угоду великой идее и незыблемым догмам. Как горько сегодня прозрение, как тяжело разочарование! А тогда на всех перекрестках шумели, что ГДР — один из самых надежных и благополучных экономических партнеров, впрочем, и у самих все было в порядке — быстрыми темпами двигались вперед. Недавно случайно попалось на глаза изречение «главного идеолога» брежневской эпохи Михаила Суслова, тот именно в 1969 году утверждал, что объем современного промышленного производства по отношению к 1913 году вырос в нашей стране в 79 раз! Кормили и одевали свой народ процентами, дутыми и замшелыми сравнениями, потихоньку приучали к этой лживой методологии своих друзей по соцлагерю, теперь сетуем, что он распался, плоды приходится пожинать вместе...

Не раз доводилось бывать в Восточном Берлине, где «самый правильный» в мире строй заканчивался на Унтер ден Линден у Бранденбургских ворот — здесь начиналась окруженная металлическими щитами нейтральная зона, все, что по ту сторону ворот, было неприемлемым, чуждым, пугающим... Однажды в знак особого доверия нас провели в помещение пограничного пункта, и офицер в форме госбезопасности показывал цветные слайды, демонстрирующие звериный оскал империализма — провокации на Берлинской стене, полуголые девицы и пьяные молодчики с пивными банками в руках. Вот он, мир безысходности, зла и насилия, вот он, капиталистический ад, вот он, страшный образ коварного врага, которого остается только ненавидеть и постоянно готовиться к схватке с ним.

КРУГ ПЕРВЫЙ — ЗАПАДНЫЙ БЕРЛИН

Я прилетел в Западный Берлин из Франкфурта-на-Майне на маленьком самолете «Пан-Америкэн», а до этого из Москвы летел на «Боинге» «Люфтганзы», и эти прославленные во всем мире авиакомпании умудрились потерять мой социалистический багаж — черную дорожную сумку, купленную когда-то в Краснопресненском универмаге. Только и всего. А мы еще Аэрофлот ругаем...

Три раза в день хожу за границу, с Запада на Восток и с Востока на Запад, из капитализма в социализм, из социализма в капитализм, из ада в рай, из рая в ад, туда и обратно... Равнодушный пограничник, а еще чаще пограничница в уставной форме, но без всякого пограничного азарта, традиционно напоминающего некий зуд охотника в поисках дичи, вяло вертит в руках мой международный паспорт — дань службе, скучный, обыденный и уже, наверное, ненужный ритуал. Как все изменилось здесь за эти годы... Бранденбургские ворота в строительных лесах, слышен стук отбойных молотков и шипение пескоструйных машин, западногерманская фирма «Lauch», видно, вовремя подсуетилась, получив выгодный подряд на реконструкцию знаменитой арки. Сейчас здесь снимается старый слой покрытия и восстанавливается лепнина. Вообще нетрудно обратить внимание, что всякие подвижки и переустройства у разумных хозяев начинаются с приведения в порядок инфраструктуры — в обновленном благоустроенном доме дышится чище и работается лучше, продуктивнее, поэтому ремонтные и строительные рабочие встречаются сегодня в Восточном Берлине чаще, чем когда-либо. Сразу за контрольно-пропускным пунктом со стороны Лейпцигштрассе ремонтируется дорожное покрытие, и дальше, вклиниваясь в глубь столицы ГДР, то там, то сям поднимаются стрелы подъемных кранов, высятся заборы, за которыми сложены штабеля строительных деталей.

Осмыслить то, что происходит сегодня здесь, сложно: процесс воссоединения Германии проходит явно неоднозначно, но удивляет его быстрое и решительное течение, каждый прожитый день не только подталкивает этот процесс, но и доказывает, что необратимость его очевидна, хотя недостатка в спорящих до хрипоты нет по обе стороны уже не существующей границы.

— А что вы хотите,— убеждал меня утром за завтраком доктор Ганс Герберт Гётц, почтенный журналист одной из западноберлинских газет, недавно перешагнувший пенсионный рубеж и очень остро переживающий, как он выразился, самую волнующую и драматическую фазу в развитии Германии — сближение Востока и Запада, уникальный политический и экономический эксперимент, пожалуй, не имеющий аналогов.— С одной стороны, путь к свободному рынку для ГДР открыт, 8 тысяч государственных предприятий переходят в частную собственность, с другой — 60 процентов промышленности республики традиционно связаны

с СССР. Значительная часть продукции судостроения, химического производства обычно поступала в вашу страну, а как будет сейчас? Федеральное правительство, исходя из общей экономической структуры, пробует найти амортизаторы, но частные предприниматели не торопятся открывать кошельки — с кем конкретно иметь дело, кто несет ответственность за кредит?

Путаницы много. Зона открытой границы — это не только свободная для каждого площадь перед Бранденбургскими воротами, всевозможные ларьки с прохладительными напитками, мороженым, появившиеся здесь в последнее время, и пересекающий ее старинный фаэтон с нарядными экскурсантами, это еще и бесконечная вереница автобусов с польскими номерами; их пассажиры, прорвавшиеся в Западный Берлин, атакуют большие и маленькие магазины города, тащат оттуда что попало — от кофемолок и «шарпов» до женских колготок и пластиковых пакетов с резиновой жвачкой. Недалеко от рейхстага, лишившегося сейчас своего примечательного купола, румынские цыгане и невесть откуда понаехавшие турки торгуют обломками Берлинской стены, модными брелоками, на их лотках много советской военной амуниции — шинели, фуражки, офицерские и солдатские ремни, эмблемы родов войск.

В пресс-центре на Моренштрассе, в Восточном Берлине, нас ждет важный собеседник — господин Вольфганг Герц, представитель постоянного представительства посольства ФРГ в ГДР. Дипломат очень спокойно и дружелюбно объясняет ситуацию:

— Кризис в ГДР — кризис всей социалистической системы. И здесь ни убавить, ни прибавить. Искусственно созданная страна оградила себя искусственной стеной, которая стала символом репрессий в буквальном и фигуральном смысле. Руководство СЕПГ во главе с Хонеккером решило проигнорировать процессы, происходившие в Восточной Европе, и, по словам вашего Горбачева, само себя наказало. Поэтому все произошло так быстро. Маленькая деталь. Во время китайских событий в прошлом году, имею в виду расправу над студентами в Пекине, правительство недвусмысленно дало понять, что оно целиком и полностью одобряет действия китайских руководителей. Тогда народ понял, что его ждет. К великому счастью, удалось избежать кровопролития. Революцию в ГДР называют «молчаливой». Теперь самое главное для восточных немцев — найти себя в новой для них жизни.

Если следовать логике моего собеседника, то ломка системы в ГДР носит не разрушительный, а скорее созидательный характер. Восстанавливаются разорванные связи, люди находят свои корни. В чем это выражается? На эту тему я беседовал с простыми гражданами, активистами различных партий, государственными деятелями, живущими и работающими в восточной части Берлина.

Карлу-Гейнцу Тойеркорну 38 лет. Он бывший слесарь по моторам, потом военный моряк. После службы учился в университете имени Гумбольдта и получил диплом искусствоведа. Верующий, католик, примерный семьянин. Сейчас он заместитель председателя районного комитета Христианско-демократического союза. Вот что он говорит:

— Формально отношения ХДС и Социалистической единой партии Германии строились на основе содружества, товарищеской поддержки друг друга, хотя мы сразу признали ведущую роль СЕПГ. Но характерный штрих системы: на словах — одно, на деле — другое. Наши гуманистические с христианской точки зрения требования безжалостно и безоговорочно подавлялись. А ведь в рамках государственного аппарата работает много верующих. Дело доходило до курьезов. В университете по марксизму-ленинизму у меня постоянно проставлялась единица (высший балл). А сдать экзамен по этой дисциплине было нелегко. Преподаватели разводили руками: если он так хорошо знает марксизм-ленинизм, то что ему делать в ХДС. Я уверен, что по-настоящему цивилизованное государство никогда не поднимает руку на религию, демократия — это прежде всего уживаемость различных мировоззрений.

— Национальная черта немца — мастеровитость,— продолжает Кнуш Хуве, начальник отдела сбыта мебельной фабрики.— В юности рабочий человек выбирает профессию и всю жизнь шлифует мастерство, доводя его до самых высоких кондиций. А поощряла ли это система? Конечно, нет! СЕПГ не только душила ремесленников, она разрушила традиционно сложившуюся школу мастерства. Плановое хозяйство, отвергающее качество, отсутствие конкуренции, уравниловка — серые, унылые и безликие экономические категории, толстые палки в колесах прогресса. Котировалась ли наша мебель на мировом рынке? Странный вопрос... А зачем? Люди покупали любую продукцию фабрики. Другое дело сейчас. Главная трудность — проблема сбыта. Некоторые мебельные фабрики ГДР придется закрыть, и ничего здесь не попишешь. Это трагедия бывшего общества иждивенцев.

...Грустные, но отрезвляющие мысли. Здесь, на стыке двух миров, все время думаешь, как будет трудно вырваться из пут былых иллюзий, как тяжел, в сущности, груз прошлого на шее каждого из нас.

Западный Берлин в отличие от Восточного умеет вкусно работать и вкусно жить. Ночной город выстреливает в темное небо зарево огней и море разноцветной рекламы, улицы шелестят шинами дорогих автомобилей и многолюдны, как днем. До позднего часа шумят рестораны, кафе, казино...

Курфюрстендамм — как удар по голове для попавшего впервые на эту знаменитую западноберлинскую улицу. Но, будем откровенны, удар приятный. Какой-то электрической силой отдает от фасадов красивых, искусно освещенных домов, круговорота толпы, залитых ярким светом витрин, в которых весь блеск и великолепие сытого, благополучного и преуспевающего мира. В самом начале улицы, где бьют фонтаны, высится остов разрушенной церкви, которая так и называется «Церковь напоминания». В силуэт города она вписывается, как ржавый гвоздь, торчащий из свежевыструганной доски. Но в этом мире ничто не бывает случайным. Довольно тонкий и выразительный пропагандистский трюк, точка отсчета, символ самоуспокоения — вот, мол, такие мы были, и вот, мол, какими мы стали. А я с пролетарской яростью, сжав от злости кулаки, воспринимаю этот символ как подлый намек: а вы почему не стали?.. Действительно, почему?

...По ночной Курфюрстендамм навстречу мне движутся люди, много людей — разные лица, одежды, походки. Вот суетятся подростки с выбритыми висками, точь-в-точь как наши панки на улице Горького или новом Арбате, вот раскованно, обнявшись, движутся спортивного вида юноши и девушки, вот степенный пожилой господин тянет пиво из высокого бокала и лениво разглядывает толпу за ресторанным столиком, вынесенным прямо на тротуар... Вечерние туалеты, запах дорогой косметики, наэлектризованный комфортом воздух. А ты какого хрена здесь забыл? — спрашиваю я себя и мысленно воображаю, как удобнее и спокойнее мне на до боли родных, полутемных, заплеванных и пьяных улицах Рязани, Курска или Новокузнецка... Да и какое мне дело до этих сытых, красивых, нарядных и чужих людей? Но я пытаюсь понять, как эти люди, побежденные и добитые в своем логове силой моего, нашего, русского, советского оружия, начинавшие так же, как и мы, на дымящемся пепелище, сумели построить такой кромешный ад, а я и еще 280 миллионов моих сограждан до сих пор пребываем в нашем сладком социалистическом раю.

...Ох, уж эта проклятая немецкая пунктуальность! Утром позвонил чиновник из «Люфтганзы» и вежливым голосом сообщил переводчику, что авиакомпания была готова выплатить советскому господину солидную компенсацию за утерю багажа, но, к сожалению, на наших авиалиниях никогда ничего не теряется, и моя черная сумка, купленная когда-то в Краснопресненском универмаге, найдена в Пекинском аэропорту и уже следует по назначению.

КРУГ ВТОРОЙ — БОНН

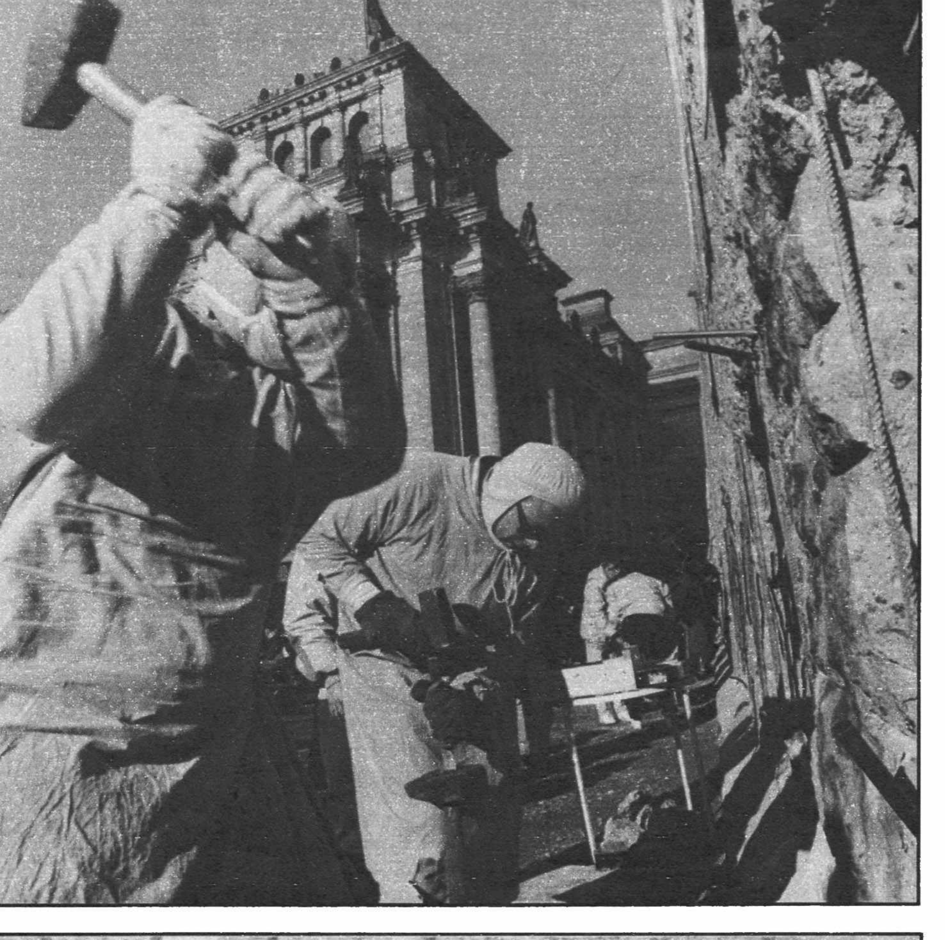
Исторически сложилось в моем детском послевоенном воспитании, что есть две Германии: одна наша — добрая социалистическая и демократическая, а другая чужая — злобная и коварная. И вот я попадаю в самое пекло этой второй реваншистской Германии, ее столицу Бонн, и вдруг с ужасом ловлю себя на мысли, что не испытываю никакой ненависти ни к этой земле, ни к этому старинному очень компактному городу, ни к его жителям — простым, симпатичным немцам, которые, как и мы, спешат на работу, отдыхают вечером на скамейках в парках, открытых кафе или просто гуляют по узким улочкам.

У моего поколения, родившегося за несколько лет до начала войны, к германскому народу особое отношение. Мы люто ненавидели фашизм, отнявший у многих из нас погибших на фронте отцов, и цепкая детская память долгие годы держала перед глазами листовки военного времени с жестоким и лаконичным приказом «Убей немца!». Потом в 1947 году маме выдали ордер на комнату в коммунальной квартире, новый дом на Саввинской набережной строили пленные немцы. Заселялся он постепенно, и, когда мы переехали, стройка была похожа немножко на концлагерь, во всяком случае, были и колючая проволока, и сторожевые вышки, на которых весело галдели с автоматами в руках молодые, отвоевавшие свое солдаты. Конечно, вся эта проволока и охрана носили условный, наверное, даже декоративный характер — бежать немцы никуда не собирались. Тогда я их увидел впервые, совсем близко, и образ людоедов, навязанный книжками и кинофильмами тех лет, значительно потускнел и стерся. Худые, истощенные, оборванные немцы были до подобострастия услужливы, а так это были обыкновенные люди, которые старательно работали, толпились в обед с котелками у полевой кухни, а вечером пиликали на губных гармошках свои немецкие мелодии. Помнится, они загибали автогеном для нас — мальчишек — толстую проволоку, получалась универсальная клюшка, которой одновременно можно было играть в хоккей и цепляться за проезжавшие по переулку машины. За это мы им таскали черный хлеб, карточки к тому времени уже отменили, и жить стало значительно легче. И вот сейчас, спустя много лет, я, очевидно, беседую и спорю с сыновьями и внуками тех, кто построил когда-то для нас в старом московском районе добротный жилой дом.

Самое интересное и парадоксальное, что больше всего от перестройки, начатой в нашей стране, на мой взгляд, пока выиграла немецкая нация. Во всяком случае, в Бонне все говорят, что воссоединение Германии произошло только благодаря политике Горбачева. Правда, если быть до конца откровенным, процесс этот в значительной степени стимулировал тоталитарный режим в ГДР, резко обострившийся во второй половине 80-х годов. Слова «Горбачев», «перестройка», «гласность» были практически запрещены в Германской Демократической Республике. Огромный аппарат подавления, созданный в выпестованном нами «демократическом» германском государстве, сосредоточил всю свою мощь на борьбе с новыми веяниями, донесшимися с той стороны границы из СССР. Не случайно народ прежде всего «отомстил» органам госбезопасности, карательная активность которых была особенно заметна в последние годы.

...Утром подъезжаем к бундесканцлерамту — государственной канцелярии. Молодые люди из службы безопасности тщательно проверяют документы, дальше машине хода нет. По дорожке тщательно ухоженного парка проходим к невысокому строгому темному зданию. Пока поднимаемся в лифте, сопровождающий нас чиновник рассказывает забавную историю, происшедшую во время последнего визита сюда Михаила Сергеевича Горбачева. В этот самый лифт вместе с Горбачевым набилось довольно большое число сопровождающих его лиц, и из-за перегрузки сработал отказ. Тогда один из его охранников вышел, и двери благополучно закрылись. Горбачев удачно сострил по этому поводу: «В лифте стало меньше оружия, и он начал подниматься вверх». Очевидно, эту байку рассказывают всем советским гостям.

Чувствуется, что советник канцлера по внешним и внутригерманским отношениям Хорст Тельчик, любезно согласившийся нас принять, хорошо осведомлен о том, что происходит в нашей стране. Он подчеркивает, что пере-

стройка не только создала условия для объединения Германии, но и в значительной мере изменила политический климат во всей Европе. Теперь перед Советским государством стоит главная задача — преодолеть глубокий экономический кризис. ФРГ готова внести свой вклад в оздоровление нашей экономики, использовать весь свой многогранный опыт сотрудничества с СССР, тем более резервы для этого есть. Вот, например, говорит он, у вас фигурирует такая цифра: 40 процентов сельскохозяйственной продукции не доходит до потребителя. Думается, некоторые западногерманские фирмы могли бы предложить свои посреднические услуги в ликвидации этого разрыва.

Но самое главное, дает понять господин Тельчик, процесс сближения ФРГ и СССР будет развиваться в зависимости от того, как быстро наша страна сможет изменить политическую и экономическую системы. Старые системы, по его мнению, себя полностью изжили, и все попытки сделать с их помощью экономический рывок полностью провалились. Конечно, продолжает он, у вас сейчас очень трудный период. Но трудности в самой природе революции, и от них никуда не денешься. Кстати, на встрече с журналистами накануне визита Горбачева в США некоторые представители прессы толкали президента на то, чтобы, пользуясь политическими и экономическими трудностями в СССР, диктовать ему свои условия, но Буш на это не пошел. Встреча на высшем уровне Буша и Горбачева показала, что это была встреча равных партнеров. О равенстве все время надо помнить. СССР десятилетиями проводил политику непризнания западных партнеров, и, конечно, понятна реакция на это. Вряд ли сейчас, спустя 45 лет после окончания войны, правомерен вопрос: кто из нас победители, а кто побежденные? Речь может идти только об отношениях двух суверенных государств.

Самый выгодный путь сосуществования — это путь компромиссов. Так считает наш собеседник. Беседа с господином Тельчиком проходила еще до сессии совета НАТО на уровне глав государств и правительств, состоявшейся в Лондоне 5—6 июля, но уже тогда разговор коснулся решительной трансформации Североатлантического блока, значительного изменения и смягчения его стратегических установок. Подчеркивалось, что НАТО меняет отношение к СССР, что наша страна теперь рассматривается не как враг, а как потенциальный партнер и друг.

...Точное знамение времени. Трезвые политики на Западе понимают, что перестройка в нашей стране пробуксовывает, главы правительств, которых еще недавно никак нельзя было обвинить в избыточных симпатиях к СССР, пытаются бросить нам буксир помощи. Хватит ли у нас гибкости и здравого мышления, чтобы не отторгнуть этот встречный шаг, в полной мере воспользоваться шансом для дальнейшей разрядки и потепления в мире?

Парламентские дебаты в бундестаге накануне официальной церемонии ратификации государственного договора между ФРГ и ГДР носили особенно острый характер. Различные партии как бы «прокручивали» свое видение проблем, неминуемо возникающих в ходе этого неоднозначного и во многом еще не осмысленного процесса. Мне же кажется, что когда-нибудь мы будем очень тщательно изучать этот опыт слияния двух абсолютно разных политических систем, ибо создание надежного, обеспеченного гарантиями мира и безопасности единого общеевропейского дома все больше переходит из категории розовой мечты в область конкретных решений.

О чем же в основном спорят депутаты бундестага в эти дни?

— Стабилизация на экономическом рынке в нашем новом германском государстве,— считает координатор внутрипартийных отношений во фракции ХДС/ХСС доктор Юрген Рюттгерс,— наступит не ранее как через три года. Фонд немецкого единства, отчисления от прибылей предприятий и акционерных обществ, насчитывает 115 миллиардов марок. Конечно, эти деньги не решат сразу всех проблем, ведь все граждане ГДР автоматически попадают сейчас в систему нашего социального обеспечения. Кроме того, в социалистической системе хозяйствования нет объективных цен, их, как правило, назначала государственная комиссия. Многие заводы брали рабочих, для которых не было работы. Естественно, предприятиям, не дающим прибыли, придется расстаться с частью своего контингента. Выход один. Должна заработать четкая и надежная система переучивания и переквалификации. То же самое придется делать и вам, если вы решитесь переходить на рыночную экономику. Хотя у нас рынка в основном боятся молодые восточные немцы, у стариков пенсионеров вроде бы все будет в порядке.

— Признаться,— вторит ему депутат бундестага от Социал-демократической партии (СДПГ) Ганс Бюхлер, являющийся и членом парламентской комиссии по внутригерманским вопросам,— внимательно изучая ГДР, я не обнаружил в структуре этого государства ни одной привлекательной черты. Надо было форсировать процесс. Иначе немцы с востока просто бы побежали в ФРГ, что создавало бы ряд дополнительных проблем. Мы предлагаем правительству различные меры, дабы облегчить процесс вживаемости. ХДС/ХСС создает наиболее привлекательные условия для предпринимателей, мы же прежде всего заботимся о человеке труда.

— Наша фракция была против воссоединения Германии,— говорит представитель Партии «зеленых» Шарлотта Гарбе,— плановое хозяйствование сводит на нет систему жесткого экологического контроля. действующую во всех федеральных землях. Бывший министр экологии ГДР был неглупый человек, но его психология опиралась на известный тезис, что природа — подспорье для производства, а мы исходим из того, что сами являемся частью природы и не имеем права вторгаться в нее. Восточным немцам предстоит освоить не только рыночную экономику, но и ее рыночно-экологическую модель. Впрочем, я буду голосовать «за», потому что воля народа сводится к тому, чтоб всем немцам жить вместе.

Поздно вечером 21 июня я спустился из номера, прошел по Королевской улице мимо итальянского ресторана «Инкаваллино» и пивной, на фасаде которой красовалась кокетливая бюргерша с пивной кружкой и датой «1837», и вышел на Поппельсдорфскую аллею, освещенную яркими огнями. Отсюда предстояло проехать несколько кварталов до набережной Рейна, где примерно на середине между мостами Аденауэра и Кеннеди расположены все правительственные учреждения Федеративной республики. Шел двенадцатый час ночи, но то памятное заседание бундестага еще продолжалось. Признаться, мне было интересно, как отреагируют немцы на столь эпохальный момент своей жизни, будут ли подбрасываться в воздух чепчики, бить пушки или греметь литавры. Естественно, в зал бы меня никто не пустил, поэтому я остановился у проходной... Начал накрапывать дождь, с Рейна потянул холодный ветер... В полдвенадцатого площадка у проходной ожила. Депутаты шли с заседания усталые, но явно оживленные. Из глубины двора потянулись машины. Наконец-то свершилось... Я подумал, что если бог создал единую Германию, то рано или поздно она должна была объединиться. И никто никогда не смог бы этому воспрепятствовать. Даже если ввести в воды Рейна крейсер «Аврора». Стоящий рядом охранник в штатском, не прячась, перекладывает из внутреннего кармана пистолет. Одним из последних

в большом черном «мерседесе» уезжает Гельмут Коль.

КРУГ ТРЕТИЙ — ГАМБУРГ

...Тихие московские проститутки, скромные феи разврата, застенчиво тусующиеся на столичном пятачке от «Националя» до Центрального телеграфа, привет вам горячий с берегов Эльбы. Могло бы вам присниться в самом смелом, безудержно дерзком сне, как великолепно наглы, напористы и изящны ваши коллегини со знаменитой Реппербанштрассе, улицы продажной любви в Гамбурге, или загадочной улочки Хербертштрассе, отгороженной с двух сторон деревянным забором, где в застекленных витринах сидят живые модели — молодые, красивые, полуголые девки, а мимо туда-сюда снуют покупатели — поднакопившие деньги моряки или розовощекие старикашечки, коим не дают покоя острые ощущения; здесь всю ночь много яркого света, экзотических нарядов, секс-шопов и секс-видео, магазинчиков с порнографией, маленьких то ли отелей, то ли борделей, где прохожих хватают за руки зазывалы злачных мест, где приторно пахнет копченым мясом и жареными сосисками, где все плывет навстречу друг другу, где все смеются, торгуются, ругаются... Заслать бы сюда какого-нибудь нашего досужего моралиста, какие звонкие рулады он бы пропел по поводу города низменных страстей и падших нравов, каким бы пафосом гремела его речь, обличающая эту вакханалию загнивающего ада, в котором сосредоточились все человеческие пороки. Но это — хочется ответить моралисту — еще не Гамбург и далеко не весь западный мир — это всего лишь портовый уголок, пятачок для любителей, а настоящий Гамбург там, где великая германская культура, многочисленные музеи и картинные галереи, и я лично не далее как вчера был в прекрасном городском театре оперы и балета, давали балет Мендельсона по комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь», лишние билеты спрашивали за два квартала, в зале яблоку негде было упасть, публика пребывала в восторженной экзальтации от увертюры до последнего аккорда, а занавес поднимали раз тридцать... Научиться бы уважать чужие порядки, тогда и у самих бы было меньше проблем типа что танцевать — легкий вальс или тяжелый рок. Во всяком случае, пусть, как говорят на привозе в Одессе, «каждый точит, как хочет».

Гамбургский порт раскинулся на территории в 100 квадратных километров, это гигантское индустриальное производство — лет 20—30 назад здесь работал каждый четвертый житель Гамбурга; сейчас ситуация изменилась, все портовое хозяйство механизировано и автоматизировано, на причальных стенках почти не видно людей. Путешествие по акватории порта мимо терминалов с какао и кофе, бананами и бумагой, лесом и рыбой может занять не один час, но каждый решившийся на него будет обязательно вознагражден видением особого рода. Недавно крупнейшая судостроительная фирма BLOHM + VOSS получила и выполнила необычный заказ стоимостью в 250 миллионов марок. Так эмир из Объединенных Арабских Эмиратов оценил свою яхту — судно неописуемой красоты я видел покачивающимся на речной волне у причала кайзера Вильгельма.

О Гамбурге можно много рассказать, но привели меня сюда отнюдь не портовые страсти. Не будем закрывать глаза на то, что создание нового сильного германского государства, сопутствующая этому процессу перегруппировка сил в центре Европы вызвали определенные военно-политические тревоги в нашей стране.

Устроители моей поездки по ФРГ рекомендовали мне съездить на север, в Гамбург, где сосредоточены различные политические институты, исследующие проблемы войны и мира. Так я познакомился с графом Вольфом фон Баудисаином — бывшим офицером бундесвера, бывшим преподавателем университета бундесвера, бывшим заместителем начальника Генерального штаба НАТО.

Отставной натовский генерал встречает нас на пороге маленького скромного дома, напоминающего скорее жилище скульптора или любителя абстрактной живописи, нежели профессионального военного. Профессору 83 года, он воевал вместе с Роммелем в Северной Африке, был взят в плен англичанами, в 1947 году вернулся в Германию, а через несколько лет стал советником Аденауэра. По случаю приезда советского журналиста он надел новый теплый пуловер и галстук-бабочку. Его почтенная супруга, графиня Дохна Дагмар бесшумно расставляет чашки с дымящимся кофе.

Признаться, я не каждый день беседую с графами, а тем более с натовскими генералами, поэтому, может быть, не очень корректно задаю вопрос, который меня действительно интересует, который в какой-то степени касается моей судьбы и многих судеб моих сверстников: насколько вероятно было военное столкновение в конце 50-х — начале 60-х годов между странами Североатлантического блока и СССР? Потому что именно в это время, знаю по личному опыту, наша страна сконцентрировала все усилия на создании самого современного и самого крепкого вооружения, бросив на решение этой задачи гигантские людские и материальные ресурсы. Впрочем, последнюю фразу генералу знать необязательно, и я произношу ее про себя.

— Конечно, в то время,— отвечает мой собеседник,— имели место срывы и обострения, потому что обе стороны еще не осознали всю мощь ядерного удара. Что касается Западной Германии, то здесь были отдельные реваншистские настроения, но они никак не отражали государственную политику. Мы и тогда отлично понимали, что в этой войне победителей и побежденных не будет. Лично я не боялся угрозы с Востока, но, конечно, многие считали, что СССР опасная в военном отношении держава, ибо, извините, марксизм не существует без и в отрыве от образа врага. Пора понять, что страны не могут жить без конфликтов, и если их нельзя сразу разрешить, то можно их регулировать. Для этого надо понять психологию своего оппонента и обладать умением уступить. К счастью, по моему убеждению, именно в этом направлении развиваются сейчас отношения между нашими странами.

Один из директоров Интернационального института политики и международных отношений, Уве Мёллер, в отличие от предыдущего собеседника почти мой ровесник.

— Почему вы всегда пишете в газетах,— встречает он меня вопросом,— «управляемая рыночная экономика», неужели вы не понимаете, что это все равно, если сказать про женщину, что она частично беременна. Я верю, что вы придете к рынку, но если будете так долго и тщательно нащупывать путь, то снова потеряете время и еще глубже завязнете в кризисе. В политике и бизнесе нужна решительность, вам тем более, чтобы преодолеть пессимизм.

— Я произвожу впечатление пессимиста, господин Мёллер?

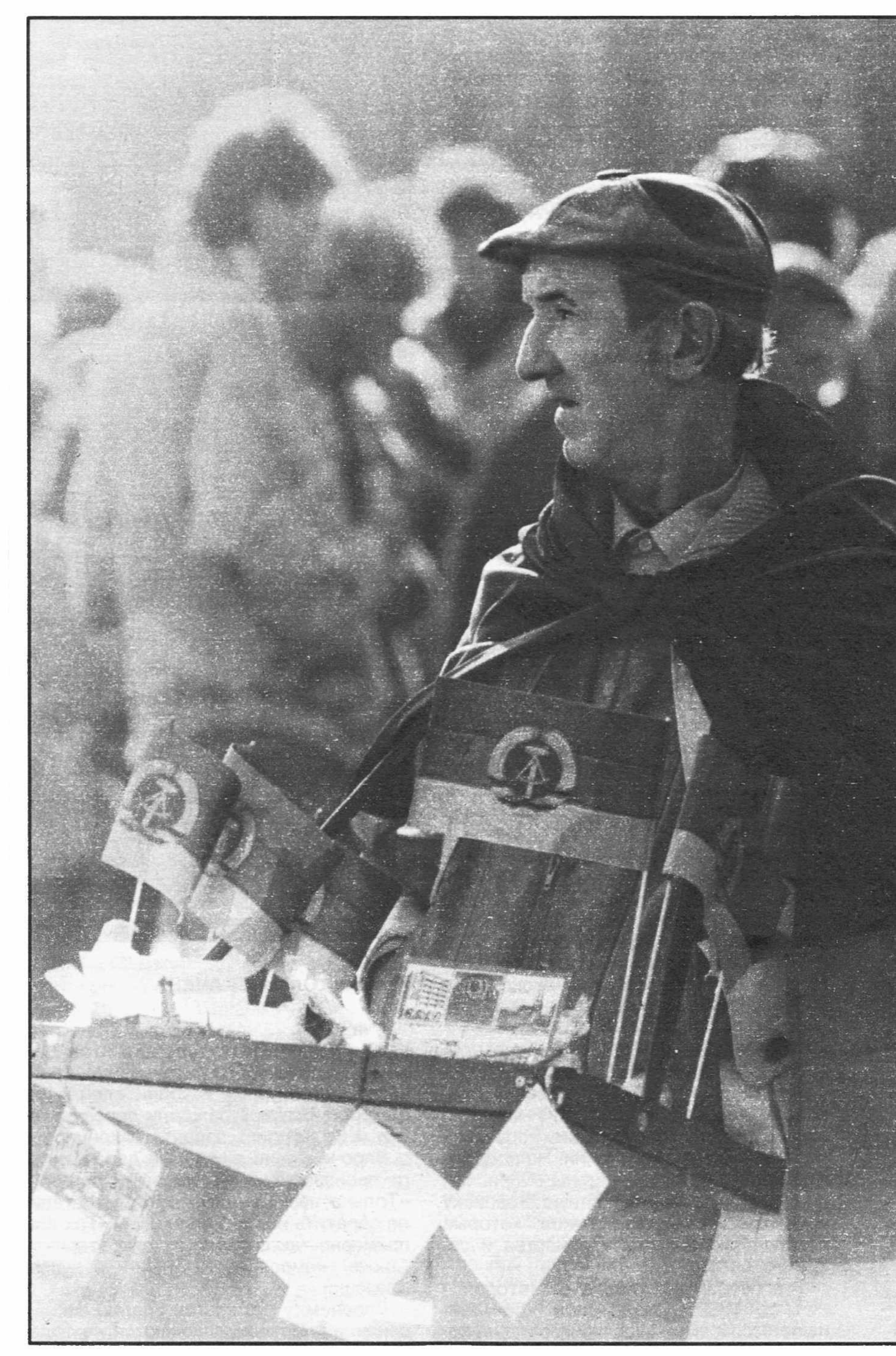
— Вы лично нет, но ваше общество в целом — безусловно. Мы на Западе это хорошо чувствуем. Вы теряете старых идолов, а новых еще не обрели или боитесь обретать. Пусть вашим идолом будет стремление к лучшей жизни, а как вы это назовете, какая разница...

— Вы готовы дать рецепт, чтобы мы уже завтра зажили лучше?

— Один рецепт есть. Не упустите свой шанс. По данным нашего института, сейчас самая благоприятная обстановка в отношениях между нашими странами, высокая степень обеспеченности безопасности двух государств.

...Верится, что две великие державы начали сближение.

ВОЗВЫШЕННОЕ И ЗЕМНОЕ

Джемма ФИРСОВА

I. ПОКА МЫ ЖИВЫ — МЫ НЕСОВЕРШЕННЫ...

Две судьбы

Как все повторяется в нашем лучшем из миров! Как все удивительно и таинственно совпадает — даже в деталях, отделенных друг от друга расстоянием в 150 лет.

Тот дальний год стал триумфом композитора, в целом не признанного при жизни его страной. Вот что писали о нем биографы и исследователи: его «значительные произведения были по большей части неизвестны: их нигде не играли». «Ему преграждают дорогу в театр, ему стремятся запретить концерты в Консерватории». В результате композитор «пробивался сквозь тысячи препятствий, воздвигнутых ненавистью в союзе с завистью».

Впрочем, отрицательное отношение к нему высказали и композиторы, не лишенные высокого дара. «Какой-то кривляка, без тени таланта... При этом пишет самые отвратительные вещи и ко всему тщеславен беспредельно»,— отзовется о нем будущий классик.

Его враги защищались не только от «варварской», по их представлениям, музыки, но и от самого композитора — от его несносного характера, его нетерпимости и самонадеянности, его эксцентричности и мстительности, от его вызывающей непочтительности к своим коллегам — небожителям «официальной» музыки. Не жаловал он и власти.

Тем не менее исполнение Реквиема имело огромный успех. Аплодировали стоя. Газеты в большинстве своем превозносили и автора, и его творение. Правда, и сам композитор в преддверии премьеры «до изнеможения хлопотал и готовил сообщения для печати...». Великий музыкант был весьма далек от хрупкого образа романтика «не от мира сего». Что ж, жестокая игра диктовала свои правила...

Итак, триумф состоялся. Успех обещал быть не только общественным, но и официальным. Правительство распорядилось изготовить партитуру для государства — дабы Реквием стал «национальным достоянием». Объявили также о предстоящем награждении композитора высшей наградой страны. Его ждало высокое денежное вознаграждение...

«Почему бы не причислить его к лику святых?» — издевались противники.

По столице пошел гулять памфлет — на радость «служителям высокого искусства». Всеми способами наветов и клеветы противники пытались «открыть глаза» властям предержащим на «истинное лицо» триумфатора. В одном из фельетонов, героями которого были министр и композитор, последний требовал у министра неслыханную сумму вознаграждения в 18 тысяч франков. «Сдаваясь» перед натиском композитора, министр изрек: «Вот чек... Мы возьмем эти деньги из сумм, предназначенных на одеяла для бедных, которые мы собирались раздавать зимой. Ох, уж это искусство!»

В результате щедрые обещания не были выполнены. Композитор, живший годами на грани нищеты, был в ярости. «Вчера я отправился в управление, чтобы устроить там сцену, какой, думаю, никогда не видывали в подобном месте...— писал он отцу.— Никогда еще не видывали шайки более законченных воров и прохвостов...»

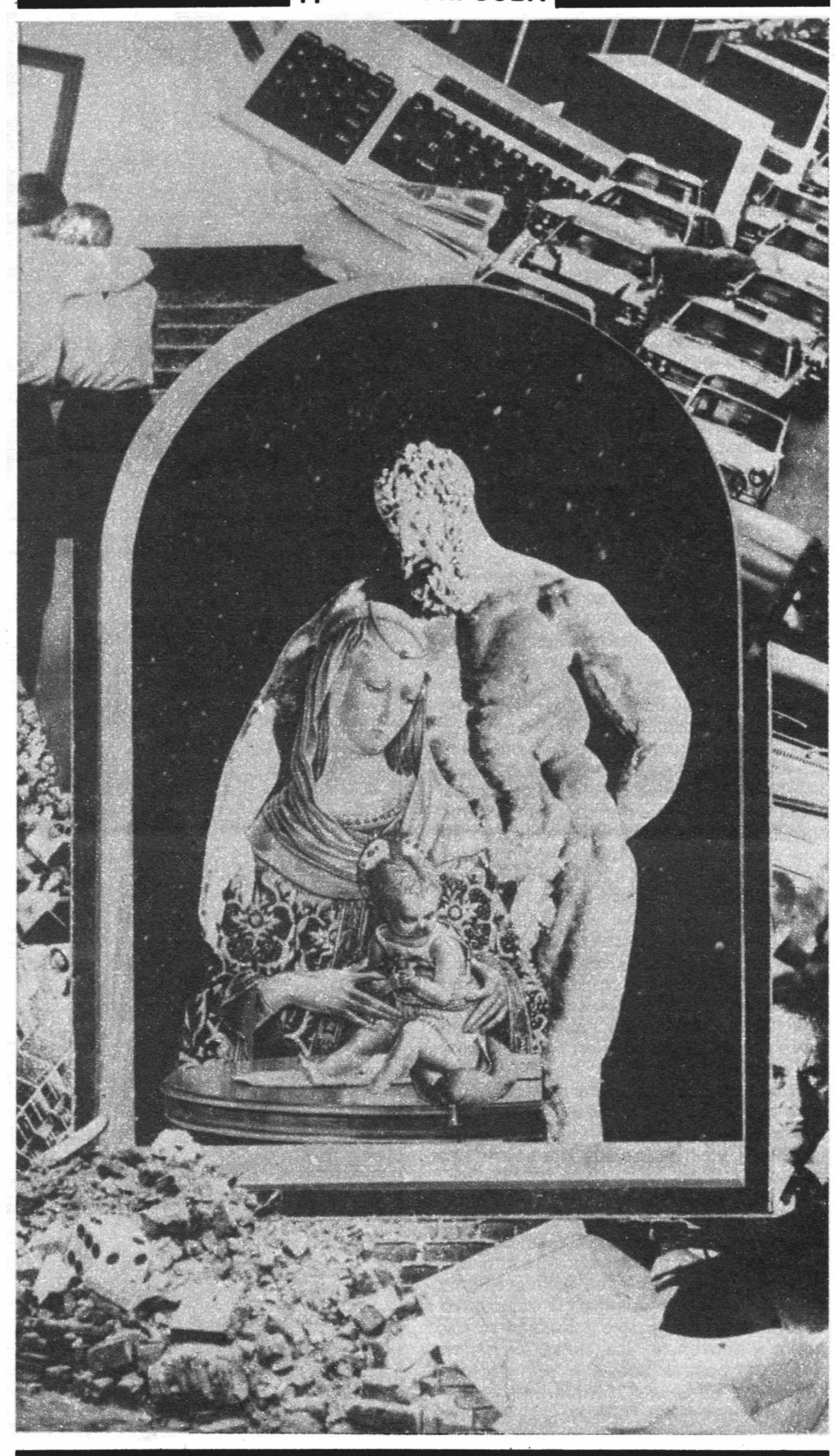
А спустя год, после сокрушительного провала в Опере нового сочинения, на одном из его концертов на сцену поднялся великий музыкант — заезжий скрипач и встал перед нашим героем на колено — в знак признания. На следующий день великий скрипач прислал композитору восторженную записку и чек на 20 тысяч франков, которые обеспечили три года творчества и создание нового шедевра.

Это первая история. А вот вторая.

...Год 1988-й стал годом удач для нашего современника, не избалованного вниманием. Его исполняли мало и редко, и то только благодаря благосклонности к его музыке исполнителей и дирижеров. Ему преграждали дорогу в театр и стремились запретить концерты.

Впрочем, и не лишенные дара коллеги произносят свой суровый приговор: «Только нескромность автора заставила обратить на него внимание». Так или примерно так сказали на секретариате Союза композиторов наши будущие классики.

Впрочем, у его врагов вполне веские основания — они защищаются не только от его музыки, но и от него самого — его скверного характера, его нетерпимости и самонадеянности, его эксцентричности и демонстративной непочтительности не только к своим коллегам — небожителям «официальной» музыки, но и к «властям»: «Коллегия состоит из невежественных людей, занимающихся не своим делом... Ничего в музыке они не понимают, ничего не слышат. Все их действия пусты и произвольны... Это дармоеды» (из письма бывшему министру культуры — о его коллегии).

Коллаж Олега ГРАЧЕВА

Но тот год стал годом триумфа — годом исполнения его Реквиема. На партитуре стоит посвящение: «Мученикам многострадальной России». Исполнение же было посвящено «Жертвам сталинских репрессий». Автору поставили в вину, что он изменил посвящение «под веянием времени». «Как это называется?» — гневно вопрошал один из официальных документов. (Правда, здесь есть большое различие с первым композитором: там адресат сочинения был действительно изменен, здесь же были изменены только слова, которые суть синонимы. Реквием исполнялся все же в память о тех, кому был посвящен.) Аплодировали стоя. Пресса превозносила автора и его творение. Реквием прозвучал по радио, по телевидению, был записан на пластинки и компакт-диски (ну полтора же века прошло!).

Успех обещал быть не только общественным, но и официальным. Партитура была подарена Фонду культуры — дабы Реквием стал «национальным достоянием». Автор был выдвинут на Государственную премию, и Фонд культуры обратился в правительство с просьбой заплатить автору невиданную сумму в 20 тысяч рублей по индивидуальной ставке, как за произведение выдающееся.

«А почему не два миллиона? — последовал вопрос, то ли гневный, то ли ироничный.— Автору не следовало бы пренебрегать такими понятиями, как совесть. Возможно, Реквием... со временем станет в один ряд с Реквиемом Моцарта и Верди, но когда целая армия подвижников культуры живет у черты бедности, то не лучше ли композитору подумать о жертвах социальной несправедливости, а не о гонораре».

Щедрые обещания повисли в воздухе. Надо отдать должное нашему соотечественнику — он не «устроил сцену, какой... никогда не видывали в подобном месте». Закаленный. Хотя, думаю, имел полное право — потому что официальное письмо, размноженное на ксероксе, пошло гулять по рукам весьма обрадованных этим обстоятельством благородных «служителей духа». Госпремии тоже не дали — ну, да и Бог с ней, с Госпремией. Неудачи нашего композитора были вознаграждены: его признал великий музыкант — приехавший на гастроли виолончелист. Спустя год он пригласил композитора к себе и заказал ему новое сочинение для своего прославленного оркестра...

Первым, о ком я рассказал, был Гектор Берлиоз. И самым благородным из его современников во всей этой истории оказался старый, больной Никколо Паганини.

Второй композитор — наш современник Вячеслав Артемов.

Признавший его великий музыкант — Мстислав Ростропович.

II. ПОКА МЫ ЖИВЫ — МЫ НЕЗАВЕРШЕННЫ...

Одна из судеб

Вячеслав Артемов, конечно же, не Гектор Берлиоз. Хотя бы потому, что у него за плечами нет ста с лишним лет посмертной славы.

Впрочем, уже сегодня прославленные музыканты высказали свое отношение к музыке Вячеслава Артемова.

Владимир Федосеев: *«В музыке Артемова есть страстный духовный порыв... к нравственному идеалу. Это музыка красок, тембров, интонаций, экспрессивных, выразительных, передающих тончайшие движения души. Она не на поверхности, а в глубине духа человеческого имеет свой исток... У нее большое будущее... Я могу сравнить Артемова только со Скрябиным».*

Дмитрий Китаенко: *«Я не спеша, осторожно прикоснулся к творчеству Артемова: исполнил и записал на пластинку его симфонию с солирующей скрипкой «In memoriam», концерт для*

трех скрипок с оркестром «Гурийский гимн», симфоническую поэму «Плачи». Внимательно изучил симфонию «Путь к Олимпу», балет «Только верой». Я нахожусь под невероятным впечатлением, которое граничит с потрясением, от всего того, что я увидел в его совершенно бездонных партитурах. Богатейший мир! Мне кажется, что мы... находимся на пороге величайшего музыкального открытия современности...»

Лиана Исакадзе: *«Когда мы с оркестром приступили к работе над «Плачами», то первая же репетиция кончилась тем, что весь оркестр начал аплодировать... Такого просто никогда не бывает при разборе современных произведений. Дирижируя «Плачами», я испытала, признаюсь, глубокое потрясение. Духовная сила этой музыки, ее трагическая красота влияют неотразимо... Музыка Артемова раскрывает глубину мира... с очень далекого, космического расстояния, когда становится ощутимой изначальная суть, абсолютный смысл, тайна явлений... По форме все сочинения Артемова удивительно совершенны».*

Альфред Шнитке: *«В «Заклинаниях» Артемов воссоздал поразительный по реальности и яркий звуковой образ первобытной магии...»* (На Московской музыкальной осени 1983 года, когда исполнялось это произведение, дружно встали и покинули зал члены правления СК СССР.— **Авт.**)

Стивен Аллен Виалтон (США): *«В век минимализма и абстракции Артемов стоит отдельно от всех — его музыка создана, чтобы защитить величайшую цель — так же, как этому служили поздние работы Скрябина и творчество Мессиана. Музыка Артемова побуждает человека к поискам идеала — это делает ее уникальной на современной музыкальной сцене».*

Артемов получил заказ на произведение крупной формы (симфонии) от руководства Кеннеди-Центра и от Мстислава Ростроповича. Премьера этой симфонии (продолжение симфонического цикла, начатого в «Пути к Олимпу») в Вашингтоне намечена на сентябрь 1990 года — четыре концерта с Национальным симфоническим оркестром США под руководством М. Ростроповича.

Симфонический оркестр города Лас-Вегас заказал В. Артемову концерт для виолончели с оркестром («Пиета»). Сделали свой заказ композитору и Библиотека Конгресса США, камерный оркестр в Гааге, фестиваль «Алмейда» в Лондоне.

В сентябре 1990 года в Вашингтоне параллельно с концертами в Кеннеди-Центре намечен своеобразный фестиваль его камерной музыки, который готовится энтузиастами-музыкантами из многих городов США (Нью-Йорк, Бостон, Провиданс, Лас-Вегас).

Записи музыки В. Артемова на пластинках и компакт-дисках расходятся по всему миру. В «Обозрении компакт-дисков Стивенсона» его автор написал: «Я без колебания считаю Артемова наиболее крупным, изобретательным талантом».

Права на издание и распространение всех (!) сочинений Артемова запросило у ВААП американское издательство «Ширмер». Права на издание и распространение Реквиема просят фирмы «Рикорди» (Италия) и «Ханс Сикорский» (ФРГ). Одно из условий фирмы «Рикорди» при получении прав на Реквием — его исполнение в «Ла Скала».

Запись Реквиема фирмой «Мелодия» запросили японская фирма «Джи-ви-си» и английская «Олимпия».

Компакт-диск «Путь к Олимпу» выдвинут журналом «Музыкальная Америка» на премию имени Кусевицкого за 1990 год, а Реквием выдвинут Национальным симфоническим оркестром США на одну из наиболее престижных музыкальных премий мира — Луивильский «Приз Грюмайера».

Это все — «там», у «них». А что же здесь — у себя дома?

За двадцать с лишним лет работы (до 1990 г.) Министерство культуры РСФСР заказало В. Артемову (по заявке Московского симфонического оркестра) одну симфонию. Министерство культуры СССР сделало композитору три заказа — трио, балет и сонату. В 1987 году, после окончания балета, Артемов принес в Министерство культуры СССР две заявки: одну — от Лианы Исакадзе на концерт для трех скрипок с оркестром, и вторую — от Дмитрия Китаенко — на симфонию. В Минкульте заявки «потерялись», и никаких договоров заключено не было. Тем не менее для Л. Исакадзе Артемов написал концерт «Гурийский гимн». Без договора. В 1988 году Лиана Исакадзе исполнила его на фестивале «Ночные серенады» в Пицунде и записала на пластинку. Потом «Гимн» был записан на пластинку Д. Китаенко, и теперь он звучит на двух дисках. Запись Китаенко уже вышла в компакт-диске Артемова «Путь к Олимпу», вошедшем в «золотую десятку» американских дисков за прошлый год. Но до сих пор это сочинение никем формально не куплено, а стало быть, и не оплачено.

Итак, четыре заказа от двух департаментов культуры более чем за двадцать лет.

Тем не менее за эти годы написано тринадцать часов музыки. И это — в разгар гонений на так называемую «хренниковскую семерку» молодых композиторов, в которую В. Артемов «имел честь» входить. Это спустя двенадцать лет Тихон Николаевич Хренников скажет о сюите из балета «Только верой»: «Я был просто поражен красотой музыки. Это очень яркая и выразительная музыка... Вячеслав Артемов — высокоталантливый человек...» Но это потом.

А как же В. Артемов жил все эти годы? Передо мной — «полное собрание» справок и ведомостей оплаты за все годы его работы — до 1989 г. Составляю сводную «сетку» по годам. Рассчитываю. Просчитываю. Пересчитываю. Получается: средний композиторский заработок за двадцать пять лет работы — 79 рублей в месяц. Так что Вячеслав Артемов вполне вписывается в ту «армию подвижников культуры... у черты бедности», о которой ему предлагалось подумать вместо своего гонорара.

Причем бывали годы, когда композитор не получал за музыку ничего (например, 1977, 1983, 1987, 1988 годы...). Так, договор на балет «Только верой» был закрыт лишь спустя два года после сдачи в Министерство готовой партитуры (на два с половиной часа музыки!) — в 1989 году. В том же 1989 году Министерство культуры РСФСР приобрело у композитора три его более ранних произведения, написанных в 1968, 1978 и 1983 годах. Закупка была очень крупной, но после нее средний заработок композитора «подскочил» аж до 147 рублей в месяц! Если бы Артемову даже выплатили 20 тысяч за Реквием, его средний заработок только бы начал приближаться к заработку шофера такси и составлял бы 213 рублей в месяц. Впрочем, этого не произошло.

Оскорбительные, унизительные, мелочные, бездуховные подсчеты? Нет уж, милейшие меломаны, давайте «унизимся» до того, чтобы не забывать: композитор — профессия, связанная с большими затратами. Нужна нотная бумага, необходимо доплачивать за переписку нот и корректуру, невозможно без звукозаписывающей и звуковоспроизводящей аппаратуры, нужны кассеты и пластинки, нужны настройка инструмента, постоянное пополнение нотной и музыкальной библиотеки. Все это для композитора — «не роскошь, но средства передвижения». Как же все это уложить в 79 или в 147 рублей? Да даже и в 213? Киномузыки В. Артемов почти не писал — всего пять фильмов. Исполнение музыки в концертах (два-три раза в год максимально) дает копейки в буквальном смысле слова: за исполнение симфонии «Путь к Олимпу» в Большом зале консерватории автор получил 6 рублей 41 копейку. Радио за исполнение серьезной музыки авторам вообще не платит. Пластинки оплачиваются нищенски — пять копеек за штуку. А то, что проходит «у них»,— покупается через ВААП, и деньги отбираются этой радушной организацией почти подчистую. С гонорара за сочинение, купленное за рубежом, Артемов с трудом наскреб на дешевые ботинки.

Так что воистину нужно быть «подвижником культуры», чтобы не уйти в дворники...

Минкульт придержал головокружительную сумму в 20 тысяч из «воспитательных соображений»: существует потолок оплаты с целью не допускать «сверхдоходов». «Ласковому маю» можно (и, кстати, на здоровье!), а вот В. Артемову за Реквием — нельзя, А. Эшпаю за Шестую симфонию — нельзя, Н. Сидельникову за «Литургический концерт» — нельзя. Именно эти композиторы назывались как возможный «прецедент» в «отказном» письме на оплату Артемову. И не Артемову было в нем отказано, а всему композиторскому цеху — в возможности «поднять планку» оплаты. Но ведь над каждым крупным произведением композитор работает, в сущности, всю жизнь. Да и почему же не может встать вопрос об индивидуальном вознаграждении за серьезную музыку, когда давно уже практикуется «индивидуальное вознаграждение» (и какое!) рок-музыки? Да, массовый слушатель не вложит свои рубли в музыку Щедрина или Артемова. Но у нас нет другого мецената, кроме государства, которое обязано думать о духовном здоровье общества.

Выходит, прав был несносный В. Артемов, всячески понося чиновников от музыки. Ведь это именно они изживали нашу музыку, морили Денисова, Шнитке, Губайдулину, Каретникова и многих, многих других. А кто получал деньги, выделенные государством специально на заключение договоров с композиторами? Где они? Кто они?..

Прав был несносный Артемов, как прав был сто пятьдесят лет тому назад и несносный Берлиоз.

И все-таки В. Артемову везло больше, чем кому бы то ни было из «непризнанных». Коллеги-музыканты делали все, чтобы его музыка жила. Только благодаря им, исполнителям и дирижерам — Е. Светланову, В. Федосееву, Д. Китаенко, С. Сондецкису, Л. Исакадзе, М. Пекарскому и многим другим,— музыка Артемова звучала на концертах и фестивалях, по радио и по телевидению, на пластинках и компакт-дисках.

Честь и слава им, подвижникам музыки. Но даже они не всегда были в силах одолеть бессмертного, неистребимого чиновника.

10 декабря 1988 года, в день траура по погибшим от землетрясения в Армении, руководство Московской государственной филармонии отменило концерт американского дирижера Вирко Балея, который должен был исполнять (вместе с Четвертой симфонией Чайковского) симфонию В. Артемова «In memoriam» — «В память» — трагическое сочинение, более чем соответствующее дню.

Дважды в текущем концертном сезоне (1989/90 г.) дирекция Московской филармонии срывала исполнение Реквиема в Москве.

Передо мной записка директора Киевского симфонического оркестра композитору: «Уважаемый Вячеслав Петрович! Руководство Московской филармонии категорически отказывается провести дополнительную репетицию (Реквиема. — **Авт.**) 24.11.89 совместно с хором и солистами. Из творческих соображений провести этот концерт коллектив оркестра не сможет. Очень сожалеем. С уважением. Колобродов. 18.11.89 г.».

В текущем 1990 году в программе Московской филармонии нет ни одного планового исполнения произведений В. Артемова, и это в год, когда композитору исполняется 50 лет. Ну что же, очевидно, юбилей русского композитора будет отмечаться в США.

Надо сказать, что Вячеслав Артемов блистательно не «обременен» ни премиями, ни наградами, ни званиями. Имени его нет ни в музыкальной энциклопедии, ни в монографических справочниках о советских музыкантах. Конечно же, Бог с ними, наградами и словарями! Но чем громче звучит имя Артемова «там», тем старательнее «здесь» делается вид, что такого композитора нет и не было никогда.

III. НО ГДЕ ТОТ МАСТЕР, ЧТО НАС ЗАВЕРШИТ?

Не исключение, но правило

Мы уже достаточно хорошо знаем историю уничтожения нашей музыки, которая чудом выжила. Я не собираюсь повторять известное. Меня интересует во всей этой истории гонений на музыку только один вопрос: как такое могло случиться в среде «чайковских и шопенов»?

То, что произошло в прошлом, сейчас уже очевидно: в атмосфере «всеобщей конституирующейся как власть зависти» (К. Маркс) общество захлестнула не только зависть к тем, у кого дом больше или хозяйство лучше, но и к «владельцу» таланта. Из всех «капиталистов» самым ненавистным для обывателя во все времена был «капиталист» духа, потому что капитал интеллекта и таланта не купишь ни за какие коврижки. И не «экспроприируешь». Его можно только уничтожить — либо физически, либо социально,— чтобы «не высовывался».

Мы преуспели в этом необыкновенно.

И как же гениально были придуманы структуры для подавления всего непохожего, особого, личностного... Творческие союзы, созданные как большие «колхозы», где были «обобществлены» и «коллективизированы» те, кто может работать лишь индивидуально и свободно. И система поощрения и наказания — руками коллег, художников, писателей, композиторов. Гениальное иезуитское изобретение! И как же просто!

Механизм этого аппарата подавления уникальный, элементарный и надежный: зависть. Зависть «среднего большинства» к «высунувшемуся меньшинству».

До Чернобыля атомного у нас случился Чернобыль духовный — первопричина всех наших бед. Мы «выключились» из мирового процесса во всем. И в музыкальной культуре докатились до всенародного триумфа Вилли Токарева и прочих: «Как здоровье, тетя Хая? — Вам привет от Мордухая...» Страшная плата за триумфальные «колхозные» победы музыкального большинства над меньшинством.

Но только ли политическое руководство, чьи «установки» выполняло «большинство», пыталось задержать музыку на точке замерзания — на уровне «понятного народу» XIX века? Ведь даже наши социалистические соседи не были так ортодоксальны и воинственны в вопросах руководства музыкой. Значит, дело было не в идеологии только, но в «личной заинтересованности» коллективных руководителей наших музыкальных «колхозов» — в их собственном уровне музыкальных возможностей. Это им не по зубам были ни Стравинский, ни Барток, ни Малер — я уже не говорю о Шёнберге и Веберне.

Да, посредственностей много — талантов мало. Кто прав в этом споре: большинство или меньшинство? Общество (и большинство!) богатеет (беру этот термин потому, что он сегодня самый понятный) только наличием в нем талантов. Пока мы не поймем, что человек яркий «и мне светит», человек талантливый «и меня возвышает», человек работающий «и мне умножает», мы будем продолжать свое целеустремленное движение к пропасти. А другие — те, кто давно усвоил эту нехитрую истину,— будут подбирать то, от чего мы отказываемся, и богатеть —

и в науке, и в культуре, и в духе. И в продуктовой лавке. Богатеть нашим достоянием.

Мы «заметили» Альфреда Шнитке, когда неприлично уже было не замечать. Ну как можно «не заметить» члена-корреспондента Западноберлинской, Баварской, Берлинской (ГДР) и Шведской королевской академий? То же самое — с Софьей Губайдулиной и Эдисоном Денисовым. Сегодня все трое стали самыми «модными» композиторами, так и не став известными и понятными широкой аудитории у себя на родине. Не случайно, наверное, Альфред Шнитке в разговоре с корреспондентом «Комсомолки» посетовал: «Сейчас я нахожусь в странной ситуации, когда ко мне проявляется огромное внимание; я имею дело со множеством корреспондентов, ко мне беспрерывно обращаются с просьбой встретиться. Но серьезного, профессионального разговора о своей работе со стороны музыковедов я еще не услышал».

Наш слушатель отстал от современной музыки и, не развиваясь вместе с нею, утратил интерес и к классике, и к «традиционалистам», и ко всему мало-мальски серьезному в музыке. В концертные залы «дохаживают» последние ценители. Источник готов иссякнуть. И в этой обстановке композиторы оказались у нас в положении заморских растений, пересаженных на нашу землю, о которых все говорят как о диковинных, но так и оставшихся неведомыми и загадочными. Да и как им быть «ве́домыми»?

С 1962 по 1978 год А. Шнитке продал всего одно сочинение. Почти четверть века Альфреда Шнитке кормил кинематограф. А потери в музыке как таковой за это время?

«Длительное время я сочиняла, зная, что меня никто не будет слушать»,— сказала Губайдулина в одном из интервью. По признанию Эдисона Денисова, первые его авторские концерты «дома» состоялись только в 1987 г. (Москва) и в 1989 г. (Ленинград). «У меня бывали очень тяжелые времена, когда приходилось даже продавать книги, чтобы купить хлеба»,— признается Э. Денисов.

До сих пор невостребованными лежат почти все сочинения Николая Каретникова — несомненно, в нашей музыке композитора первой величины.

Только недавно произнесено имя Алемдара Караманова, музыку которого А. Шнитке назвал гениальной,— а мы ее не знаем.

До сих пор с трудом пробиваются к нам многие композиторы, многие сочинения. Так, годы пролежала опера Сергея Слонимского «Мастер и Маргарита». Да можно перечислять до бесконечности.

После исполнения оратории «Из истории Киевской Руси» Николая Сидельникова — через тридцать лет после ее написания — Георгий Свиридов сказал: «Как жаль, что эта оратория не означила вашего молодого пути... Из-за этого ваша судьба могла сложиться иначе...»

«У нас действовал «черный список» музыкантов, не рекомендованных к исполнению»,— сказал Дмитрий Китаенко. А кто составлял этот «черный список»? Да свои же коллеги-музыканты и композиторы! А кто же еще?

Не выдержав «коллективного руководства» музыкой, покончили счеты с жизнью московские композиторы С. Чаргеишвили и Б. Шнапер. Вынуждены были уехать: В. Суслин, последние два года до отъезда работавший дворником; серьезный, глубокий И. Андриясов; талантливый пианист и композитор А. Рабинович, который поступал в Союз композиторов шесть (!) раз; Арво Пярт; и, наконец, самая яркая музыкальная фигура «хрущевской оттепели» Андрей Волконский. «А знаешь,— говорил Волконский другу,— мне очень нравится нести культуру в массы. Это звучит как в газетах, а я серьезно говорю,— мне это очень нравится...» Он и сегодня, живя вдали от России, исполняет свою миссию — руководит Беляевским фондом, девиз которого — «Помочь русским музыкантам, где бы они ни находились»... Слава Богу. Потому что, если бы мы были в мире одни, наша музыка давно бы вымерла.

Изменит ли хоть что-то создание (или восстановление) Ассоциации современной музыки? Мы перестраиваемся уже пять лет. Мы декларируем свое неприятие старого. Мы исправляем ошибки. И... совершаем новые.

Только ли невероятный эгоизм «коллективных руководителей», только ли невежество чиновников, их безответственность и произвол (или невольное заблуждение и дезинформированность, как в случае с Н. Хрущевым в Манеже), только ли зависть менее удачливых в искусстве (или неприятие личности художника, его несносного характера, его жены и тещи, что, возможно, и небезосновательно по чисто человеческим параметрам) — причина Голгофы не только наших многих композиторов, но и МУЗЫКИ нашей?

Если бы все было так однозначно!

«Всем известны причины крайней нетерпимости крупных композиторов к некоторым своим собратьям, творческий путь которых им противоположен — писал Генрих Густавович Нейгауз.— Мы знаем, что Шопен не выносил финала Пятой симфонии Бетховена и не одобрял Шуберта, упрекая его в том, что мы теперь назвали бы «натурализмом»; что Чайковский очень резко отзывался о Брамсе, а Прокофьев и Шостакович не любили (мягко говоря) Скрябина; что Скрябин сам в последние свои годы дошел почти до полного музыкального солипсизма (ценил только кое-что в Шопене и Вагнере, как в подступах к его собственной музыке); что Вагнер, когда ему принесли только что появившийся «Реквием» Брамса, гневно бросил его на пол; что Рахманинов в разговоре с Артуром Рубинштейном сказал: «Музыка, собственно, после Шумана и Чайковского кончилась», что Дебюсси или Стравинский (не помню кто, возможно, оба) сказали, будто Бетховен был, несомненно, великим человеком, но вряд ли музыкантом и т. д., и т. п...»

Как видим, проблема есть, проблема традиционная и, возможно, неискоренимая, но это проблема из области психологии творчества! Мы же перенесли ее на административный уровень. Не может Вагнер руководить Брамсом, а Прокофьев Скрябиным. Это даже звучит нелепо и чудовищно. А у нас — руководят.

И пока враждуют наши композиторы и борются друг с другом «музыкальные Лысенки», «одуванчики» и «кролики» массовой культуры, дружно объединившись, уже готовы сожрать остатки серьезной музыки, похоронить полумертвую нашу музыкальную культуру — в трогательном союзе с министерством финансов.

А может быть, Бог с ней, с музыкой? Может быть, нам уже действительно не по душе и не по карману серьезное искусство — нам, живущим в неустойчивом мире, в лишениях и злобе, в усталости и апатии, на грани экологических катастроф и национальных катаклизмов, в хаосе отказа от старого и судорожных поисков нового?

И ЕСТЬ ЛИ СОВЕРШЕНСТВО ВО ВСЕЛЕННОЙ?..

мысли о вечном — вместо воскресной проповеди

Сегодня мы забыли не только о вечности. Педагоги жалуются, что каждое новое поколение (иные даже говорят — каждый новый класс) менее развито, чем предыдущее. Человек с неразвившимся сознанием, как известно, дебил. Такие могут не только рождаться, но и формироваться. Не случайно уже раздаются тревожные голоса медиков, что все больший процент наших детей нуждается в психиатрической помощи. Уже сегодня нам грозит катастрофическая дебилизация общества — не только за счет врожденных аномалий, но и за счет «кислородного голодания» в культуре и воспитании.

Почему мы, как за спасательный круг, ухватились сегодня за религию? Да потому, что религия — это фиксация духовного и этического начала, основа нравственности и морали — кратчайший путь к духу. И есть еще только один «параллельный путь» человека к себе — это глубочайшая культура, где музыка — главная составная восхождения от человека животного к человеку духовному и нравственному.

...Один из трех «загадочных канонов» своего «Музыкального приношения» Бах предварил текстом из 11 главы «Евангелия от Луки», стих 9: «Quarando invenietis» — «Ищите и обрящете». Бах приглашал слушателей к сотворчеству — в изысканно разработанном каноне услышать тему и «рисунок» ее проведения в других голосах — риспостах. Симметричные рондирующие части «Приношения» — первый и последний Ричеркар, возможно, тоже код: семантическое значение избранного для этих частей слова — от латинского «ricercare» — искать. Итак, настойчивый призыв к поиску. Только ли поиску блистательной симметрии структур «Музыкального приношения»? Или к поиску закономерностей более глубоких?

По преданию, Пифагор, обладавший тайной тишины, мог слышать музыку мироздания. В изложении Аристотеля сохранилась пифагорейская идея о гармонии сфер: «...скорости (звезд), измеренные по расстояниям, относятся между собой так же, как тоны консонирующих интервалов (Simfonion)», и поэтому «...звучание, издаваемое звездами при движении по кругу, образует гармонию».

Физико-геометрическая структура космоса для Пифагора была неотделима от акустических параметров — от его «звучания» — определяющего в структурной гармонии мироздания. И поэтому этическая цель по Пифагору — духовное совершенствование, катарсис, достигаемый постижением музыкально-числовой структуры Космоса.

Аристотель, отвергнув гармонию сфер пифагорейцев, тем не менее главным «очистительным фактором» души считал музыку. Для величайших древних цивилизаций музыка была «медициной духа». И уже в начале новой, христианской эры, Сенека писал: «Для чего мы образовываем сыновей, обучая их свободным искусствам? Дело не в том, что они могут дать добродетель, а в том, что они подготавливают душу к ее восприятию...»

Благодаря включению гармонии сфер в систему Птолемея идея Пифагора продлилась в веках. Кеплер открыл, что отношения экстремальных углов скоростей для внешних планет оказались весьма близки к гармоническим. В 1619 году в своем пятитомном сочинении «О гармонии мира пять книг» он писал: «Гармонии, образуемые отдельными планетами, относятся к гармониям, образуемым парами планет, так же, как простое, или одноголосное, пение, называемое хоральным, которое только и было известно древним,— к многоголосному, так называемому фигурированному пению, открытому в последнее столетие... Таким образом, небесные движения суть не что иное, как ни на миг не прекращающаяся многоголосная музыка (воспринимаемая не слухом, а разумом)».

До рождения Иоганна Себастьяна Баха 66 лет. И уже современник Баха Маттензен напишет: «Свойство музыки быть среди всех наук школой нравственности».

Где же сокрыта в музыке эта «школа нравственности»? В чем это очищение души?

...Из «ничего» рождается, выстраивается, плетется тонкая структура музыкальной материи — из тишины и пустоты, из небытия — и лепит тончайшие структуры души, пробуждая в подсознании то светлое, что спит в «добытийной» памяти. Музыка есть мост между Вселенной и человеком и, постигая гармонию, он сам становится зеркалом вселенной, выстраивая свои внутренние структуры по законам гармонии — единой для всего сущего. (Помните? «Музыка Артемова раскрывает глубину мира... С очень далекого, космического расстояния, когда становится ощутимой изначальная суть, абсолютный смысл, тайна явлений». (Лиана Исакадзе). И если слово «мононационально», то музыка «полинациональна». Это универсальный язык, обращенный к внутреннему, интуитивному, духовному в человеке в противовес логическому «внешнему» посреднику — языку. Вот почему самое мощное «возрастание», самое высокое восхождение Человека к самому себе — через звук, через музыку. Музыка — единственный «канал», напрямую подключенный к эмоциональным структурам живого существа, к человеческой душе, именно этот канал «работал» на религию, на служение Богу, на соединение человека с Богом напрямую. «Вера от слышания», говорил апостол Павел. Нельзя было не любить Бога под музыку Баха. Нельзя было не «светлеть». Нельзя не «очеловечиваться».

А вот и неожиданное подтверждение догадки древних о гармонии мира: «Когда недавно были замерены графитационные биения, испытываемые Землей из-за эксцентриситета орбит других планет, то оказалось, что они представляют собой гармонический музыкальный аккорд...» (Из книги ленинградского ученого А. В. Мартынова «Исповедимый путь»).

Сосредоточившись на своих сиюминутных проблемах, мы не заметили, как стали катастрофически уменьшаться в своих человеческих параметрах, от вечного «быть» к сиюминутному «иметь». Если мы не остановимся и не задумаемся: кто мы, где мы, и зачем мы? — мы можем «доуменьшаться» до полного исчезновения.

То и дело слышим мы сегодня, что пребываем в состоянии хаоса. Но, по самым новейшим научным представлениям, «хаос может рассматриваться как источник высших форм порядка» и «порядок рождается из хаоса — он результат самоструктурирования среды» (член-корреспондент Академии наук СССР С. П. Курдюмов).«Структурирование» же порядка из социального «хаоса» целиком зависит от «составных» этого хаоса — от уровня сознания, нравственности и духовности каждого. «Судьба диктуется не только обстоятельствами, как мы часто думаем, а образовавшимися смысловыми структурами сознания».— Это мнение ученого-психолога (П. П. Братусь).

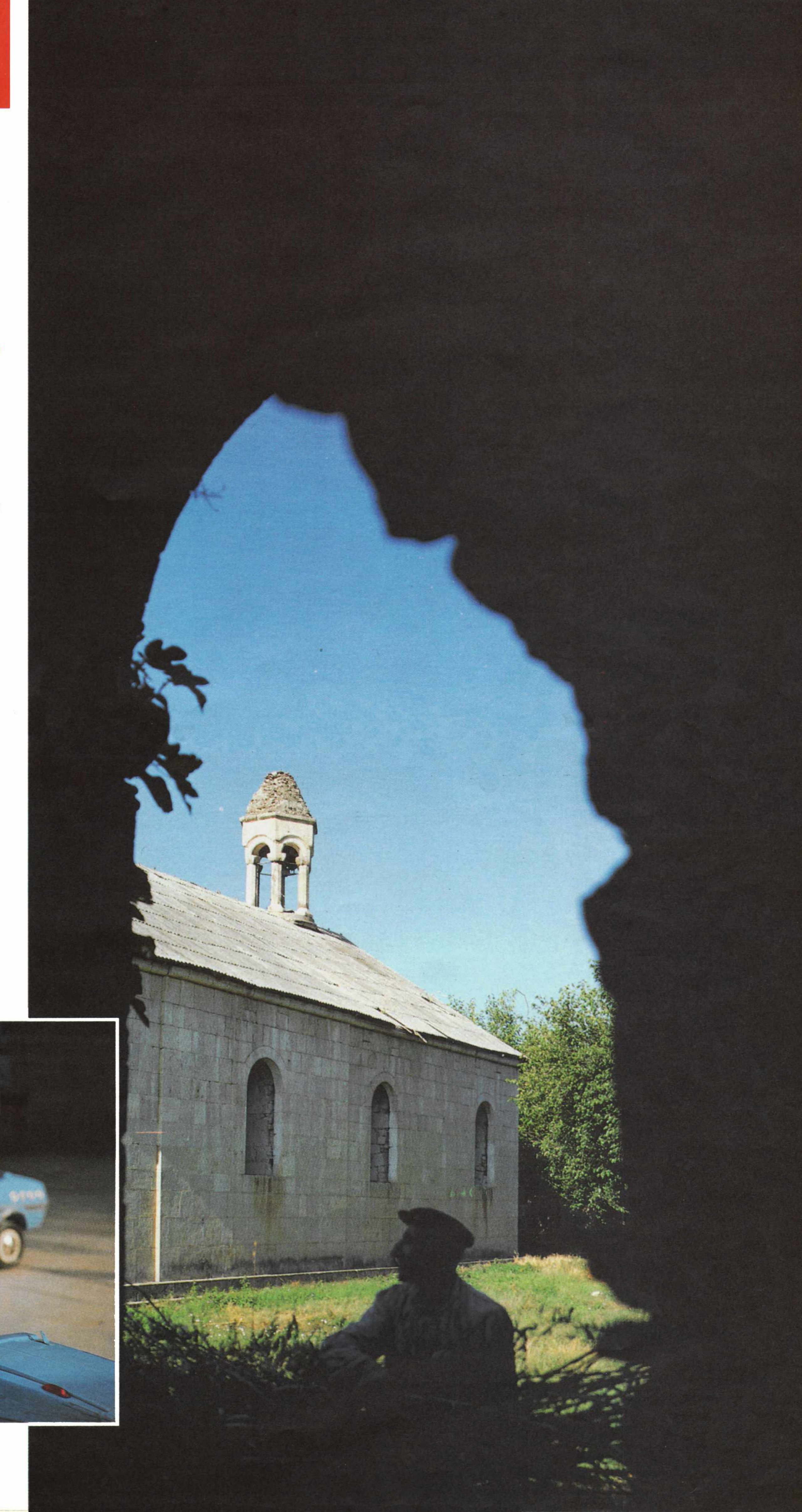
Итак, наше сознание творит нашу судьбу. Вот почему так страшно, когда человек (и общество) опускается по уровню сознания до самых низших потребностей и стремлений. Вот почему так страшно, когда общество не находит сил, внимания, времени и средств на главное — «структурирование сознания» — в воспитании, в образовании, в культуре. Тем самым оно упускает из поля зрения главное — свое будущее. Вот почему так страшно, когда верховная власть страны не в состоянии понять, что, обрекая на нищенство писателя, художника, композитора, она обрекает на деградацию и гибель страну. И, как показала новейшая история, свое ближайшее, ощутимое будущее, ибо время спрессовано и следствия уже почти накладываются по времени на причины. Вот почему так страшно, когда те, чья миссия — «очеловечивание человека»,— учителя, писатели, музыканты — за амбициями своими, за своими «баталиями», за безудержным стремлением ИМЕТЬ — положение, звание, поездки, славу, первенство во владении истиной — забывают, в чем их единственная цель на земле. Вот почему так страшно, когда нами овладевает «зависть в союзе с ненавистью».

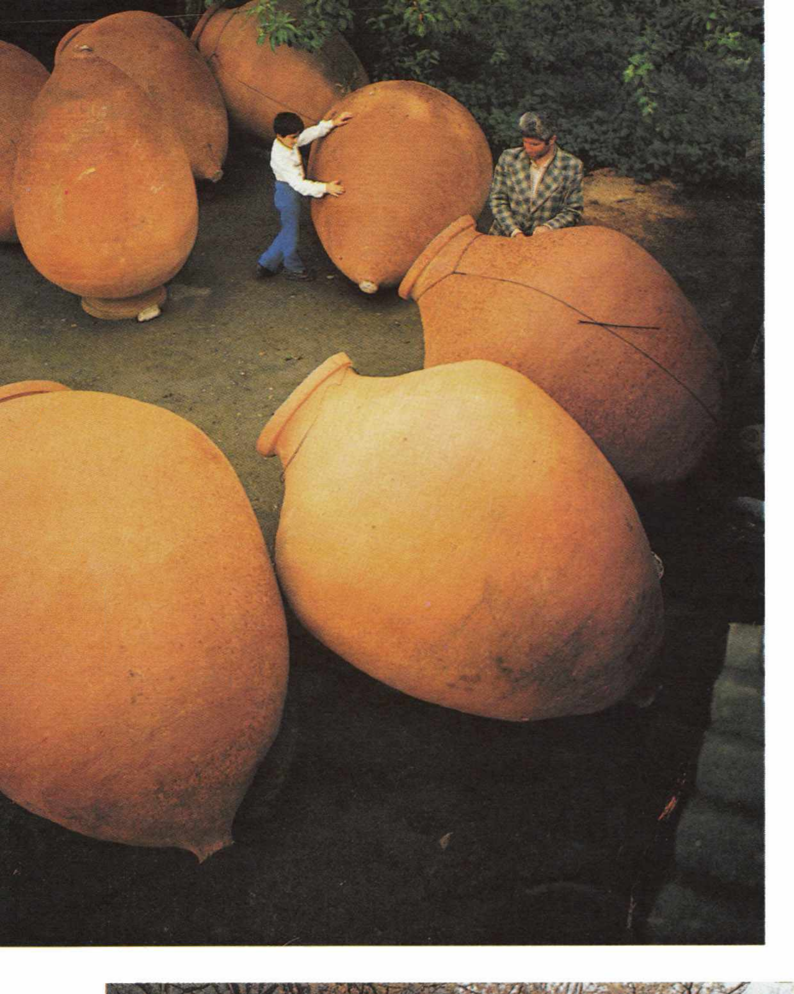
ОГОНЁК

Земля у нас одна

Фото Александра НАГРАЛЬЯНА,
Льва ШЕРСТЕННИКОВА,
Виктора ЯКОБСОНА

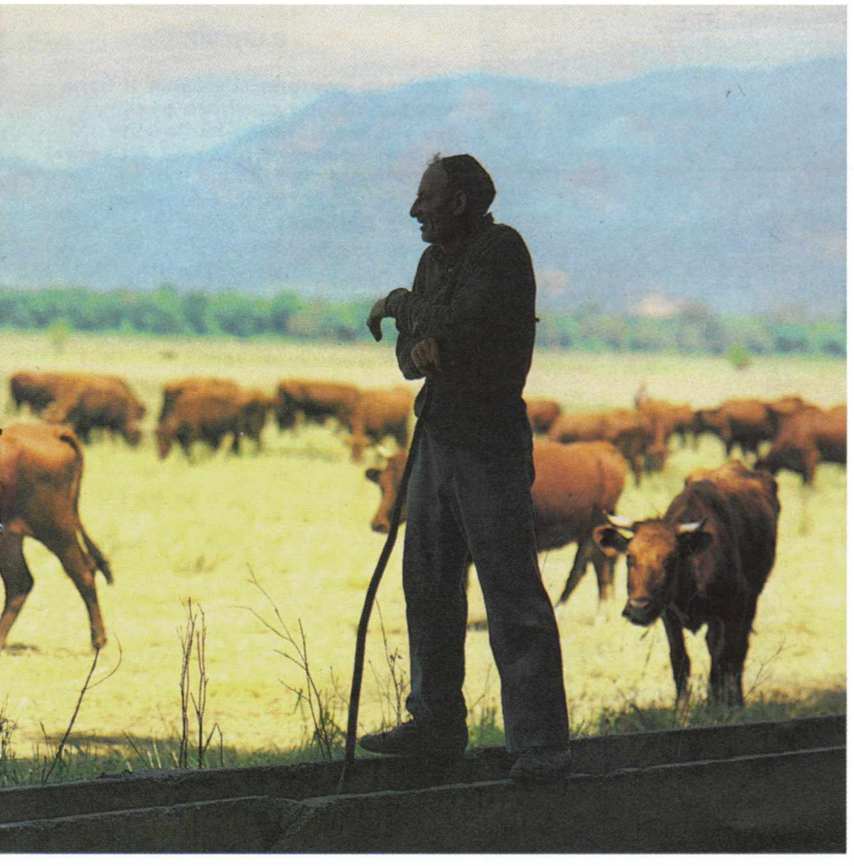
На снимках наших фотокорреспондентов — Грузия, Армения, Азербайджан. Мы не ставим к ним подписей, желая раздвинуть перспективу каждого снимка и вместе с читателем пройти туда, в глубь веков, где так прочно сплелись судьбы народов, живущих в этих краях, сплелись их культуры — ветви от общего ствола. Стихи современных поэтов помогут нам в этом пути.

Бесик ХАРАНАУЛИ

* * *

Все о нас рассказывает: вода, листва.
Черпают и не могут вычерпать,
это повествование не утоляет жажды.
Ибо и двадцатилетней давности колокол
все еще нам звонит.
«Не убивай, сынок!»
Ведь сегодня мы — и тот отец,
которого мы не видели,
и тот сын, который нас ужасает.
И тот, кто нам, словно вода, рассказывает:
было так, так...

Перевела с грузинского О. Николаева

Михаил КВЛИВИДЗЕ

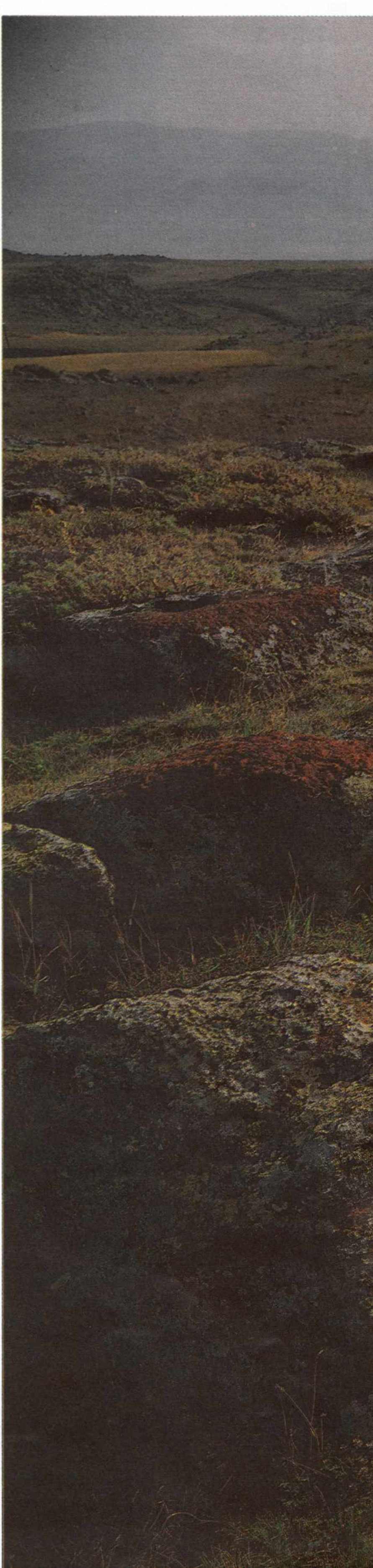
В ВАРДЗИИ

Сколько впитали сомненья и боли
темные своды девятого века!
Но у царицы Тамар на подоле
крупно прорезано: «Хачик и Света».
И по-грузински: «Гиви + Лана».
Справа: «Ашотик из Еревана»,
«Нина Петровна,
Игорь,
Донат».
«Семипалатинский промкомбинат»...

Почерком крупным по потолку:
«Дж. Мухаммедов, город Баку»...

Как это просто: явиться туристом,
прошлое наше потрогать рукою...
И — как огромный гремящий
транзистор —
в роще турбаза стоит за рекою.

Перевел с грузинского Ю. Михайлик

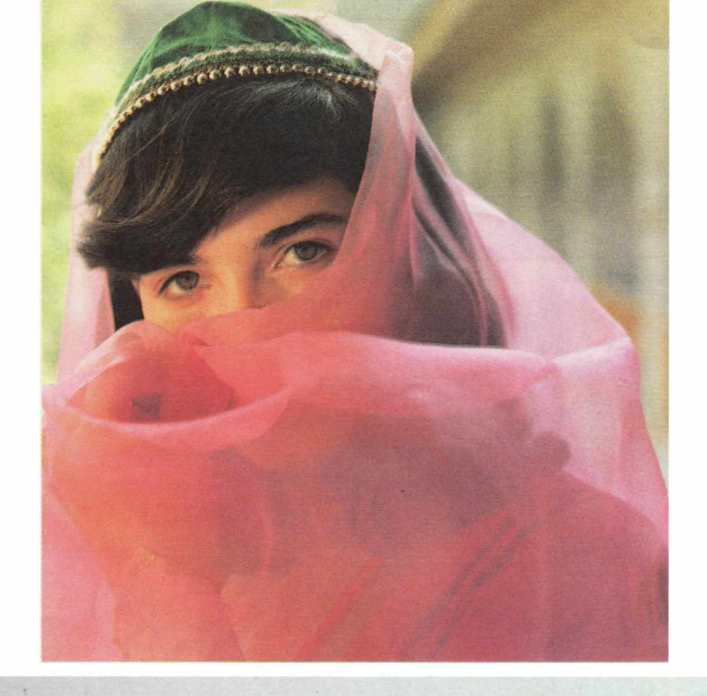

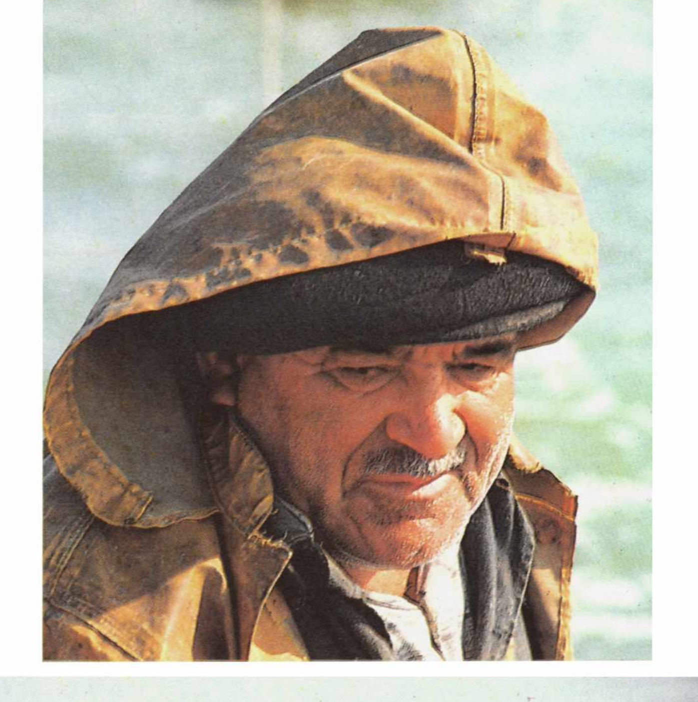
Юсиф ГАСАНБЕК

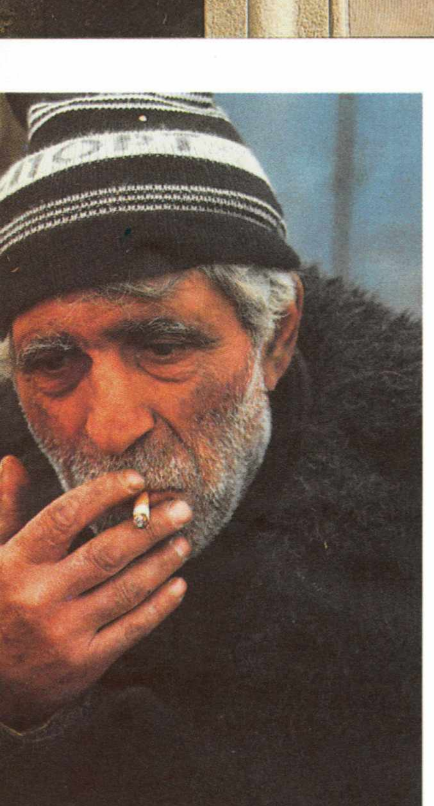
САМАЯ СЧАСТЛИВАЯ РЕКА

Самая счастливая река
К морю не стремится,
Не спешит в другую реку впасть.
Самая счастливая река
В землю просочится,
Тихо постарается пропасть.
А ее прозрачная струя
Где-то под корягой
Родником живительным забьет,
Человека, птицу ли
поя
Благодатной влагой, —
Рядом поле маков зацветет.

Перевел с азербайджанского Н. Новиков

Норек ГАСПАРЯН

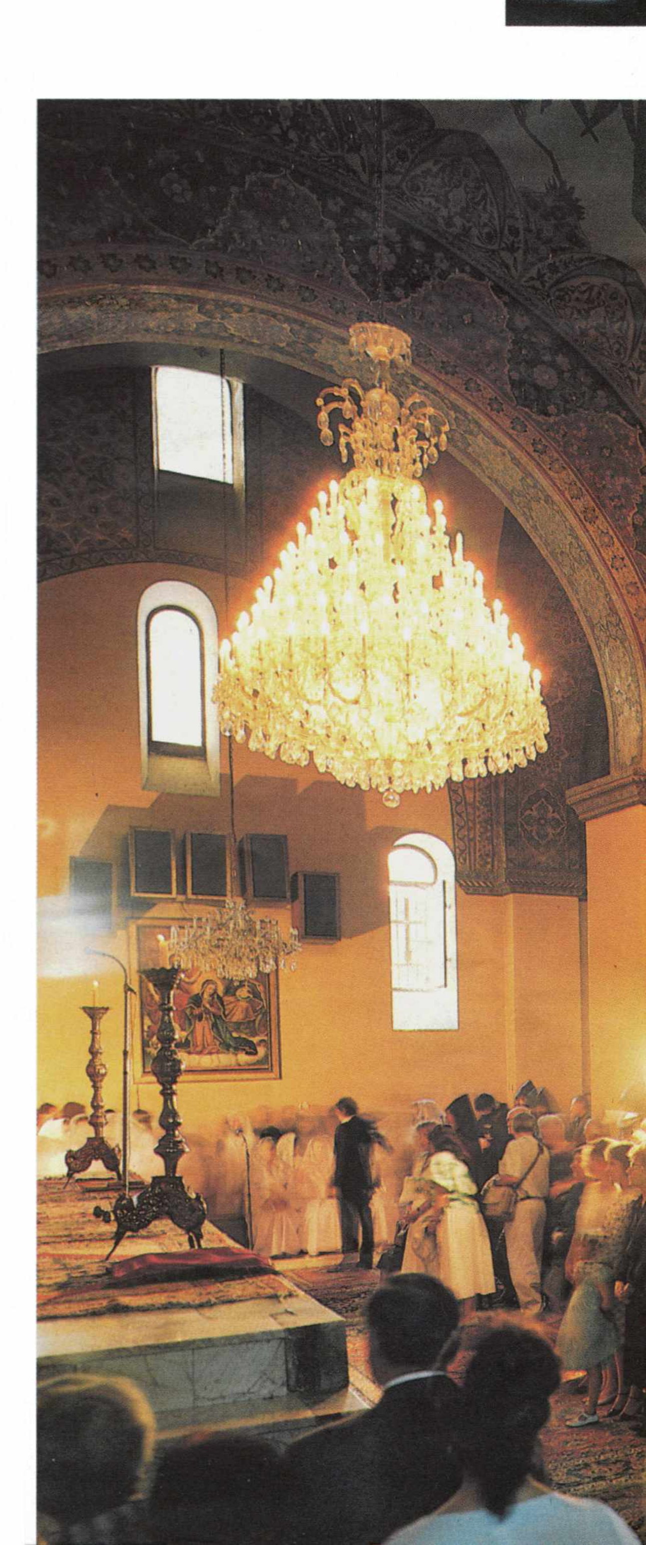
КОЛОКОЛ МОЛЧАНИЯ

В древнем храме, прильнувшем к горе,
в звонкий колокол бью неутешно,
днем и ночью в густом серебре
теплый звон разливается нежно.

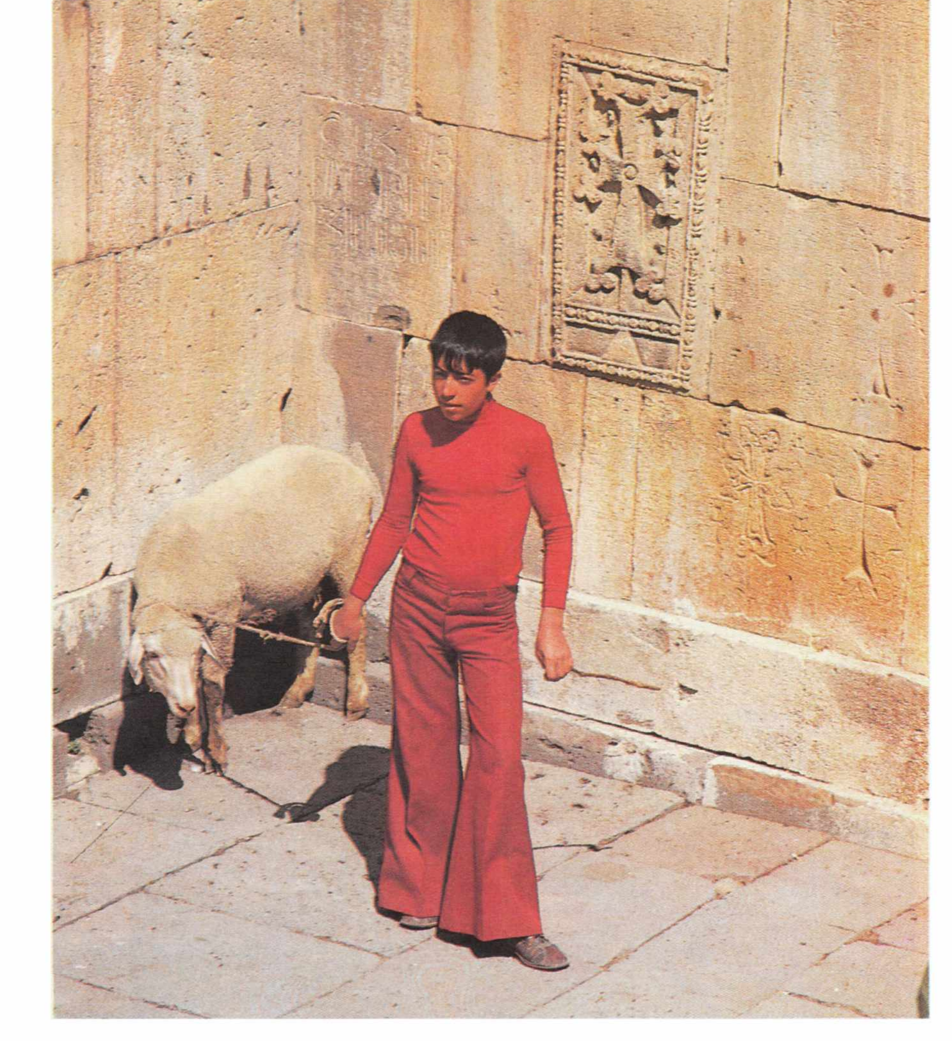
Содрогаются гребни в огне,
и подножья трепещут со стуком,
и хачкар искривленный на дне
припадает к раздробленным звукам.

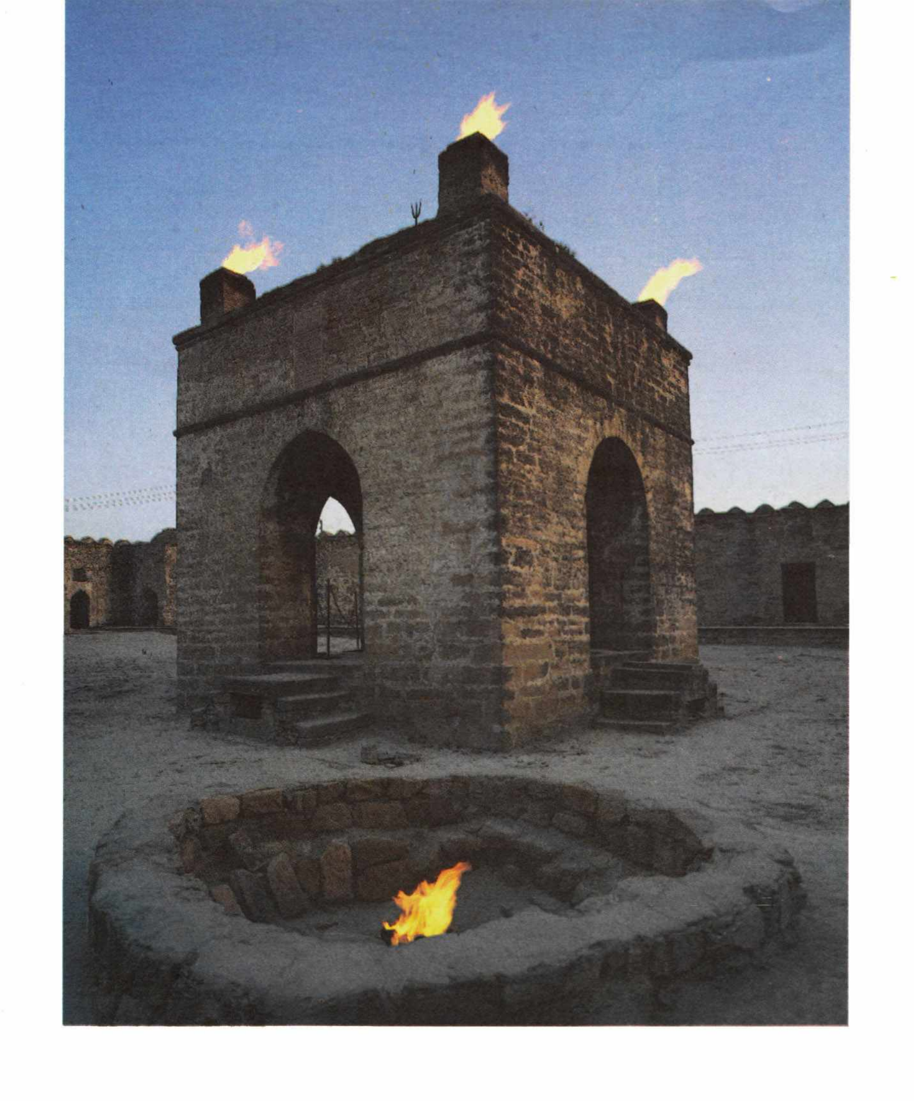
И приходят мой прадед и брат
в храм и смотрят спокойно и строго,
как заветные свечи горят
на обугленных глыбах отрога.

Перевела с армянского Н. Кремнева

Анатолий КАРПОВ: МАТЕРИАЛЬНО НЕЗАВИСИМОМУ ЛЕГЧЕ СТАТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИ СВОБОДНЫМ

Кто смотрел фильм «Тринадцатый», посвященный чемпиону мира по шахматам Гарри Каспарову, наверняка помнит вмонтированную туда фотографию. Я запомнил и однозначную реакцию зрителей на этот снимок, где Л. И. Брежнев вручает орден двенадцатому шахматному чемпиону Анатолию Карпову. Люди, всегда рукоплескавшие многократному победителю, теперь едва не подсвистывали. Интересно, как реагировали бы они, узнав, что в тот же день рядом получали награды М. Горбачев, С. Цвигун, Э. Шеварднадзе...

Что же сотворил этот шахматист, ставший затем и довольно активным общественным деятелем? Куда идет он нынче — влево, вправо, прямо по центру?

Из 39 прожитых им лет мы знакомы более четверти века. Многие из наших бесед вошли в книгу «Девятая вертикаль» (на восьми линиях сшибаются шахматные фигуры, на девятой — характеры). Но характер и мировоззрение, конечно же, не одно и то же. Как не только по старым фотографиям судим мы о кавалерах прежних орденов. Недавно мы снова долго говорили — я хотел понять его. Потом отнес в редакцию интервью, где о шахматах очень мало. Больше о взглядах на жизнь. (Разговор, естественно, шел на «ты», но следуя неписаным правилам жанра, его перевели в самую вежливую форму. Надеюсь, доверительной откровенности это не убавило.) Не знаю, насколько будут интересны суждения Карпова, но определенный портрет человека они, по-моему, дают. Его портрет на фоне перестройки.

Александр РОШАЛЬ

— Человек вы заметный, общественный. Правда, привычных сегодня резких заявлений с осуждением прошлого не делаете, не зовете шумно к всеобщему обновлению... Телемарафон «Чернобыль» при вашем активнейшем участии прозвучал, однако, весомо...

— Меня вообще привлекают дела конкретные, где результат отчетливо виден, а не затуманен словесной самооценкой. Потому я согласился, возглавляя Советский Фонд мира, стать и председателем оргкомитета телемарафона. Мы собрали деньги, чтобы целенаправленно и эффективно довести их до назначения. Только так реально можно помочь пострадавшим. Ре-ально!

После финального претендентского матча с Яном Тимманом я отдал больше месяца чернобыльскому марафону. Не считая тех выступлений, что прошли в Москве и других городах и состоялись до шахматного матча. Так вот, судите сами: Малайзия, Сингапур, США, Франция, Турция, ФРГ, Бельгия, снова Франция. Прервав тренировочный сбор, затем вылетал на несколько дней и в Испанию.

— Марафон не кончается... А вообще вы когда-нибудь считали места, где довелось побывать?

— Как-то раз прикидывал. Выходило, что был примерно в 250 наших и, наверное, в таком же количестве зарубежных городов (учитывал только города). Упомнить все путешествия трудно, хотя они обычно связаны с какими-то событиями. Каникул как таковых не бывает, потому что их невозможно запланировать. Одно набегает на другое, шахматы — на общественные дела и наоборот.

— Такое уж время...

— В этом смысле для меня таким оно было всегда. И, конечно же, не только для меня. Активный человек накрепко связан с окружающим миром. Забавно, когда у нас полагают, будто живем (или жили?) в обществе, которое все планирует. На самом-то деле это «у них» настоящее планирование — пусть не в масштабах целого государства, так хоть в рамках крупной компании учитывается буквально все. От объема производства до благотворительности... Это «они» вывели, что обычная реклама порой обходится дороже, нежели благотворительные акции, которые приносят той же компании и широкую известность, и добрую славу.

...По делам телемарафона побывал в США с делегацией, мои менее опытные спутники были удивлены обилием национальной символики на улицах и площадях. На одном из перекрестков насчитали восемь звездно-полосатых флагов! И такое не по случаю какого-либо праздника, а повседневно. Американцы вообще горячие патриоты и с колоссальным уважением относятся к своим национальным святыням.

— На меня еще большее впечатление произвело, что подобными чувствами очень быстро проникаются и эмигранты, приехавшие из нашей страны. Возможно, ностальгия включает в себя и тоску по той гордости за Родину, которую они дома уже не ощущали? Вы сказали о «святынях»... Но если они таковыми перестали быть?

— Не пойму человека, на глаза которого еще вчера навертывались слезы при звуках исполненного в его честь гимна его страны, а сегодня, похоже, стыдящегося тех эмоций.

— Гимн, флаг, конституция... Во многих странах все это еще и признак жизненной стабильности. Наши же символы превратились в призраки беспокойно летящего времени.

— Признаки, призраки... Мы годами коллективно играли в слова, зло и красиво обругивая и восхваляя все — и плохое, и хорошее. Нас всегда заносило из крайности в крайность. После прилива всеобщего «одобрямса», когда в показушном самодовольстве едва не захлебнулись, пошла холодная откатная волна. И вот стоим мы на берегу, голые перед всем миром, и занимаемся уже только самобичеванием, отрицая все собственные добрые дела, каких тоже совершено немало.

— Стриптиз — еще не покаяние.

— Так ведь без всякого переносного смысла, многим ни в чем не виноватым уже и снимать с себя нечего. В народе нарастает раздражение от разговоров. Политикой-то, считают, легче заниматься, чем экономикой. Можем возразить, что в политике тяжелее делать первые, принципиальные шаги. Но с момента открытия движения минуло уже пять лет, а народ все обслуживает систему, которой пора бы послужить и ему. «Все для человека, все на благо человека!» — страсть как не люблю лозунги, тем паче фальшивые.

— Лозунг почти всегда гиперболичен. Французская революция — свобода, равенство, братство! Но коль свобода настоящая, откуда взяться полному равенству — у людей различные способности и возможности для их реализации. Даже если заново родиться всем братьями, потом появятся новые разные семьи с неодинаковыми условиями.

— В наиболее развитых странах при всей очевидной полярности индивидуальных состояний куда спокойнее воспринимается чужое богатство. У нас же зажиточность соседа раздражает особенно. Десятилетиями извращенного социализма взращивалась психология завистника: готов жить плохо, но чтобы и другому не было лучше. Соотечественники встали с ног на голову и, подпираемые всевозможными установками, продолжают существовать в этом неестественном состоянии.

— Не раз слышал ваши критические высказывания по поводу тех или иных правительственных решений. Однако, имея кругозор военачальника, вы оставались в солдатском строю и в этом качестве подчинялись партийной дисциплине.

— Да, я Устава партии никогда не нарушал.

— Так ведь требуется следовать и Уставу, и Программе. А они, судя по всему, изменятся кардинально. Партбилет на стол не положите?

— Не думаю, что меня к этому вынудят. Вообще же платформа должна нести только самые важные, принципиальные конструкции, которые обязаны поддерживать все члены партии. В остальном надо допустить достаточно широкий разброс мнений. Даже в одной (и вполне крепкой) семье такое наблюдается сплошь и рядом. А почему же иначе в многомиллионной партии? Я, правда, уверен, что численность ее заметно уменьшится. Уже хотя бы оттого, что в непререкаемо правящей прежде партии развелось огромное множество карьеристов. И все-таки не они, а искренние и разумные люди начали перестройку. Можно не соглашаться с ее темпами или искривлениями, но нельзя отрицать, что осознание ее необходимости, само рождение произошли в недрах партии.

— Диссиденты, или, лучше сказать, инакомыслящие, весьма аргументированно доказывают, что процесс этот идет от них.

— Они существовали десятилетиями, а перестройка началась точно в 1985 году. Мы обязаны признать непосредственных родителей, не открещиваясь, однако, и от хороших дальних родственников перестройки, даже если те и мыслят по-иному.

— Из КПСС новые инакомыслящие сами уходят, как, например, Г. Каспаров. Ваш всегдашний оппонент выступает за многопартийность. А вы?

— А почему бы и нет? Между нами существенная разница в другом. Я стал коммунистом, выйдя из комсомольского возраста и уже будучи чемпионом мира. Каспаров же вступил в Коммунистическую партию, когда еще только хотел стать чемпионом.

— Вы это как-то связываете?

— Не я связываю, а он сам. Прочитайте в книжке Каспарова: «Должен признать, что без поддержки влиятельных партийных руководителей мне бы ни за что не удалось пройти весь путь борьбы за мировое первенство».

Я никогда не заискивал перед сильными мира сего и не ощущал, будто член Политбюро стоит явно выше чемпиона мира по шахматам. Вы об этом знаете.

— Да. И, пожалуй, расскажу читателям еще про случай из своей журналистской практики. Во время шахматной Олимпиады в Салониках меня пригласили на тамошнюю частную радиостанцию. Без предварительного предупреждения объявили о прямом эфире. И сразу же: «У нас в Греции некоторые сравнивают Каспарова с Ельциным, а Карпова — с Лигачевым». Дискутировать некогда и потому говорю, что знаю наверняка: великие шахматисты уверены, что сравнения с ними большинство современных им политических деятелей еще должно заслужить. Ну, а теперь вы все-таки скажите: Лигачев или Ельцин?

— Перед ответом сперва положу перед собой их программы по тому или иному конкретному вопросу. Потом, на-

Фото Анатолия БОЧИНИНА

верное, возьму ряд пунктов у Ельцина и, не столь вероятно, что-то — у Лигачева. Если предстоит голосование, буду вынужден определиться. По «персоналии» я определяю свою позицию только в исключительных случаях, как правило, когда обязан выбрать кого-то на должность.

Ельцина в качестве кандидатуры, альтернативной Горбачеву, выдвигали на высший тогда пост Председателя Верховного Совета страны. Он взял самоотвод, наверное, еще и потому, что видел, какая кампания разворачивается в поддержку Горбачева. И я все видел изнутри и был вместе с подавляющим большинством. Но поразило меня, что эта махина не остановилась, когда наступил момент выборов в члены Верховного Совета. Ельцин не был тогда реальным соперником Горбачеву, однако уже и год назад, и больше представить без него высший государственный орган было просто нельзя. Я пребывал буквально в шоке, давая интервью телевизионщикам прямо в фойе после заседания, где забаллотировали Ельцина в Верховный Совет, и назвал случившееся самой крупной ошибкой первого Съезда народных депутатов. Коллеги помнят, как я предлагал великолепный ход за В. Воротникова: заявил бы, что надо уважить Москву, и оттого он, как Председатель Российского парламента, уступает свое место в Верховном Совете СССР Б. Ельцину. Вот уж вошел бы в историю, да покруче, чем депутат А. Казанник.

Вне связи с этой щепетильной ситуацией замечу, что ни в одной стране мира не цепляются, как у нас, до старости за руководящие посты. Там, если есть энергия, силы, замыслы,— люди работают, а нет — уходят, при этом зачастую оставаясь на виду. А почему у нас так держатся?

— Потому что можно держаться?

— Не только потому. Многие боятся быть сразу выброшенными далеко за пределы общественной жизни. Объективную оценку масштаба каждого деятеля необходимо производить как можно раньше, и если оценка дана верно — фигура крупная и в целом положительная, то глупо разбрасываться потом полезными для общества людьми. Уж в какую неприятность угодил Р. Никсон, а, смотрите, экс-президент США опять выступает по телевидению, выполняет важные дипломатические поручения... Или В. Брандт, бывший канцлер, не лишившийся уважительного отношения сограждан и оставшийся в руководстве своей партии. Перестал быть президентом Жискар д'Эстен, но не думаю, что сам Ф. Миттеран или его окружение «сводит счеты» с предшественником или с Ж. Шираком, тоже бывшим соперником на выборах.

— Ваши примеры из жизни политических деятелей за рубежом относятся ко времени, когда в их странах обстановка сравнительно спокойная. У нас же теперь ситуация иная. В лабиринтах наскоро строящихся баррикад мечутся помрачневшие люди, кто шумно призывая, кто тихо аукая единомышленников. На чьей стороне вы, к какому блоку принадлежите?

— По своей природе я не являю собой блочный материал. И отнюдь не вижу в том ничего исключительного. Всегда и повсюду были независимые — это не гордыня, а издавна укоренившееся в политическом словаре наименование определенной категории лиц. Вот и я — отдельно взятое лицо. Не примкнул ни к какой группировке, ибо опасаюсь с ее стороны давления на мою личность. Поддерживаю то, что считаю разумным. Вижу у межрегионалыциков интересные идеи — я за них, нахожу у группы «Союз» толковые мысли — поддерживаю их.

— Не саму группу, а только созвучные вам мысли?

— Именно так. Это, правда, требует каждый раз времени, чтобы вникнуть в проблему; особенную нагрузку испытываешь на Съезде, потому что постоянно идет дискуссия и нужно видеть, сопоставлять и решать, где игра, а где приносят пользу делу. Ну, а когда хорошо чувствую и изучил проблему, активизируюсь. Формально же моя позиция обычно выражается в голосовании...

Совершенно уверен, что у нас второй Съезд оказался пустоватым и что вопрос о 6-й статье в Конституции, который муссировался столь активно и который сейчас отпал,— это пробел в работе Верховного Совета. Не знаю только, пробел получившийся или сознательно созданный. Верховному Совету было дано поручение подготовить изменения в Конституции страны. И если бы это сделали, отложив на время обсуждение каких-то законов — важных, конечно,— но все же терпящих своей очереди,— было бы снято чрезвычайное напряжение. В хорошо подготовленном варианте Конституции 6-я статья попросту бы вывалилась как совершенно ненужная. На предсъездовских встречах на родном Урале свою точку зрения (она воспринималась по-разному) я высказывал: или авторитет у партии и так есть, или его надо завоевывать ежедневно; ну, а будет декларирована руководящая роль или нет — от этого влияние партии не повысится.

— Все это логично, однако вы сами отметили, что формально позиция выражается в голосовании. Как же высказанная точка зрения разошлась с вашей позицией на втором Съезде народных депутатов?

— Вопрос этот можно адресовать сразу многим депутатам, чья принципиальность обычно не ставится под сомнение... Я пришел на Съезд голосовать за исключение 6-й статьи, чему есть немало свидетелей из числа единомышленников и просто собеседников. Но меня совершенно искренне переубедил сосед, очень уважаемый человек Н. В. Карлов. Который, кстати, тоже поначалу был за то, чтобы исключить пресловутую статью. Но затем засомневался: не поставим ли мы таким образом Горбачева в неудобное положение?

— А не ставите ли вы сейчас своим откровением члена-корреспондента АН СССР Карлова в неловкое положение?

— Почему же? Он, как и другие, не скрывал возникшего колебания. Мол, у Михаила Сергеевича, нуждающегося в поддержке, и так хватает забот и проблем. И тем, кто вообще за него, надо бы проявить в складывающейся ситуации мудрость или терпимость — назовем как угодно.

— Итак, для всех собравшихся позиция Председателя была очевидной. А вскоре М. С. Горбачев сам, уже на Пленуме ЦК КПСС, выступил с инициативой отмены все той же 6-й статьи.

— И это было правильно. Но вышло не совсем тактично по отношению к оказавшимся в роли ретроградов народным депутатам.

— Оберегая прежде всего авторитет руководителя, порой рискуешь собственной репутацией.

— В данном случае оправданием риска служили высшие, как в тот момент представлялось, соображения. (Но слишком часто применявшееся давление позже отразилось не только на депутатах, а затронуло и авторитет лидера, который на президентских выборах во время III Съезда потерял сотню-другую ранее принадлежавших ему голосов.) И все же непонятно, почему Пленум ЦК нельзя было провести до II Съезда народных депутатов.

— Чтобы руководящий партийный орган продиктовал свою волю избранникам народа?

— Нет, чтобы Пленум помог Горбачеву выработать окончательную позицию и ему не надо было давить своим личным авторитетом и той поддержкой, какую хотели именно ему дать депутаты. Другое дело, я не знаю, до Съезда решил бы Пленум этот вопрос точно так же или нет. Не исключаю, что Горбачев, решая проблему внутрипартийную, на время лишь сдержал общественные эмоции, а затем использовал видимый всем настрой Съезда, чтобы повлиять на Центральный Комитет КПСС.

— Беседуя с человеком, получившим экономическое образование, не могу не поинтересоваться мнением о «рыночных делах» в нашей стране, об ожидаемом «взвинчивании цен».

— Об этом говорят сейчас все, независимо от образовательного ценза. Но даже самые знающие в этих разговорах почему-то упускают из вида, что тяжелейшую ситуацию с денежно-кредитной системой в целом можно кардинально улучшить только с помощью нормализации дел вообще в экономике. Я тоже за свободный рынок, однако догадываюсь, что задача не решается простым уничтожением лишних денег. Это временный, косметический ремонт. Да и его, как всякий ремонт неподготовленный, в наши дни, когда нет ни строительных материалов, ни обычных обоев, не каждый человек способен перенести.

— Да, не у многих хватит денег, чтобы обклеить обоями новый дом. И как бы «шоковая терапия» не разрешилась хирургическим вмешательством.

— Ох, не до шуток. Не случится ли социальный взрыв, если цены действительно бросить на самотек? С большими потугами смогли мы поднять минимальные пенсии и зарплаты, практически перечеркнув тут же это решение ростом цен. Но по крайней мере люди хоть хлеб и молоко купить пока в состоянии. Пока...

— Это о бедных? Нынче ведь нелепо делиться на классы рабочих и крестьян с прослойкой из интеллигенции в обществе, где невооруженным глазом просматриваются бедные, средние, богатые, а вот между ними и впрямь есть прослойка.

— Тут и спорить не о чем. Правда, богатый совсем не означает плохой (если, конечно, свои деньги он зарабатывает честно). Путем взвинчивания цен намерены выкачать лишние деньги, чтобы расшатать и ослабить дельцов теневой экономики. Так ведь массу нечестных денег уже давно они вложили в другое содержание, заранее обезопасив себя от столь очевидной атаки. А вот средний класс окажется побитым, его едва ли не целиком низведут до уровня бедняков.

— Это если на том уровне будет еще к кому присоединяться, стариковские накопления на собственные похороны невелики.

— Ну, без надежной защиты для пожилых пенсионеров и вообще для всех, кому негде и не на чем подзаработать, и обсуждать тему резкого повышения цен недопустимо. А о гарантиях для низкооплачиваемых категорий работников следует прежде всего подумать профсоюзам.

— А кто же подумает обо всех вместе?

— Государство обязано. Именно оно совсем недавно, напортачив и не сдерживая выпуск «бумажек» (а иначе и не назовешь, потому что деньги товарами не обеспечивались), расстроило финансовую систему. А теперь пытаются инфляцией убить выпущенные этим же государством деньги.

— Но хороший совет нынче уже дорог.

— Даю бесплатно, хотя бы потому, что таких предложений как раз много, вот только спросом они отчего-то не пользуются. Почему бы, к примеру, не организовать акционерные общества на фундаменте многочисленных предприятий долгостроя? Подсчитать уже произведенные затраты и объявить продажу акций, скажем, какой-нибудь фабрики, которую в той местности строить начали, но в обозримом будущем все равно не закончат? У государства нет возможности для дальнейшего финансирования, а люди купят, достроят фабрику, пустят ее в дело и будут (выпуская нужную продукцию) получать доход по своим вложенным средствам.

Можно продавать остронуждающимся квартиры, дома. Устройте в конце концов аукционы, пустите на них процентов пять кооперативного строительства (нельзя слишком много, иначе начнется спекуляция площадью). Надо разрешить что-то делать с землей: покупать мелкие фермы, выкупать участки в колхозах... Почти как после крепостного права. А нынешнее правительство, видите ли, не хочет — зачем, мол, ему теперь эти обесцененные деньги. Будто бы печатали их какие-то фальшивомонетчики, а не Гознак. Так пусть государство и поступится в чем-то своей полумертвой собственностью для своих же живых людей. А вырученные назад деньги уничтожить!

— Чтоб зло пресечь, собрать сберкнижки да и сжечь?

— Не в них зло. К тому же у системы, начиная от сталинских времен, есть любопытный иезуитский прием, изобретенный отнюдь не дураками. На длинной леске из льгот — пайки, путевки, персональные пенсии — висит стальной крючок, цепляющий сразу многих вместе с их семьями. Хорошо будете себя вести — этот поводок удлиним, плохо — враз подсечем. Материально независимому человеку легче стать и политически свободным — система это учитывает по-своему.

...Поделюсь еще одной идеей, пусть и не очень на вид прогрессивной и уж совсем непопулярной. Принадлежит она, кстати, не мне, а почерпнута из разговоров с некоторыми видными экономистами, которые попросту боятся сегодня публично выступать с подобными заявлениями. Так вот, они доверительно утверждают, что к свободной конкуренции, к свободному рынку не подойти нам без предварительного жесткого контроля и укрепления дисциплины во всех звеньях производства. Опасаются обвинений в антидемократическом настрое, берегут свой авторитет в широких массах и потому помалкивают на этот счет.

— Понять это молчание можно и по-другому: производственные отношения тесно переплетаются с общественными, и, не ровен час, повсюду вновь станет укрепляться командно-административная система.

— А она и так еще достаточно крепка. Особенно в сфере государственного монополизма. Едва ли не первым на ум приходит Аэрофлот. Эта гигантская авиакомпания воспитана на том, чтобы любыми способами зарабатывать средства только для государства. И вот это «воспитание» отражается, в свою очередь, на тех, кого Аэрофлот перевозит. Порожденный системой и по-своему несчастный монстр, которого словно специально дразнят, отбирая каждый добываемый им же самим лишний кусок.

— Чудище тысячекрылое, с ужасным характером? Но зато какая мощная, всесильная организация!

— От самой колыбели нас сопровождали песни о могучих стальных крыльях Родины. И сейчас, сказывают, наши военные самолеты таковы, что их готовы покупать уже и высокоразвитые страны НАТО. Не знаю... А вот с гражданской авиацией знаком не понаслышке. Мне доводилось путешествовать на «Каравеллах», на «Боингах»... Всех тамошних удобств не упомнишь, но, когда сразу приходилось пересаживаться на аэрофлотовские «Илы» или «Ту», резко ощущалась разница. И еще: сочувствуешь нашим стюардессам, с чьих лиц бедность и скудность имеющихся в их распоряжении возможностей постепенно стерли улыбки. Стыдно перед иностранцами.

— Одна из английских газет назвала такой салон «летающий ГУЛАГ».

— Прозвище враждебно-оскорбительное и, понятно, не соответствует действительности. Но ведь мы во многом сами виноваты, создав прежде то, чего не приснится иностранцу и в кошмарном сне. Для него, вероятно, «сервис» и питание в этих самолетах представляются порядками в нашем исправительном лагере, характеризующими всю систему.

— Вы говорите только о международных авиалиниях?

— Неплохо знаю и внутренние, да что о них говорить, тут впору плакать.

— Но валюта, и немалая, все-таки идет...

— В том-то и дело. Гигантский план выполняется порой при помощи просто неприличных ухищрений. Возмущает введение валютной платы на наших внутренних рейсах Аэрофлота. И никого не интересует, что от этого страдают международные контакты, подрывается так старательно налаживаемая «народная дипломатия». Гостей из-за рубежа не позволяют возить за рубли и показывать нашу огромную страну. Даже весьма состоятельный Фонд мира не может ответить взаимностью тем, кто гостеприимно принимает у себя советских посланцев.

И оспорить ничего нельзя. Аэрофлот принимает какие-то свои полузакрытые, узковедомственные инструкции, а после них ничьи интересы уже никаким образом не учитываются. Да и куда обращаться, коль нет у нас иной, кроме Аэрофлота, авиакомпании, перевозящей пассажиров на дальние расстояния.

А в других странах поступают совсем по-другому. Ну, вот как со мной в 1982 году в Италии, откуда собирался лететь в Испанию гостем чемпионата мира по футболу. Я уж очень опаздывал и примчался в аэропорт минут за десять до вылета. Окажись я без багажа, успел бы пройти в салон. А так пришлось срочно искать другой самолет — очень торопился на уже объявленное в Испании выступление. И мне быстренько предложила другая авиакомпания обеспечить перелет из Милана в Цюрих, а оттуда в Мадрид.

Но ни в один момент не возникло речи о денежном начете, о нашем диком штрафе в четверть стоимости перелета. За рубежом, если вы покупаете билет — не на специальный, чартерный, рейс, а обычный билет,— он действителен целый год. Могу использовать в течение этого времени, а могу получить назад все свои деньги.

— Вот что делает конкуренция ради человека!

— И без нее человеку становится все хуже. Да и авиакомпании плохо: заставляя потогонно работать исключительно на госбюджет, ей самой не давали развиваться, обирали нещадно, и она превратилась в то, что мы имеем сейчас.

— Вы так много отрицательного сказали об Аэрофлоте. Не уходите ли от разговора о родном Госкомспорте?

— О нем говорено и переговорено. И перекритиковано. Могу и я добавить. Но при этом подчеркну: в нынешнем бедном состоянии страны — если мы хотим иметь спорт и любительский, и профессиональный — этот Государственный комитет необходим. Когда окрепнут и станут финансово независимыми отдельные федерации, появятся полноценные и долгосрочные спонсоры (кооперативы пока не слишком надежны да и сами хотят больше взять, чем дать) — функции Комитета изменятся. Да они уже и сейчас начинают меняться. Понемногу деньги стали возвращать и в те виды спорта, откуда их прежде только брали. Изысканы дополнительные источники финансирования: «Спортлото», другие коммерческие предприятия и мероприятия... Со спортсменами чаще советуются, а прежде совсем не считались. Побаивались разве что ответных действий со стороны влиятельных шахматистов и притесняли их меньше, чем других.

— Нам не охватить все вопросы, касающиеся прав спортсмена, но сетования на непомерное налоговое обложение переросли в возмущение Госкомспортом.

— Аэрофлот берет деньги с пассажиров, Госкомспорт — с собственных подопечных. При этом различии есть и основное сходство: обе организации выполняют поручение государства. Нет налога Госкомспорта, есть налог, который в соответствии с инструкциями Совмина и Минфина выбирает громадная организация, находящаяся на хозрасчете. Не было бы этого комитета, деньги сдавались бы в финансовое ведомство или непосредственно в бюджет государства. Однако поскольку нет закона, а есть только инструкции, они позволяют нам спорить с теми, кто по-командирски делит и распределяет.

— Да многие ли из этих споров закончились победой «слабейшей стороны», которую представляют сильнейшие спортсмены?..

— Большинство подзаконных актов «смешанные» — касаются не только спортивной жизни. И нам постоянно напоминают, что спортсмены не исключение. Все выезжающие за рубеж на деньги советских организаций не могут тратить на гостиницу больше определенной установленной суммы, на питание — тоже. Все нормы чрезвычайно урезаны. (Ну как питаться нормально за 20 долларов в день, если в гостинице, даже весьма скромной, один обед стоит дороже.) С трудностями приходится мириться, понимая ограниченность валютных средств у государства. Но вот по приглашению иностранных организаторов едет академик с мировым именем или знаменитый спортсмен. Хозяева заботятся о своих почетных гостях, а наши родные ведомства тихо и твердо предупреждают: «Все деньги, полученные от организаторов на питание сверх положенной по нашей инструкции нормы, надлежит сдать в доход государства».

— Унизительная процедура...

— А механизм-то каков! Есть «инструкция», что любые деньги, полученные за рубежом, советский гражданин должен сразу же документально оприходовать. Формально как бы сдать руководителю делегации, а если такового нет, то... самому себе. С этого момента валюта становится собственностью того ведомства, которое тебя командировало. И уж дальше оно тебя может при случае облагодетельствовать. И объявить это действие как расходы на тебя же. Мало кто знает, что даже с призами официально так поступают: не мы, оказывается, зарабатываем деньги, а на нас тратят часть нашей же награды.

Подарки стоимостью свыше 50 рублей пытаются отбирать у всех. Бывают, конечно, должностные подношения свыше какой-то суммы. Вручили министру компьютер, и — по служебной инструкции — он действительно обязан его дома передать в свое или иное ведомство. Как человек, занимающий высокий государственный пост. По отношению же к выдающейся личности (но не должностному лицу) требования сдавать подарки незаконны.

В спортивных организациях есть умельцы, наловчившиеся отбирать и майки, и лыжную мазь. А вот машину отобрать у В. Третьяка, слава богу, им оказалось слабо́. Получил он — заслужил! — на конкурсе хоккейных вратарей «тойоту», и лишь заступничество высшей власти спасло любимца публики от «оприходования». Кстати, поговаривают, теннисисты в последнее время осмелели в финансовых делах потому, что увлечение этой игрой охватило и ряд влиятельных лиц. Что ж, нормальная обратная реакция — популярность-то теннису создали в первую очередь сильнейшие зарубежные, а затем и наши игроки.

— Где вы получаете зарплату и сколько?

— Только в Госкомспорте как спортсмен-профессионал. Все остальные мои должности хоть и не любительские, но и не оплачиваемые, занимаю их, как принято говорить, на общественных началах. Совсем недавно «оклад жалованья» высочайшим соизволением повысили мне с 350 до 400 рублей. В спортивном ведомстве это самая большая ставка для действующего спортсмена. Вряд ли есть другая отрасль, где зарплата столь же стабильна. Когда еще готовились участвовать в первых для нас Олимпийских играх 1952 года, группе выдающихся спортсменов «положили» по три тысячи старыми рублями. Теперь, как видите, наметился прогресс...

— Полагаю, вас лично это занимает разве что в моральном плане.

— Не только меня. Вопрос о повышении моей зарплаты на 50 рублей «висел» полтора года. В Госкомспорте не решались пойти против мнения Г. Каспарова, считавшего, что лишь чемпион мира имеет право на высшую ставку. Наконец-то и мои многолетние заслуги оценены «по достоинству». Не знаю, впрочем, надолго ли.

— Вон, оказывается, на какую ставку будет играться ваш очередной матч! А многие-то уже зачисляют вас обоих в миллионеры на доллары.

— После всех вычетов один матч не позволяет стать таким миллионером. Забирают деньги и Международная шахматная федерация (ФИДЕ), и Гроссмейстерская ассоциация (ГМА), и... Но главный налог — в пользу государства. И, если отбросить шутки в сторону, этот налог должен взиматься на основании закона, а не диктоваться каким-то особым мнением. Можно было бы понять такую формулировку: «Имея в виду исключительные заслуги Каспарова Г. К. и Карпова А. Е. перед шахматной культурой и учитывая их вклад в отношения между странами и народами, на-

Фото Дмитрия ДОНСКОГО

лог на их матч за мировое первенство снизить». А то после красивых слов еще и повышают налог. Вместо максимального — сколько там, 69 процентов? — забирают, как в Севилье, 84 процента!

— Брал я когда-то интервью у Д. Ойстраха, «профессионального» любителя шахмат, вполне кондиционного кандидата в мастера. Он тогда по секрету, не для публикации, признался, что музыкантам оставляют меньше, чем шахматистам. С пяти тысяч за концерт ему доставалось больше всех коллег — 200 долларов. Был он человеком старой закваски и в разговоре то и дело оправдывал своих «сеньоров»: они ему предоставили возможность играть на старинной коллекционной скрипке громадной ценности.

— И я не раз беседовал с Давидом Федоровичем... За дни, в которые он давал концерты, ему от «командирующей организации» не полагались деньги на питание вообще (там ведь покормят!)... И если хозяева случайно не предусматривали оплаты гостиницы сверх наших норм (могли вполне предположить, что он использует полученное за концерт), то виртуоз обязан был, опять же по инструкции, доплачивать за отель из своих оставляемых ему двухсот долларов. Да по всем мировым стандартам человек такого масштаба, как Ойстрах, попросту и жить-то не должен в номере дешевле пятисот долларов.

Поразительно, как не ценит наше государство тех, кто составляет его славу и во многом определяет репутацию за рубежом. И, выражаясь более доступным для упрямых хозяйственников языком, невыгодно плохо относиться к людям, приносящим стране валюту. Ойстрах, как вы верно выразились, был человеком старой закваски, из тех, в ком это вызывало особое уважение. Но есть и другие, и тоже уважаемые люди, с которыми подобные «штуки» не проходят. Исполнители поуезжали, за ними следуют педагоги... Лучшая музыка звучит за границей.

— Кризис жанра?

— И не только музыкального. Приближается и мозговой кризис, усиливается утечка умов.

— Мало платят?

— Вы меня поддразниваете? Но если так понимается все сказанное до сих пор в этом интервью, то его лучше не печатать. Свободе творчества мы и впрямь не уделили здесь должного внимания. Деньги — лишь вспомогательное средство для обретения независимости. Для вынужденных сидеть за железным занавесом они решают далеко не все. Наконец-то разрешили путешествовать по миру целыми семьями, а еще недавно жен и детей оставляли заложниками.

— В письмах некоторые трудящиеся почему-то интересуются: какая кровь смешалась в Карпове? Другие письма содержат вопрос: не антисемит ли он?

— И те, и другие раздражают меня всю жизнь. С детства искали в моем происхождении чужие корни, словно не верили, что без них этот русский парнишка способен хорошо играть в шахматы. А для меня в то время Ботвинник и Таль были какими-то загадочными псевдонимами великих гроссмейстеров — подобные фамилии у нас на Урале встречались редко, а об их национальной принадлежности я и не задумывался. И, повзрослев, не воспринимал своего незабвенного тренера Семена Абрамовича Фурмана как человека разной со мной национальности. Оставим эту неблагодарную и неблагородную тему.

— Как говорят англичане, вы не считаете себя глупее других и потому...

— ...и потому оставляю все эти комплексы для тех, кто жить без них не может. А обо мне пусть судят по моим делам, а не по чужим словам.

ПРОШУ СЛОВА!

КАК ПРОПАДАЕТ ИСТОРИЯ

Сегодня мы часто вспоминаем, что у самой нашей крупной республики — РСФСР — нет многих общественных организаций и учреждений. Еще одно название в этот список: до 1978 года в РСФСР не было и республиканского архива кинофотофонодокументов. Во всех союзных республиках были. И общесоюзный был. Да только принимал знаменитый архив в Красногорске те кинофильмы и киножурналы, что снимались на центральных студиях кинохроники. А то, что снималось на девяти студиях кинохроники РСФСР, на этих студиях и оставалось. Впрочем, оставалось — неточно сказано. Кинофильмы и киножурналы заканчивались производством, тиражировались, учитывались в бухгалтериях как материальные ценности и складывались в помещениях, именуемых фильмотеками. Именуемые... Складывались... В подвалы, где текла вода по стенам. В церкви, где не было замков на дверях. В бокс гаража. В здании неподалеку — 100 метров! — от бензоколонки. И хорошо, если хоть так сохранялись. Многие были утрачены навсегда.

На Нижне-Волжской студии кинохроники полностью утрачена кинопродукция за 1924—1929 годы, на Дальневосточной — с 1927 по 1959 год. Все довоенные съемки погибли в Куйбышеве (с 1927 года) и на Восточно-Сибирской студии (с 1932 года), а в Ростове-на-Дону — еще и военные, и послевоенные (до 1948 года). Кстати, довоенную хронику перед оккупацией Ростова вывезли, от рук захватчиков спасли, погубили ленты позже и сами. В Казани не сберегли съемки 1932—1942 годов, в Свердловске и Орджоникидзе утеряны навсегда послевоенные съемки — вплоть до 1951 года.

Недавно в наш архив обратились с Новосибирской студии кинохроники: снимается фильм о пианистке Лотар-Шевченко. Француженка, вышедшая замуж за советского торгового представителя, приехавшая с ним в СССР и разделившая горькую судьбу тысяч жен «изменников родины», после 20 лет сталинских лагерей вернулась на сцену. Документалисты нашли места, связанные с Лотар-Шевченко, ее вещи, фотографии, другие документы — и ни одного кадра кинохроники, хотя ветераны студии помнят, что снимали ее неоднократно.

Кроме хроникальных студий, в РСФСР работает более 70 телестудий, также создающих кинодокументы. Положение на них столь же неприглядно. В 1984 году авария привела к затоплению фильмотеки Томского облисполкома. После аварии пришли в негодность и были списаны 2183 (!) телесюжета. Уничтожает документы не только стихия. На студиях телевидения идет планомерная работа по списанию телесъемок под самыми разными предлогами и по самым разным причинам. Здесь и «техническое состояние», и план по сдаче серебра, содержащегося в составе пленок, и отсутствие мест хранения. Комитет по телевидению и радиовещанию Камчатского облисполкома в 1978 году списал в небытие телесюжеты и телефильмы за 1965—1976 годы. Перечень этих кинодокументов занял 25 страниц описи! А если перевести на страницы истории? Кто возьмется подсчитать?

Работники нашего архива обнаружили у себя еще одну (кроме ревматизма) профессиональную болезнь: не могут спокойно смотреть конец телевизионных передач, когда идут титры и появляется строчка «инженер видеозаписи». Нет, мы не против технического прогресса. Но чем оборачивается для архивистов повсеместный переход на видеозапись? В длинном перечне сегодняшнего дефицита и видеопленка. Особенно мало ее достается периферийным студиям. Приобрести пленку трудно, а вот стереть с нее запись легко. И сразу записать что-то другое. Результат? На каждой телестудии своя,

ставшая печальным анекдотом история: а вот записали мы (имярек), на полтора часа передача, потом стерли — а тут он и помер (или проснулся знаменитым, или еще как отличился), ну, конечно, звонят с ЦТ, нет ли о нем чего, а у меня по нему уже корабли плывут...

Почему материалы не сдаются в архив? Сдаются, конечно, и именно к нам, в Центральный государственный архив кинофотофонодокументов РСФСР, но далеко не в тех количествах, какие нужны бы. На студиях кинохроники и телестудиях хранится около 900 тысяч кинодокументов, из них отобрано на государственное хранение около 60 тысяч. Архив же принимает в год всего 2800. Кроме кинодокументов, поступают на хранение и фонодокументы, созданные студиями радиовещания. Их хранится на местах более 1 миллиона 830 тысяч, отобрано на государственное хранение около 10 тысяч. Принимается ежегодно только 1100.

Почему? Потому что некуда...

Все эти проблемы должны были разрешиться еще десять лет назад, когда в июле 1978 года постановлением Совета Министров РСФСР был создан Центральный государственный архив кинофотофонодокументов (ЦГА КФФД) РСФСР. Разместить архив республики решили во Владимире. Резон в этом был: и в столице на одно учреждение меньше, и архив в достаточной близости от начальства, от архива Союза, от местных студий.

Экскурсоводами «Золотого кольца» в экскурсии было включено: «Посмотрите направо. Здесь, на выезде из Владимира, будет построено здание кинофотофоноархива республики». До сих пор осталась эта фраза неизменной. Правда, строить его все-таки начинали, да тут московская Олимпиада подоспела, кому на радость, а нам на горе: отнесли архив к административным зданиям, строительство которых известным постановлением было приостановлено. Мало кто понял тогда, чем это грозит, думали: переждем годик-другой, мы ведь привыкли — если надо, значит надо.

А пока суд да дело, пришлось архиву утверждаться в своем республиканском статусе, отводить от себя областную судьбу. Что это значит? А скажите, кто должен, по-вашему, возглавлять учреждение такого ранга? Специалисты высокого уровня? Первым директором ЦГА КФФД РСФСР (с подачи областного руководства и согласия Главархива) стал подполковник в отставке. Вторым — полковник. Третьим — бывший уполномоченный облисполкома по делам религий. И только в конце прошлого года взбунтовавшийся коллектив избрал директора из своих рядов, впервые — выпускника Историко-архивного института.

Сотрудники... В областном городе, где до этого был лишь областной архив, найти специалистов нужного уровня, как вы понимаете, непросто. На близость к Москве, конечно, крепко рассчитывали, должны были сыграть свою роль и денежные дотации на жилищное строительство, но... Сотрудники архива далеко не только специалисты (их девять), преобладают учителя (23, причем больше других почему-то биологов), есть инженеры.

Олимпиада в Москве кончилась. Будем строить?.. Во Владимире возведением зданий по индивидуальным проектам занимается только один строительный трест. За это время он построил прекрасный Дворец пионеров и школьников (сметная стоимость 3,5 миллиона рублей), монументальное здание обкома КПСС и облисполкома (10,5 миллиона рублей), завершает тургостиницу ВЦСПС (около 6 миллионов рублей), а сейчас намечено возвести комплекс плавательных бассейнов (4,3 миллиона рублей). Все это построено или строится с ведома тех, кто поручал Владимирскому облисполкому строительство архива. Трест же не сможет взяться за два столь крупных сооружения одновременно — мощности не те, трест ведь областной. Хотя архивистов еще долго уверяли: еще немного, еще чуть-чуть потерпите — и... Теперь уже и не обнадеживают.

Одно из требований времени перестройки — открыть архивы! Профиль хранящихся в ЦГА КФФД РСФСР документов таков, что засекречивать здесь было нечего. Здесь рады каждому исследователю. Но эта радость постоянно смешивается с чувством неловкости: некуда посадить человека, пришедшего поработать с документами. Не только читальный зал оборудовать нельзя — лишний стол поставить некуда. А чтобы человек, заинтересовавшийся кинодокументами, мог рассмотреть нужный материал на экране звукомонтажного стола, его везут за 22 километра от города, в село Кутуково, где находится хранилище кинодокументов.

В 1978 году облисполком выделил архиву помещение площадью 46,9 квадратного метра, где и поныне размещаются дирекция, бухгалтерия и технический отдел. Год спустя с большим трудом удалось в счет фонда на жилье (прощай, молодой специалист) получить двухкомнатную квартиру — полуподвал площадью 34,6 квадратного метра с хронически стопроцентной влажностью. Там теперь располагается фотолаборатория. Помещение под самое большое хранилище архива — хранилище кинодокументов — удалось получить в уже упоминавшемся селе Кутукове, в Никольской церкви, которая, давно перестав функционировать как храм, была много лет неотапливаемым складом. И последнее приобретение архива — дом писателя-народника Н. Н. Златовратского, памятник, находившийся под охраной государства, что не помешало ему оставаться без ремонта года так с семнадцатого. Реконструкция дома обошлась в 65 тысяч рублей. Теперь в двухэтажном полудеревянном окраинном особнячке (6 метров по фасаду), где жил один народник (не раз жаловавшийся на тесноту), разместились 38 сотрудников, каталог фотодокументов и два хранилища — фотодокументов (требования к влажности — 45 процентов плюс-минус 5) и фонодокументов (требования к влажности — 60 процентов плюс-минус 5). Надо ли добавлять, что они находятся в одной комнате?

Всего же в ожидании здания архива стоимостью в 5,5 миллиона рублей истрачено на проектирование, реконструкцию, приспособление помещений и их содержание, на текущий ремонт и приобретение бывшего в употреблении оборудования (кто же покупает новое во времянку?) более двух миллионов рублей. А в итоге архив располагает рабочими помещениями, где на каждого сотрудника приходится 2 квадратных метра. Хорошо, если эти метры в городе. Часть работников ежедневно ездит на свои рабочие места в село Кутуково. Сколько еще продержимся на энтузиазме?

Вы любите смотреть старую кинохронику? А старые фотографии? А слушать старые пластинки? Почему же мы стараемся лишить этого наших детей и внуков?

Н. АЛЕКСЕЕВА,
заместитель директора
ЦГА КФФД РСФСР
по научной работе,
Н. АЛЕКСЕЕВ,
член Союза журналистов СССР

ОТ РЕДАКЦИИ. Мы вновь возвращаемся к судьбам наших архивов. Трагедия каждого из них — и центрального, и вот такого, «республиканского с областной судьбой»,— это трагедия нашей истории, в которой уничтожена или уничтожается еще одна страница. О том богатстве, что хранят владимирские архивисты, свидетельствует хотя бы подборка фотографий, которую мы публикуем к очередной годовщине начала первой мировой войны.

◄ В этом ветхом, неприспособленном здании расположилась фотолаборатория архива. Именно здесь с хрупких стеклянных негативов, чудом переживших войны и революции, все чудовищные зигзаги и виражи нашей недавней истории, были отпечатаны эти фотографии — окопная летопись 9-го Сибирского гренадерского полка.

СОВСЕМ НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ОКОПНОЙ ЖИЗНИ

По учебникам нами усвоено: первая мировая война была империалистической и в народе популярностью не пользовалась. Но почему же тогда эти крестьяне привезли на позиции хлеб и яблоки? Что двигало ими? Извечная русская жалость к солдатикам-защитникам? Или это было проявлением патриотизма? А может, истерия шовинизма привела их сюда, на передовую?

Где могилы павших в той войне? Справедливой, несправедливой — это потом решается (и это не всегда предсказуемо, как показал совсем недавний опыт). А гибли солдаты тогда за свою землю, четыре года гибли. И отпевали их по-христиански, кресты над могилами ставили деревянные, не впопыхах зарывали — отдавали последний долг, хоронили по обряду. Может, и не всех в парадных гробах и с венками от других полков, но и так, как видим, было.

Пожалуй, эта война — самая неизвестная из всех, что вело наше отечество в XX веке. В самом деле, что знает большинство из нас о ней? Мазурские болота, Брусиловский прорыв... Присмотритесь к этим снимкам — и вы увидите: повседневность первой мировой заклишированному в нашем сознании образу не соответствует.

Эти фотографии были любезно переданы Центральному государственному архиву кинофотофонодокументов РСФСР Владимиро-Суздальским музеем-заповедником. Верно рассудили его

Эти два снимка разделяет всего год с небольшим. Командир 8-й роты подпоручик Малышев улыбался перед объективом фотоаппарата в июне 1915 года... А кладбище, последний приют многих его однополчан, снято 20 сентября 1916-го, после похорон прапорщика Хитрова, скончавшегося от ран.

сотрудники: фотографии начала века без постоянного контроля и специальной обработки не сохранишь. Фотографий тех лет и вообще-то осталось немного, о войне — совсем мало. А тут — сразу 300, причем оригиналы. В архиве кинофотодокументов СССР, что в Красногорске, сохранилось 49 фотографий 9-го Сибирского гренадерского полка, но то — оформленные в альбом позитивы, то есть копии. Здесь же стеклянные пластины, негативы. Сделали с них отпечатки — и предстала перед нами мировая война неожиданной, не хрестоматийной...

На фотографиях — обычный полк, 9-й Сибирский гренадерский, квартировавший перед войной во Владимире (в городе сохранились здание, где размещались штаб и офицерское собрание полка, да полуразрушенная полковая церковь). С августа 1914-го — фронт.

Война длилась долго, и вырабатывался свой, окопный, быт. Раскладные кровати в палатках, самовары для чаепития, эмалированная посуда, полковая библиотека, походная кухня (такие производились отдельной фирмой). И даже занятия модной тогда «соколиной гимнастикой», как на том снимке, где солдаты застыли, образовав эмблему полка. И, конечно же, политика врывалась в быт: полковой комитет, митинги, комиссия по выборам в Учредительное собрание...

Жизнь продолжалась. Встречали Рождество, оборудовали полковую церковь. Полковой священник — с боевыми орденами на груди... Что известно нам об этих священнослужителях?

А воспитанность — она всегда воспитанность. Вот и белая скатерть нашлась (или это госпитальную простыню расстелили?) для чаепития с семейным альбомом и воспоминаниями...

Война — всегда страдания. Ранения. Госпитали. И такая вот сестричка милосердия, память о которой хочется оставить на фотографии. Уходили на фронт вместе с мужьями и жены офицеров полка. Среди сестер милосердия — разночинки и дворяночки, барышни и замужние, шли на передовую и тонкими ручками — бинты, кровь, гной...

И уж совсем не ждешь увидеть такие лица. Ах, подпоручик Малышев, будь вы в буденовке, обошел бы этот снимок все наши газеты — мы же не знаем даже, в каком стане расколовшейся вскоре России вы оказались.

«Отгремели трубы нашего полка»... Словно эти фотографии были перед Окуджавой, когда сложилось печальное: «Спите себе, братцы,— все начнется вновь...» Увы, вернулось, началось вновь, и очень скоро. Но это была уже другая война...

19 апреля 1917 года. Наблюдатели в окопах первой линии.

Июль 1915 года. Обозники.

8 июля 1915 года. «Летучая команда» сибирцев.

17 мая 1917 года. Окопы. Штаб полка.

Июнь 1915 года. Последний долг офицеру Юрьеву.

26 ноября 1917 года. Парад георгиевских кавалеров.

В нашей «Библиотеке зарубежного детектива» уже выходили произведения Г. Грина, С. Жапризо, Д. Чейза, Ле Карре, Р. Чандлера и других широко известных авторов этого жанра. Но зарубежный детектив невозможно себе представить без Агаты Кристи, столетие со дня рождения которой мы вскоре будем отмечать. Семьдесят романов написала она за свою долгую творческую жизнь. Уже давно нет в живых писательницы, но интерес к ее книгам не ослабевает.

Агата КРИСТИ

УБИЙСТВО ПОД ФЕЙЕРВЕРК

ПОВЕСТЬ

1

— Не найдется ли пенни для парнишки, сэр? — Ухмыляющийся подросток задал вопрос с привычной наглостью.

— Ни в коем случае! — решительно ответствовал старший полицейский инспектор Джэпп.— И послушай-ка, малый...

Последовало краткое, но энергичное внушение. Обескураженный попрошайка поспешно отступил, лаконично бросив своим юным друзьям: «Черт возьми, нарвались на «фараона» в штатском!»

Ребятня разбежалась, распевая хором:

«Хватай лису крепко,
Сажай ее в клетку!»

Спутник инспектора, пожилой человечек с яйцеобразной головой и внушительного вида, воинственно торчащими усами, улыбнулся.

— Превосходно, Джэпп, — прокомментировал он.— Вы произнесли свою проповедь просто великолепно. Хвалю!

— Клянчат у прохожих, пользуясь тем, что сегодня годовщина Порохового заговора,— проворчал инспектор.

— Интересный пережиток,— заметил Эркюль Пуаро,— фейерверки и весь этот шум спустя столько лет после того, как сам заговор и его герой Гай Фокс благополучно позабыты.

Свернув с магистрали, собеседники очутились в относительно тихом квартале, известном под названием Мьюс, где некогда располагались конные дворы, а теперь находились жилые дома. Населены они были в основном шоферами, этими преемниками стародавних кучеров и конюхов. Приятели только что отобедали вместе и теперь возвращались в квартиру Пуаро.

— Подходящий вечерок для убийства,— заметил с профессиональным интересом Джэпп.— Никто, например, не услышит выстрела в таком гвалте.

— Я иногда задавался вопросом, почему преступники не пользуются этим обстоятельством чаще,— поддержал его Пуаро.

— Знаете, Пуаро, иногда я почти хочу, чтобы вы совершили преступление.

— Типун вам на язык!

— Да, да, мне интересно, как бы вы взялись за это дело.

— Дорогой мой Джэпп, соверши я преступление, у вас не было бы ни малейшего шанса узнать, как я... взялся бы за это дело. По всей вероятности, вы даже не узнали бы, что преступление совершено.

— Вам палец в рот не клади, не так ли? — промолвил Джэпп, добродушно рассмеявшись.

На следующее утро в квартире Эркюля Пуаро раздался телефонный звонок. Говорил инспектор Джэпп: «Помните, мы вчера вечером возвращались домой через Бэрдсли-Гарденс Мьюс?»

— Да, ну и что?

— И говорили о том, как легко было бы застрелить человека, когда вокруг стоит праздничный шум?

— Разумеется, помню.

— Ну, так вот, в этом самом квартале Мьюс, в доме № 14 покончила с собой молодая вдова, некая миссис Аллен. Я отправляюсь туда. Хотите со мной?

— Прошу прощения, но разве обычно человека вашего калибра посылают расследовать банальное самоубийство?

— Вы попали в точку. Нет, обычно не посылают. Дело в том, что врач, по-видимому, заподозрил что-то неладное. Так вы приедете? По-моему, вам было бы интересно.

— Конечно, я приеду. Вы говорите, дом № 14?

— Точно.

Пуаро появился у дома № 14 почти одновременно с машиной, доставившей туда Джэппа и еще троих. № 14 явно привлекал к себе внимание окружающих. Шоферы, их жены, рассыльные, просто зеваки, хорошо одетые прохожие — все они словно завороженные взирали на здание. Полицейский в форме стоял на пороге и изо всех сил старался держать любопытных на почтительном расстоянии. Энергичные молодые люди с фотоаппаратами сунулись вперед, как только в поле их зрения оказался Джэпп.

«Пока для вас ничего нет»,— бросил репортерам инспектор. Затем он кивнул Пуаро и пригласил его войти внутрь. Дверь за ними захлопнулась, и они оказались перед ведущей наверх лестницей. Джэпп и Пуаро поднялись по лестнице и вошли в маленькую спальню. Встретивший их на пороге начальник местного полицейского участка по имени Джеймсон коротко изложил суть дела.

— Покойную звали миссис Аллен, сэр. Она проживала здесь с подругой, некой мисс Плендерлейт. Мисс Плендерлейт была в отъезде, гостила за городом и вернулась сегодня утром. Она открыла дверь своим ключом и удивилась, не увидев никого внизу. Обычно в девять утра к ним приходит поденщица. Мисс Плендерлейт поднялась наверх, хотела зайти в комнату подруги, но дверь оказалась запертой изнутри. Она стучала и звала, но не получила ответа. В конце концов, встревожившись, она позвонила в полицию. Мы приехали немедленно и взломали дверь. Миссис Аллен лежала на полу с простреленной головой. В руке у нее был автоматический пистолет, и на первый взгляд это был очевидный случай самоубийства.

— А где сейчас мисс Плендерлейт?

— Внизу, в гостиной, сэр. Я бы сказал, весьма хладнокровная и деловитая молодая леди.

— В свое время я побеседую с ней. А сейчас надо повидать Бретта.

Сопровождаемый Пуаро, он пересек лестничную площадку и вошел в дверь напротив. Высокий пожилой человек поднял голову и кивнул в знак приветствия.

— Хэлло, Джэпп, рад, что вы здесь. Дельце не из банальных.

Джэпп приблизился к говорящему, а Пуаро быстро и испытующе оглядел комнату.

Она была гораздо больше помещения, только что покинутого ими. Если то была откровенная и непритязательная спальня, то это явно была спальня, которую постарались выдать за гостиную. Стены по цвету были серебряными, а потолок — изумрудно-зеленым. Занавеси модернистского рисунка тех же тонов. Диван под изумрудного же цвета покрывалом, с несколькими подушками, отливающими золотом и серебром. Остальная обстановка сводилась к старинному ореховому бюро, комоду орехового дерева и нескольким хромированным креслам современного дизайна. На низком журнальном столике — большая пепельница, полная окурков.

Эркюль Пуаро незаметно принюхался, затем присоединился к Джэппу, стоявшему над трупом.

На полу, словно упав с одного из кресел, лежало тело молодой женщины лет двадцати семи. У нее были белокурые волосы и тонкие черты лица. Очень мало косметики. Лицо милое, пожалуй, чуточку глуповатое. Слева на голове запеклась кровь. Пальцы правой руки сжимали небольшой пистолет. На женщине было простое закрытое темно-зеленое платье.

— Так в чем же дело, Бретт? — спросил Джэпп, рассматривая неподвижную фигуру на полу.

— Тело лежит как надо,— ответил врач.— Если она застрелилась, то, вероятно, соскользнула с кресла именно в этой позе. Дверь и окно заперты изнутри. Но... взгляните-ка на пистолет. Мы его не трогали, ждали дактилоскописта. Но вы и так поймете, что я имею в виду.

Пуаро и Джэпп склонились к трупу и внимательно осмотрели пистолет.

— Я вижу, в чем дело,— произнес Джэпп, выпрямляясь.— Это изгиб ее руки. Кажется, что она держит пистолет, но это только кажется. Что-нибудь еще?

— Многое. Пистолет у нее в правой руке. А теперь взгляните на рану. Оружие держали близко к голове, непосредственно над левым, заметьте, левым ухом...

— Гм,— проворчал Джэпп,— это решает дело. Она просто не могла держать оружие и выстрелить из него в этом положении, если действовала правой рукой.

— Я бы сказал, что это абсолютно исключено. Вы можете вывернуть свою руку таким образом, но вряд ли при этом сумеете выстрелить.

— Напрашивается вывод, что кто-то другой застрелил ее и пытался выдать случившееся за самоубийство. Как насчет запертых двери и окна?

На этот вопрос ответил инспектор Джеймсон: «Окно закрыто на шпингалет, а дверь заперта изнутри, но нам не удалось найти ключ».

Джэпп кивнул:

— Да, тут убийца просчитался. Уходя, он запер дверь и надеялся, что ключа не хватятся.

— Это было глупо с его стороны,— пробормотал Пуаро.

— Ох, старина, не судите о других с высоты собственного могучего интеллекта. Речь идет о мелочи, которую легко упустить из виду. Дверь заперта. Ее взламывают. Женщина мертва, пистолет у нее в руке. Налицо все признаки самоубийства... Кто при таких обстоятельствах будет рыскать в поисках ключа? Удачно, что мисс Плендерлейт вызвала полицию. Она могла бы позвать с улицы кого-нибудь из соседей, взломать дверь — и тогда вопрос о ключе вообще не встал бы.

— Думаю, вы правы,— сказал Пуаро.— Такова естественная реакция большинства людей. К полиции прибегают как к последнему средству.

Он по-прежнему смотрел вниз, на тело.

— Что-нибудь кажется вам странным?

Вопрос был задан как бы мимоходом, но взгляд инспектора оставался внимательным и настороженным.

Эркюль Пуаро медленно покачал головой.

— Я смотрел на ее часы.

Он наклонился и легко притронулся к часам. Крохотные изящные часики с драгоценными камнями на муаровой ленточке красовались на запястье руки, державшей пистолет.

— Шикарная вещица,— отметил Джэпп.— Наверняка стоит недешево. Может, в этом что-то кроется?

— Возможно.

Пуаро перешел к бюро, все на котором аккуратно вписывалось в общую цветовую гамму помещения.

В центре стояла массивная серебряная чернильница, перед нею красивое лакированное пресс-папье. Слева от него лоточек зеленого стекла, а на нем серебряная вставочка, брусочек зеленого воска, карандаш и две почтовые марки. Справа от пресс-папье перекидной календарь. Вызывающе зеленое гусиное перо в стеклянной вазочке. Им Пуаро, по-видимому, особенно заинтересовался. Он внимательно осмотрел его, но следов чернил не обнаружил. Очевидно, перо служило украшением, не больше. Писали же пером в серебряной вставочке. Пуаро взглянул на календарь.

— Вторник, пятое ноября,— вставил Джэпп.— Вчерашний день. Все правильно.
Инспектор повернулся к Бретту.
— Когда наступила смерть?
— Я бы сказал, часов в одиннадцать вечера, плюс-минус час или около того.
— Я думал, может, ее часы стали...
— Они действительно стали, но это произошло в четверть пятого.
— Полагаю, она не могла быть убита именно тогда?
— Абсолютно исключено.
Пуаро разглядывал пресс-папье.
— Неплохая мысль,— одобрил Джэпп,— но отсюда ничего не выжмешь.
Пресс-папье было абсолютно чистым. Пуаро перенес свое внимание на корзинку для бумаг. В ней было несколько разорванных писем и рекламных уведомлений.
— Там ничего нет,— заверил его Джэпп.
— Да, и это странно...
— Вы хотите сказать, что обычно самоубийцы оставляют записки?
— Вот именно.
— Фактически это еще одно доказательство того, что мы имеем дело не с самоубийством.
Он сделал движение к выходу.
— Пойду дам инструкции моим людям. Нам же лучше спуститься вниз и побеседовать с этой мисс Плендерлейт. Идете, Пуаро?
Однако Пуаро, по-видимому, все не мог оторвать взгляда от бюро и всего, что на нем находилось.
Он наконец вышел из комнаты, но уже с порога вновь взглянул на изумрудно-зеленое гусиное перо.

2

Внизу, в большой комнате, отделанной так, чтобы по возможности напоминать старую конюшню (каковой прежде и было все это строение), находились двое. В кресле у камина, протянув руку к огню, сидела темноволосая, энергичная с виду женщина лет примерно тридцати или около того. Другая, пожилая особа внушительной комплекции с хозяйственной сумкой в руках, отдуваясь, говорила, когда двое мужчин появились в дверях:
— ...Поверьте, мисс, я еле на ногах устояла! И подумать только, что именно сегодня утром...
Другая прервала ее.
— Довольно, миссис Пирс. Эти джентльмены, я полагаю, из полиции.
— Мисс Плендерлейт? — осведомился Джэпп, делая шаг вперед.
Молодая женщина утвердительно кивнула.
— Да. А это миссис Пирс, она приходит к нам работать по дому каждый день.
Неукротимая миссис Пирс вмешалась в разговор:
— Как я только что говорила мисс Плендерлейт, надо же, чтобы именно сегодня утром у моей сестры случился приступ, а дома была только я, и на родных не наплюешь, я и подумала, что миссис Аллен не будет в претензии, хотя я всегда стараюсь угодить моим дамам...
Джэпп ловко отделался от словоохотливой миссис Пирс, отправив ее вместе с Джеймсоном в кухню для дачи показаний, а сам вновь обратился к даме у камина.
— Я старший инспектор Джэпп. Мисс Плендерлейт, прошу вас рассказать все, что вы знаете по этому делу.
— Охотно. С чего мне начать?
Она изумительно владела собой. Ни малейших признаков скорби или потрясения, если не считать почти неестественной чопорности манер.
— В котором часу вы приехали сегодня утром?
— Полагаю, около половины десятого. И обнаружила, что этой старой вруньи, миссис Пирс, нет на месте.
— И часто такое случалось?
Джейн Плендерлейт пожала плечами.
— Примерно дважды в неделю она появляется в полдень... если появляется вообще. По идее она должна приходить в девять. Но, как я уже говорила, дважды в неделю заболевает либо она сама, либо кто-нибудь из ее домашних. Все поденщицы одинаковы. Она еще не худшая.
— Давно она у вас?
— Чуть больше месяца. Та, что была до нее, таскала вещи.
— Продолжайте, прошу вас, мисс Плендерлейт.
— Я отпустила такси, внесла чемодан, безуспешно поискала миссис Пирс и поднялась наверх в свою комнату. Там я немного привела себя в порядок и пошла к Барбаре — миссис Аллен,— но ее дверь была заперта. Я дергала дверную ручку и стучала, но не получила ответа. Тогда я спустилась вниз и позвонила в полицию.
— Пардон! — Пуаро вставил вопрос быстро и естественно.— Вам не пришло в голову попытаться взломать дверь, скажем, с помощью кого-нибудь из шоферов, которых много живет здесь по соседству?
Взгляд ее холодных серо-зеленых глаз — быстрый и оценивающий — обратился на Пуаро.
— Нет, мне это в голову не пришло. Я решила, что если что-то случилось, то надо обратиться в полицию.
— Значит, вы думали — пардон, мадемуазель — что что-то случилось?
— Естественно.
— Только потому, что на ваш стук в дверь никто не откликнулся? Но ваша подруга могла принять снотворное или что-нибудь в этом роде.
— Она не принимала снотворные.— Ответ прозвучал резковато.
— Или она могла выйти и запереть дверь перед уходом.
— К чему бы ей запирать дверь? И, во всяком случае, она оставила бы мне записку.
— А она... ничего вам не оставила? Вы в этом уверены?
Ее тон стал уже подчеркнуто резким:
— Разумеется, я уверена в этом. Я бы сразу увидела записку.
Джэпп поинтересовался:
— Вы не пробовали заглянуть в замочную скважину, мисс Плендерлейт?
— Нет,— задумчиво ответила та.— Я об этом даже не подумала. Но я бы все равно ничего не увидела, не так ли? Ведь ключ был в скважине.
Ее наивно вопрошающий взгляд был устремлен на Джэппа. Пуаро улыбнулся про себя.
— Вы поступили совершенно правильно, мисс Плендерлейт,— сказал Джэпп.— Полагаю, вы не думали, что ваша подруга собирается покончить с собой?
— О, нет!
— Она не казалась расстроенной, встревоженной или что-нибудь в этом роде?
Его собеседница заметно помедлила с ответом, но потом сказала: «Нет».
— Знали вы, что у нее есть пистолет?
Джейн Плендерлейт кивнула.
— Да. Она привезла его из Индии и всегда держала у себя в комнате.
— Гм, оружие было зарегистрировано?
— Думаю, да, но наверняка не знаю.
— А теперь, мисс Плендерлейт, расскажите мне все, что можете, о миссис Аллен, как долго вы были с ней знакомы, где ее родственники, короче говоря, все.
Джейн Плендерлейт снова кивнула.
— Я знала Барбару лет пять. Мы познакомились за границей, точнее, в Египте. Она возвращалась на родину из Индии, а я преподавала в английской школе в Афинах и приехала на несколько недель в Египет, перед тем как отправиться в Англию. Мы обе совершали круиз по Нилу. Мы подружились. Я в то время как раз подыскивала кого-нибудь, кто разделил бы со мной квартиру или небольшой дом. Барбара была одна-одинешенька на свете. Мы решили, что прекрасно поладим друг с другом.
— И вы действительно поладили? — спросил Пуаро.
— О, да. У каждой из нас был свой круг друзей, но это только к лучшему.
Пуаро кивнул. Джэпп продолжал:
— Что вы знаете о семье миссис Аллен и о ее жизни до встречи с вами?
— По сути дела, не много. Ее девичья фамилия, кажется, Эрмитидж.
— Ее муж?
— Полагаю, это было не Бог весть что. Кажется, он пил. Насколько мне известно, он умер через год или два после женитьбы. Остался ребенок, девочка, но и она умерла трех лет от роду. Барбара не распространялась насчет своего мужа. Знаю только, что она вышла замуж в Индии, когда ей было семнадцать. Потом они уехали на Борнео или еще в какую-то дыру, куда сплавляют бездельников и неудачников... но это была явно тягостная для нее тема, и я старалась не затрагивать ее.
— Были ли у миссис Аллен финансовые трудности?
— Я уверена, что нет.
— Долги?
— О, нет, ничего подобного.
— Я должен задать еще один вопрос, и, надеюсь, вы поймете меня правильно, мисс Плендерлейт. Были ли у миссис Аллен друзья из числа мужчин, которых она особенно отличала?
Ответ прозвучал холодно:
— Она была помолвлена, если вас интересует эта сторона дела.
— С кем же?
— С Чарльзом Лавертон-Уэстом. Он член парламента от какого-то округа в Гэмпшире.
— Давно она с ним познакомилась?
— Немногим больше года назад.
— Как долго была она помолвлена с ним?
— Два, нет, почти три месяца.
— Вы не знаете, они не ссорились?
Мисс Плендерлейт покачала головой.
— Нет. Барбара не была склонна к ссорам.
— Когда вы видели миссис Аллен в последний раз?
— В прошедшую пятницу, перед тем, как уехать на уик-энд.
— А миссис Аллен оставалась в городе?
— Да. Она, кажется, собиралась отправиться куда-то со своим женихом в воскресенье.
— Где вы сами провели уик-энд?
— В Лайделлс-холле, Лайдекс, Эссекс.
— Вы гостили у...?
— Мистера и миссис Бентинк.
— Вы уехали оттуда только сегодня утром?
— Да.
— Должно быть, вам пришлось подняться очень рано?
— Меня подвез мистер Бентинк. Он выезжает рано, поскольку должен быть в городе к десяти.
Все ответы мисс Плендерлейт звучали убедительно.
Пуаро, в свою очередь, поинтересовался:
— Какого мнения вы о мистере Лавертон-Уэсте?
— Я о нем особенно не задумывалась. Он молод — не старше тридцати одного или тридцати двух,— честолюбив, немного напыщен, хороший оратор и твердо намерен сделать карьеру. Барбара считала его совершенством, на все смотрела его глазами.
Следующий вопрос Пуаро задал мягко и вкрадчиво:
— Вы любили вашу подругу?
Он заметил, как сжалась лежащая на колене рука, как отвердела линия рта, но ответ прозвучал совершенно бесстрастно.
— Да, я любила ее.
Джэпп сказал:
— Еще один вопрос, мисс Плендерлейт. Между вами и покойной не было никакой ссоры?
— Абсолютно никакой.
— А из-за этой помолвки?
— Нет! Я радовалась, видя ее довольной и счастливой.
После короткой паузы Джэпп спросил:
— Были у миссис Аллен враги?
На сей раз Джейн Плендерлейт заметно помедлила с ответом. Когда она наконец заговорила, тон ее слегка изменился.
— Что именно вы подразумеваете под врагами?
— Например, кого-то, кому ее смерть была бы выгодна.
— О, нет, об этом смешно и думать! Впрочем, у нее ничего не было, кроме небольшого дохода.
— И кто унаследует этот доход?
— Понятия не имею. Может быть, даже я, если, конечно, она оставила завещание.
— Значит, никаких врагов? — Джэпп быстро переменил тему.— Никто не держал на нее зла?
— Не думаю. Она была очень милым и добрым созданием, всегда готовым сделать приятное окружающим. По натуре она была расположена к людям.
Впервые подчеркнуто деловитый тон изменил ей.
Пуаро кивнул. Джэпп подвел итог:
— Итак, в последнее время миссис Аллен была спокойна и довольна, не испытывала финансовых трудностей, была помолвлена и радовалась этой помолвке. Не случилось ровно ничего такого, что могло бы толкнуть ее на самоубийство. Так?
Помолчав мгновение, Джейн ответила:
— Так.
Инспектор поднялся.
— Прошу прощения, мне надо сказать пару слов Джеймсону.
Он вышел, и Эркюль Пуаро остался наедине с Джейн Плендерлейт.

3

После нескольких секунд молчания Пуаро неожиданно спросил:
— Когда вы разожгли огонь, мадемуазель?
— Огонь? — Она отвечала несколько рассеянно.— Утром, когда приехала.
— До того, как поднялись наверх, или после?
— До того.
— Понимаю... И все было уже готово или вам сначала пришлось принести уголь?
— Все было приготовлено. Мне оставалось лишь поднести спичку.
В ее голосе звучало легкое нетерпение. Она явно подозревала его в желании поболтать. Возможно, он хотел именно этого. Во всяком случае, Пуаро продолжал самым обычным тоном:
— Но ваша подруга... я заметил в ее комнате газовый камин.
— Углем мы топим только здесь, во всех остальных комнатах газ.
— И в кухне?
— Да, как и везде сейчас.
— Верно. Это гораздо менее трудоемко.
Беседа прервалась. Потом Плендерлейт спросила:
— Этого... старшего инспектора Джэппа считают умным человеком?

— У него хорошая голова на плечах. Его весьма ценят. Он работает упорно и тщательно, так что от его внимания мало что ускользает.

— Интересно...— пробормотала молодая женщина.

Пуаро внимательно наблюдал за нею. Его глаза в свете камина отливали зеленым. Спокойным негромким голосом он задал вопрос:

— Смерть вашей подруги большое потрясение для вас?

— Ужасное.

Ответ прозвучал с обезоруживающей искренностью.

— Вы не ожидали этого?

— Разумеется, нет.

— Так что сначала это, возможно, показалось вам чем-то немыслимым, невероятным?

Его мягкий сочувственный тон, по-видимому, сделал свое дело. Мисс Плендерлейт заговорила раскованно и естественно:

— Вот-вот. Даже если Барбара покончила с собой, я не могу представить себе, чтобы она сделала это таким именно образом.

— И все же она держала при себе пистолет.

Джейн Плендерлейт нетерпеливо отмахнулась.

— Да, но это просто... Ей приходилось жить в такой глуши. Она держала оружие просто по привычке, без всякой другой мысли. Я уверена в этом.

— И почему же вы в этом уверены?

— Ну, например, из-за ее высказываний.

— Таких, как?..

— Мы как-то говорили с ней о самоубийстве, и она сказала, что гораздо проще отвернуть газовый кран, заткнуть все щели и лечь в постель. Я, помню, тогда сказала, что предпочла бы застрелиться, но она осталась при своем мнении.

— Я понимаю,— сказал Пуаро. — Вы правы, это действительно странно, особенно если, как вы только что говорили мне, в ее комнате был газ.

— Все это выглядит так неестественно. Я до сих пор не могу поверить, что она покончила с собой. Полагаю, факт самоубийства не вызывает сомнений?

Пуаро покачал головой.

— Существует и еще одна возможность.

— Что вы хотите этим сказать?

— Это может быть... убийством.

— О, нет! — Джейн Плендерлейт отпрянула назад. — Нет! Само такое предположение чудовищно.

— Возможно, но оно не представляется вам невероятным?

— Да ведь дверь была заперта изнутри. И окно тоже.

— Дверь действительно была заперта. Однако нельзя с уверенностью определить, заперли ли ее изнутри или снаружи. Дело в том, что ключ исчез.

— Но, если так...— Она помолчала минуты две.— Значит, дверь заперли снаружи. Иначе ключ был бы где-нибудь в комнате.

— Это возможно. Вспомните, что тщательного обыска в помещении не было. А может быть, ключ выбросили из окна и кто-то подобрал его.

— Убийство! — воскликнула Джейн Плендерлейт. Мысль о подобной возможности явно завладела ее умом. — Я думаю... вы правы.

— Но если это убийство, у него должен быть побудительный мотив. Знаете ли вы такой мотив, мадемуазель?

Медленно она покачала головой, но у Пуаро тем не менее сложилось впечатление, что мисс Плендерлейт сознательно о чем-то умалчивает. Дверь открылась, и в комнату вошел Джэпп. Пуаро встал.

— Я высказал мисс Плендерлейт предположение, что причиной смерти ее подруги было не самоубийство,— сказал он.

Джэпп бросил на Пуаро укоризненный взгляд.

— Пока еще нельзя утверждать что-либо определенное,— заметил он. — Предстоит изучить все возможные версии. В данный момент это все.

Затем он приблизился к Джейн.

— Скажите, мисс Плендерлейт, знакома ли вам эта вещь?

На его ладони лежал маленький овальный предмет из темно-синей эмали.

Джейн Плендерлейт отрицательно качнула головой.

— Это не ваше и не миссис Аллен?

— Нет. Женщины такого обычно не носят.

— А, значит, вы знаете, что это.

— Не так уж трудно догадаться. Это половина мужской запонки.

4

— Эта молодая леди весьма уверена в себе,— поделился своим мнением Джэпп.

Двое мужчин вновь сидели в спальне миссис Аллен. Труп уже сфотографировали и увезли.

— Да, было бы ошибкой считать ее дурой,— согласился Пуаро. — Безусловно, мы имеем дело с очень умной и энергичной дамой.

— Думаете, это ее рук дело? — спросил Джэпп с внезапным проблеском надежды. — Надо будет повнимательнее изучить ее алиби. Может, они поцапались из-за этого начинающего парламентария... В конце концов, Эссекс не так уж далеко отсюда. Не лишне выяснить, не отправилась ли она вчера вечером в постель пораньше, сославшись, например, на головную боль.

— Вы правы,— согласился Пуаро.

— Так или иначе,— продолжал Джэпп,— она что-то знает и скрывает это «что-то» от нас, вы не думаете?

Пуаро задумчиво кивнул головой.

— В этом нет сомнения.

— Этим всегда трудны подобные случаи,— посетовал инспектор. — Люди скрывают то, что им известно, иногда по самым благородным причинам, но это весьма осложняет нашу работу.

— Тем больше вам чести, если вы докопаетесь до истины,— утешил его Пуаро. — Кстати, как насчет отпечатков пальцев?

— Это убийство, конечно. Теперь в этом не может быть никаких сомнений; абсолютно никаких отпечатков на пистолете. Даже если она исхитрилась как-то завести руку за голову, она никак не могла выстрелить, не держась за оружие, и затем вытереть его.

— Да, да, кто-то, очевидно, «помог» ей.

— Удалось Джеймсону узнать что-нибудь?

— От этой поденщицы? Нет. Наболтала она много, но все не по существу. Подтвердила, что Аллен и Плендерлейт были в хороших отношениях. Я послал Джеймсона навести справки по соседству. Нам придется также побеседовать с мистером Лавертон-Уэстом. Выяснить, где он был и что делал вчера вечером. А пока нужно просмотреть ее бумаги.

Сказано — сделано. Работа не заняла много времени; бумаг в бюро было мало, да и те были аккуратно разложены и хранились в порядке.

Наконец Джэпп откинулся назад и разочарованно вздохнул.

— Улов небогатый? — поинтересовался Пуаро.

— Судите сами: оплаченные счета, несколько неоплаченных, приглашения, записки от друзей. Вот это,— он положил руку на стопку из семи-восьми писем,— чековая книжка и паспорт. Что-нибудь тут привлекает ваше внимание?

— Судя по чековой книжке, в банке у нее был перерасход.

— Еще что-нибудь?

Пуаро улыбнулся.

— Экзаменуете меня на сообразительность? Да, я заметил, что она сняла со своего счета двести фунтов стерлингов три месяца назад и двести фунтов вчера.

— И никаких пометок на корешках в чековой книжке. Никаких других снятых со счета сумм — за исключением небольших, максимум пятнадцать фунтов. Четыре фунта с мелочью в сумке и пара шиллингов в другой. По-моему, ясно.

— Вы хотите сказать, что она выплатила крупную сумму только вчера?

— Да. Вопрос, кому.

Дверь открылась, и появился инспектор Джеймсон.

— Ну, Джеймсон, узнали что-нибудь?

— Да, сэр, кое-что. Во-первых, никто не слышал выстрела. Если учесть шум от фейерверка, на это и рассчитывать не приходилось. Миссис Аллен вчера провела большую часть второй половины дня дома. Пришла примерно в пять вечера. Вновь выходила около шести, но недалеко — всего-навсего к почтовому ящику в конце квартала. Примерно в половине десятого подъехала машина, «стандард свеллоу», и из нее вышел мужчина. По описанию, лет примерно сорока пяти, с военной выправкой, хорошо сложен, темно-синее пальто, шляпа с полями, усы щеточкой. Джеймс Хогг, шофер, проживающий в доме № 18, говорит, что и раньше видел, как этот джентльмен приезжал к миссис Аллен.

— Сорок пять лет,— проворчал Джэпп. — Это не может быть Лавертон-Уэст.

— Этот мужчина, кто бы он ни был, оставался в доме почти час. Уехал примерно в десять двадцать. Остановился на пороге, беседуя с миссис Аллен. Мальчишка, Фредерик Хогг, болтался поблизости и слышал сказанное им.

— И что же он сказал?

— «Ладно, подумайте и дайте мне знать». Потом она сказала что-то, и он ответил: «Хорошо. Пока». После чего сел в свою машину и уехал.

— Это было в десять двадцать,— задумчиво отметил Пуаро.

— Значит, в десять двадцать миссис Аллен была еще жива,— подхватил Джэпп.

— Что дальше? — продолжил Пуаро.

— Насколько мне известно, это все, сэр. Шофер, проживающий в № 22, пришел домой в половине одиннадцатого и пообещал своим ребятишкам запустить для них пару петард. Они ждали его — и вся остальная ребятня в квартале тоже. Он занялся этим делом, и все стояли вокруг и наблюдали за домашним фейерверком. А потом все отправились спать.

Рисунок Вячеслава ЛОСЕВА

— Никого больше не видели входящим в дом № 14?
— Нет, но это ничего не значит. Просто в этой сумятице никого не заметили бы.
— Это верно,— согласился Джэпп. — Ну, что же, нам надо добраться до этого джентльмена с усами щеточкой. Судя по всему, он был последним, кто видел ее живой. Интересно, кто это был?
— Мисс Пленедерлейт могла бы сказать нам,— предположил Пуаро.
— Могла бы,— мрачно согласился Джэпп. — Но не известно, скажет ли. Несомненно, она вообще могла бы порассказать нам многое, если бы захотела. Пуаро, вы пробыли с ней сколько-то наедине. Неужели ничего не выудили?
— Увы, мы беседовали только о газовом отоплении.
— О газовом отоплении! — Джэпп явно был раздражен. — Что с вами, старина? Единственное, что заинтересовало вас в этом доме,— это гусиные перья и корзинки для мусора. Да, да, я видел, как вы потихоньку заглядывали в такую корзинку внизу. Но это же пустой номер! Если кто-нибудь захочет отделаться от письменной улики или что вы там имеете в виду, он вряд ли просто сунет это в мусорную корзинку.
— Вы абсолютно правы. Туда можно выбросить лишь что-то, не имеющее совершенно никакой цены.
Несмотря на кроткий тон Пуаро, Джэпп взглянул на него с подозрением.
— Ну, ладно,— сказал он. — Я знаю, каким будет мой следующий шаг. А что будете делать вы?
— Я,— ответил Пуаро,— продолжу поиски неважных мелочей. Осталось еще ведро для мусора.
Он выскользнул из комнаты. Джэпп с отвращением посмотрел ему вслед.
— Рехнулся,— проворчал он. — Совершенно рехнулся. И все же... хотелось бы мне знать... — Он приблизился к бюро и злобно уставился на изумрудно-зеленое гусиное перо.

5

Джэпп как раз пытался разговорить третью по счету шоферскую жену из живущих по соседству, когда Пуаро, двигаясь бесшумно, словно кот, возник рядом с ним.
— Уф, как вы меня напугали,— вздрогнул инспектор,— нашли что-нибудь?
— Не то, что я искал.
Джэпп вновь обернулся к миссис Хогг.
— Значит, вы видели этого джентльмена раньше?
— О, да, сэр. И мой муж тоже. Мы его сразу узнали.
— Послушайте, миссис Хогг, я вижу, вы женщина в высшей степени умная и проницательная. — Джэпп без зазрения совести повторял эту фразу уже в третий раз. Миссис Хогг напыжилась и постаралась выглядеть прямо-таки сверхъестественно умной и проницательной. — Ну, а теперь расскажите мне об этих двух леди — миссис Аллен и мисс Пленедерлейт. Об их характере, образе жизни и так далее. Например, часто у них бывали гости?
— О, нет, сэр. Они довольно часто сами бывали в гостях — особенно миссис Аллен,— но это птицы высокого полета, если вы понимаете, что я хочу сказать. Не то что некоторые, на другом конце квартала. Миссис Аллен и мисс Пленедерлейт очень милые и приличные леди, особенно миссис Аллен. Бывало, всегда скажет доброе слово детишкам. Говорят, у нее умерла маленькая дочка. Как я понимаю ее, бедняжку, ведь я сама похоронила троих...
— Да, да, весьма печально. А мисс Пленедерлейт?
— Тоже очень достойная леди, но не такая приветливая, понимаете? Кивнет, и все, никогда не остановится поговорить. Но лично я ничего против нее не имею.
— Она и миссис Аллен ладили друг с другом?
— О, да, сэр. Никогда никаких ссор, все тихо-мирно, миссис Пирс может подтвердить мои слова.
— Да, мы беседовали с ней. Знаете вы жениха миссис Аллен в лицо?
— Джентльмена, за которого она собиралась замуж? Как же, знаю. Важный такой. Говорят, член парламента.
— Это не он приходил вчера вечером?
— Нет, сэр, не он! — Миссис Хогг выпрямилась, ее внешне несколько напыщенный тон потеплел.— И если хотите знать, сэр, тут вас не туда повело. Миссис Аллен была не из таких. В доме действительно никого не было, но у меня и мысли нет о чем-то таком. Не далее, как сегодня утром, я сказала Хоггу: «Нет, Хогг, миссис Аллен была настоящая леди, так что не выдумывай гадостей». Знаете, сэр, ведь у мужчин всегда только мерзости на уме...
Презрев это оскорбление, Джэпп продолжал:
— Вы ведь видели, как этот человек приехал и уехал, так?
— Так оно и было, сэр.
— А больше вы ничего не слышали? Шума, ссоры, например?
— Нет, да при таком светопреставлении, когда рядом взрываются эти чертовы петарды,— кстати, мой Эдди сжег себе брови почти начисто,— никакого шума не услышишь.
— Этот мужчина уехал в десять двадцать, не так ли?
— Может быть, сэр. Точно не знаю. Но Хогг говорит так, а он солидный, надежный человек.
— Вы видели, как посетитель уходил. Слышали вы, что именно он при этом говорил?
— Нет, сэр. Я была довольно далеко. Только видела из моего окна, как он стоял на пороге и разговаривал с миссис Аллен.
— Ее вы тоже видели?
— Да, сэр. Она стояла прямо в двери.
— Заметили, в чем она была?
— Точно не скажу, сэр, не обратила внимания.
Пуаро вмешался в разговор:
— Вы даже не запомнили, какое на ней было платье — обычное или вечернее?
— Право, не скажу, сэр.
Пуаро взглянул на окно наверху, а затем на расположенный напротив дом № 14. Он улыбнулся, и на мгновение его взгляд встретился с взглядом Джэппа.
— А как был одет джентльмен?
— Он был в темно-синем пальто и шляпе. Весьма представительный мужчина.
Джэпп задал еще несколько вопросов и перешел к следующему интервью: с юным Фредериком Хоггом, пареньком с плутоватыми, смышлеными глазами, преисполненным чувства собственной значительности.
— Да, сэр, я слышал, как они разговаривали. «Подумайте и дайте мне знать», сказал этот мистер. Так, знаете, вежливо. Потом она что-то сказала, и он ответил: «Ладно. Пока». И он сел в машину — я держал дверцу открытой,— но он ничего не дал мне.— поведал молодой Хогг с ноткой уныния в голосе.— А потом он уехал,— завершил парнишка.
— Ты слышал, что сказала миссис Аллен? — спросил Джэпп.
— Вроде бы нет, сэр.
— Может, помнишь, во что она была одета? В какого цвета платье, например?
— Не помню, сэр. Вообще-то я ведь и не видел ее. Она, должно быть, стояла прямо за дверью.
— Значит, так,— сказал Джэпп.— Теперь, малый, я задам тебе еще один вопрос, и подумай хорошенько, прежде чем отвечать. Если не можешь ответить, так и скажи. Понял?
— Да, сэр.
Юный Хогг смотрел на инспектора, полный готовности услужить.
— Кто из них закрыл дверь: миссис Аллен или джентльмен?
— Входную дверь?
— Входную, разумеется.
Мальчик задумался. Он даже прищурил глаза в попытке вспомнить.
— Кажется, леди... Нет, не она... Он, точно он. Хлопнул дверью и прыгнул в машину. Видно, спешил куда-то.
— Наверное. Я вижу, ты парень не промах. Вот тебе шестипенсовик.
Отпустив молодого Хогга, Джэпп повернулся к своему другу. Они обменялись молчаливыми кивками, словно одновременно придя к одной и той же мысли.
— Может быть! — сказал Джэпп.
— Не исключено,— согласился Пуаро.
Его глаза светились зеленым кошачьим блеском.

6

Вернувшись в гостиную дома № 14, Джэпп сразу взял быка за рога.
— Не думаете ли вы, мисс Пленедерлейт, что лучше сразу рассказать все? Ведь все равно этим кончится.
Джейн Пленедерлейт вопросительно подняла брови.
— Что, собственно говоря, вы имеете в виду?
— А вы не догадываетесь?
Она пожала плечами.
— Я ответила на все ваши вопросы. Не знаю, что я еще могу сделать.
— По-моему, вы могли бы сделать гораздо больше, если бы захотели.
— Но ведь это только по-вашему, инспектор, не так ли?
Джэпп побагровел.
— Думаю,— сказал Пуаро,— что мадемуазель лучше поймет обоснованность ваших вопросов, если вы сообщите ей, как обстоят дела.
— Это очень просто. Факты, мисс Пленедерлейт, таковы: ваша подруга была найдена застреленной из пистолета в комнате с запертыми дверью и окном. Все наводило на мысль о самоубийстве. Но самоубийства не было. Медицинская экспертиза подтверждает это.
— Как?
Вся ее ледяная холодность исчезла. Она наклонилась вперед, пожирая инспектора взглядом.
— Пистолет был в ее руке, но пальцы не обхватывали его. Кроме того, на оружии не было никаких отпечатков пальцев. Рана расположена под углом, исключающим самоубийство. Кроме того, ваша подруга не оставила предсмертного письма, что необычно для самоубийц. К тому же, хотя дверь и была заперта на ключ, сам ключ найти не удалось.
— Значит, вот в чем дело! — воскликнула мисс Пленедерлейт.— Все время я чувствовала, что она просто не могла убить себя! Я была права. Кто-то убил ее!
Минуты две она молчала, погрузившись в свои мысли. Потом рывком подняла голову.
— Задавайте мне любые вопросы,— сказала она.— Я отвечу на них так полно, как только смогу.
Джэпп начал:
— Вчера вечером у миссис Аллен был посетитель. По описанию, это мужчина лет сорока пяти, с военной выправкой и усами щеточкой, хорошо одетый и водящий машину марки «стандард сваллоу». Вы знаете, кто это?
— Я не могу утверждать с полной уверенностью, но, похоже, это майор Юстас.
— Кто такой этот майор Юстас? Расскажите мне о нем все, что можете.
— Барбара знала его в Индии. Он объявился здесь примерно год назад и время от времени заходил к нам.
— Он был другом миссис Аллен?
— Он держался как ее друг,— сухо ответила Джейн.
— А как она сама относилась к нему?
— Не думаю, чтобы он ей особенно нравился, я даже уверена, что дело обстояло как раз наоборот.
— Но внешне она относилась к нему по-дружески?
— Да.
— Не складывалось ли впечатления — припомните хорошенько, мисс Пленедерлейт,— что она боится его?
Та ответила после минутного раздумья:
— Пожалуй, да. Она всегда нервничала, когда он бывал здесь.
— Встречался ли он с мистером Лавертон-Уэстом?
— По-моему, только один раз. Они не понравились друг другу. Майор Юстас, правда, лез из кожи вон, чтобы расположить к себе Чарльза, но не тут-то было. Чарльз за версту чуял сомнительных личностей.
— А майор Юстас был сомнительной личностью? — спросил Пуаро.
— И даже очень сомнительной.
— Можно ли предположить, мисс Пленедерлейт, что этот человек шантажировал миссис Аллен?
Джэпп придвинулся поближе, чтобы лучше видеть реакцию на эти свои слова.
Он мог быть удовлетворен. Молодая женщина встрепенулась, щеки ее окрасились румянцем, рука, сжатая в кулак, ударила по ручке кресла.
— Вот оно что! Ну, конечно: какая дура я была, что не догадалась раньше!
— Вы думаете, такое можно предположить? — спросил Пуаро.
— С моей стороны было глупо не подумать об этом. В последние полгода Барбара несколько раз занимала у меня небольшие суммы. И я видела, как она с расстроенным видом изучала свою банковскую расчетную книжку. Я не беспокоилась, так как знала, что ее дохода ей вполне хватает, но, разумеется, если она платила кому-то, да еще помногу...
— Ее поведение вообще изменилось в это время, не так ли? — вновь вмешался Пуаро.
— Да, она страшно нервничала, стала сама на себя не похожа.
— Простите, но раньше вы говорили нам не совсем это.
Джейн отмахнулась.
— Это совсем другое дело. Она не была в подавленном настроении и вовсе не помышляла о самоубийстве. Но шантаж... Ах, если бы она рассказала все мне! Я послала бы этого типа к черту.
— Но он мог бы отправиться не к черту, а к мистеру Чарльзу Лавертон-Уэсту? — заметил Пуаро.
— Да...— протянула Джейн Пленедерлейт.— Это так.
— Вы не догадываетесь о причинах власти этого человека над нею? — спросил, в свою очередь, Джэпп.
— Понятия не имею. Но, зная Барбару, я не могу поверить, чтобы это было что-нибудь по-настоящему серьезное. С другой стороны... — она запнулась.— Барбара в некоторых отношениях была, скажем так, простовата. Ее было легко запугать. Прямо-таки идеальная жертва для шантажа. Гнусный подонок!

Перевела с английского Ирина Бужинская.

Окончание следует.

БЕЛЫЕ ФЛАГИ

Окончание. Начало см. на стр. 8.

стало не по себе. Нет, точнее — мне стало страшно».

Можно догадаться, что внешний вид караульных произвел на подсудимых впечатление противоположное. Я не могу и не хочу домысливать, с какой фразы, с какого жеста или поступка завязались между ними отношения столь доверительные, что оставалось едва не брататься,— спросить не у кого. Преступники, как мы уже знаем, в бегах, охранники — под следствием. Поэтому изложу только ставшие мне известными факты, не претендуя на их правовую оценку,— оставим это прокуратуре и военному трибуналу. Но перед этим попрошу читателя не повторять моей ошибки и не прерывать рассказ возгласами типа: «Не может быть!», «Как посмели?».

Было. Посмели.

6 июля, когда судебный процесс уже подвигался к финалу и помощник прокурора Москвы Г. А. Крылова набрасывала черновики обвинительной речи, заключенный Георгиев при посадке в автозак протянул сержанту Намятову полусотенную купюру и попросил сгонять за вином на дорожку. Машина остановилась в почтительном отдалении от вьющейся у магазина на улице Новослободской очереди, сержант Намятов подошел к ней со своим солидным служебным портфелем и тут же убедился, насколько согражданам симпатичен воин, находящийся при оружии и при исполнении,— восемь бутылок сухого он взял немедля. Разделили так — шесть штук гражданам подследственным, две — конвою. Освежались здесь же, в кузове спецавтомобиля, компанейски, из горла. Водитель Акчинов, как воин дисциплинированный, за рулем не пил и свою бутылку взял на потом, в казарму. Перед тюремными воротами расстались дружески — арестант Павлюченков пообещал укрощенному сержанту кожаное пальто со своего плеча.

Через неделю, 11 июля, на привычном маршруте «воронок» покорно останавливается по взмаху руки жены узника Денисова. Намятов выходит из кабины, открывает двери кабины и камеры — супруги встретились наедине. Представьте себе, я знаю, о чем они говорили! И вы, читатель, тоже сейчас догадаетесь. Потому что, как и я, вспомните — побег состоялся на следующий день, 12 июля.

О том, как все это происходило, лучше говорить не мне — боюсь, что меня потянет на беллетризм, художественность, и я невольно буду украшать рассказ оборотами типа «Он сказал», «Они подумали» и тем самым превращу случившееся в залихватскую детективную историю; она, право, стоит того, но не сейчас, не время. Я возьму в соавторы ответственного сотрудника штаба Внутренних войск МВД СССР полковника В. В. Сабусова — он проводил служебное расследование по факту побега, составленное им заключение по собранным материалам я сейчас и процитирую, оно суховато, но зато бесстрастно и точно. Послушаем полковника.

«12 июля в 12 часов 10 минут после окончания судебного заседания подсудимые двумя группами (3 и 4 человека) были отконвоированы из зала суда в спецавтомобиль. Начальник судебного караула лейтенант Пильников Г. В. рассадил их по камерам, двери закрыл на замки внутренние и навесные, ключи от которых часовой в кузове автомобиля ефрейтор Данилов передал сержанту Намятову. Учитывая, что подсудимый Ким склонен к побегу и нападению, он от зала суда до СИЗО этапировался в наручниках. Лейтенант Пильников отправил подсудимых, однако отметку о времени убытия в служебных документах не сделал, дежурному диспетчеру об отправке спецавтомобиля не доложил. В ходе следования подсудимые стали требовать у Данилова вызова старшего, который передал это требование Намятову. Последний остановил машину, зашел в кузов, узнал, что конвоируемые просят приобрести спиртное. Взял у Павлюченкова 75 рублей, следуя по маршруту, спрашивал у граждан местонахождение ближайшего магазина. Найдя его, Намятов вышел из машины, передал неустановленному гражданину 25 рублей. Тот приобрел на них 7 бутылок вина. Оставшиеся 50 рублей Намятов присвоил. Положив вино в служебный портфель, Намятов передал его стоявшему у машины ефрейтору Данилову. Заехав в один из дворов по улице 1-я Миусская, Намятов зашел в кузов автомобиля, удалил из него рядового Уразбекова, открыл бутылку вина и совместно с Даниловым выпил его. Затем, поочередно открывая камеры №№ 1, 2, 4, 7, передал бутылки подсудимым Павлюченкову, Денисову, Георгиеву и Донцу, при этом камеру Павлюченкова оставил открытой. После употребления вина подсудимые стали просить Намятова открыть двери других камер, и он поочередно открыл камеры №№ 3, 4, в которых находились Ким и Георгиев. Воспользовавшись полной потерей бдительности караулом, Георгиев напал на Намятова, Ким на Данилова, отобрали у них ключи от камер, пистолеты и 24 патрона. Завладеть оружием рядового Рахматилаева подсудимые не смогли. Стоявший на посту № 2 у машины рядовой Уразбеков, услышав шум, достал пистолет, подбежал к двери, где столкнулся с подсудимым Кимом, который нанес ему несколько ударов по лицу, голове и рукам, после чего преступнику удалось отобрать у него оружие и 8 патронов. Ключами преступники открыли оставшиеся 4 камеры и совершили побег. В ходе борьбы все военнослужащие получили побои, рядовой Уразбеков госпитализирован».

Все та же просьба к читателю — повременить с недоумением, гневом, даже неверием в услышанное, разговор не закончен, моя очередь продолжать. Впрочем, на один вопрос я должен ответить сразу, он наверняка возник у тех, кто не только читал внимательно, но и столь же прилежно считал. Итак, почему я со слов и телевидения, и милицейского еженедельника вел речь о шести беглецах, а полковник Сабусов в своем официальном документе о семи? Представьте, все источники правы. В спецавтомобиле ехали действительно семеро подсудимых, семеро из него и выскочили. Седьмым был Козловский, фамилия которого в розыске не упомянута по той простой причине, что с 1-й Миусской он в одиночку прямиком направился туда, куда его не довез караул при оружии,— в Бутырский СИЗО. То, как провинциал Козловский бродил по Новослободской улице, как приставал к прохожим с просьбой назвать адрес родной Бутырки, как стучался в ее кованые ворота, а его прогоняли, как, наконец, впустили и потом долго не верили в правдоподобность путаного его рассказа — все это едва ли не юмореска для Хазанова или Жванецкого. Но всем нам будет не до смеха, когда узнаем, что случилось с Козловским после возвращения в тюремные стены и что, не приведи Бог, может случиться потом. Чуть позже расскажу, а пока вернемся к опустевшему спецавтомобилю и битому его караулу. Мы помним, что в 12 часов 10 минут он отъехал от здания суда на Каланчевской улице и — растворился. Ни к СИЗО не подъехал, ни в часть не вернулся. Молчала и установленная в его кабине рация. Кто-нибудь спохватился? Никто — одна, что ли, такая машина колесит по Москве?

Три с половиной часа спустя, в 15 часов 40 минут, дежурный по контрольно-диспетчерскому пункту старший лейтенант Засядько услышал в телефонной трубке голос ефрейтора Данилова:

— У нас побег. Стоим на Бутырском валу.

И отключился — то ли боль от побоев его терзала, то ли похмелье, то ли страх.

Три недели спустя слушаю рассказ заместителя командира части подполковника А. К. Новикова:

— Я уже выезжал по другим делам, как вдруг этот звонок. Пока собирали группу розыска, помчался сам. Машину нашел быстро, около нее стояли все пятеро часовых. На лицах, кителях, руках — кровь. Запомнилось — у каждого то ли белые солдатские платки, то ли тряпки. Я тогда еще ничего не знал — ни кого именно они конвоировали, ни сколько ушло в побег. Семеро? Опасные? С оружием?! Хорошо, у меня тогда с собой валидол был.

Я потом долго не мог отделаться от невыдуманного этого образа: словно белые флаги, трепещут в руках у солдат, словно капитулировали они не только перед семерыми этими мордоворотами, но и перед всей уголовщиной разом. Впрочем, почему я здесь-то стесняюсь? Почему говорю это деликатное «слов-

Эти снимки сделаны за восемнадцать дней до побега у здания Мосгорсуда и во время процесса. Конвой пока при оружии, преступники — под стражей.

но»? И разве только сержант Намятов со своими подчиненными после этого побега до сих пор стоят с поднятыми вверх руками покоренных?

Вспоминаю мою первую встречу с Г. А. Панюковой, председательствовавшей в судебном заседании по делу этой «великолепной семерки». У Галины Андреевны времени сейчас много — какой уж тут суд без подсудимых? Но вот разговаривать со мной она не хочет, причину объясняет не сразу — не по себе ей, неловко.

— Как они вели себя на заседаниях? — спрашиваю.

— Не будем об этом, хорошо? — просит Галина Андреевна.

— Были случаи неуважения к суду?

— Вы правда не понимаете? — грустнеет она.— Я вам скажу, допустим, что такие случаи были, а вы спросите, кто именно из подсудимых их допускал? Я назову, вы напечатаете, а они меня...

И тут Галина не выдержала, сорвалась маленько, раскраснелась и стала быстро говорить мне о том, что все полтора месяца процесса знала, предчувствовала — с хилым таким конвоем, при странных солдатах, с усмешечками подсудимых — беды не миновать, твердила об этом лейтенанту, а он и ухом не повел, а теперь вот доулыбались, достукались, который уже день вся милиция, все войсковики подняты на ноги — что, взяли? А она просто женщина, у нее ребенок, она не владеет разными там кун-фу, ей не положен пистолет Макарова, она просто не открывает никому дома и ходит по улице с оглядкой.

— Тома уголовного дела в здании суда сохранить не могут,— усмехнулась она.— Взгляните — у меня и сейф, и стол пустые, все до последней бумажки увезли. Не надо мне было с вами встречаться, наверняка узнают.

Граждане убийцы, грабители, насильники, поименованные выше, поверьте, член Московского городского суда Г. А. Панюкова не сказала ни об одном из вас ни одного дурного слова, не пожаловалась даже, как вы над ней измывались все полтора месяца процесса, каково было ей и государственному обвинителю Галине Анатольевне Крыловой, двум женщинам, слушать от вас, семерых бугаев, все те угрозы, которые вы каждодневно им сулили.

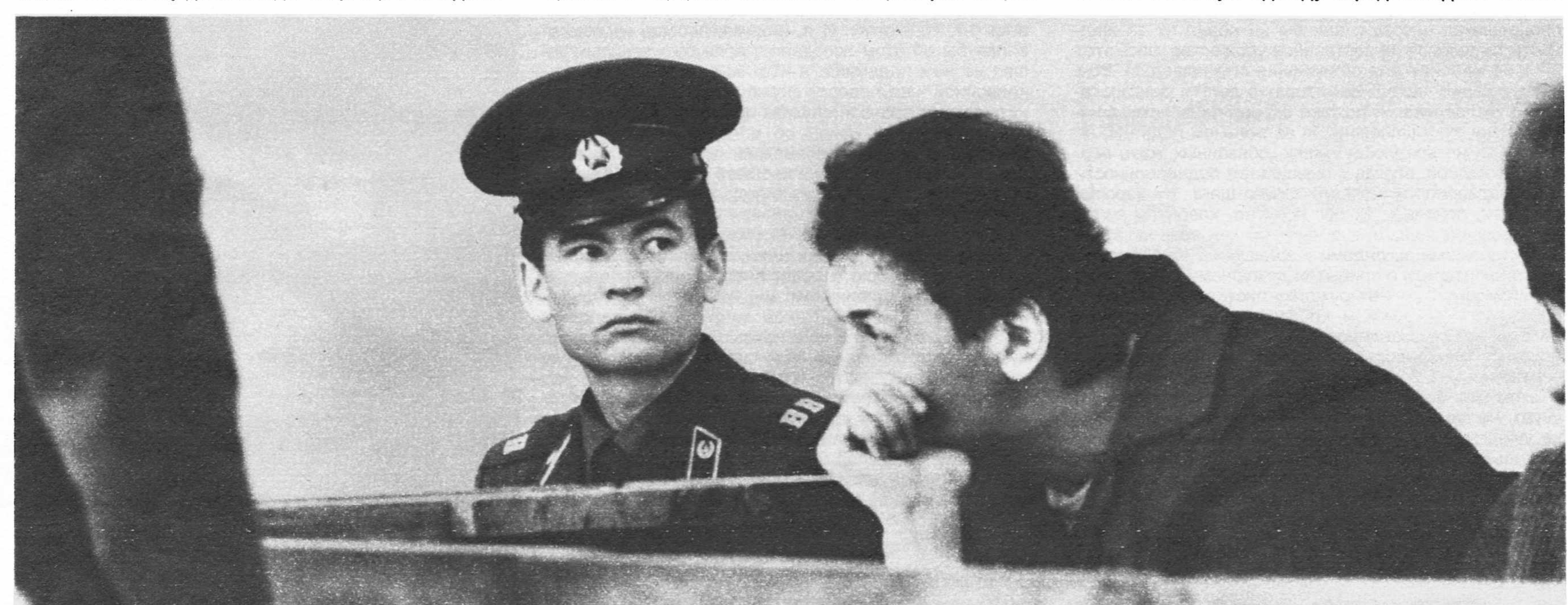
— Крылову вы тоже не найдете,— сказала Галина Андреевна, прощаясь,— ее увезли, спрятали. Как и все наши бумажки. А свидетели, потерпевшие — те уж сами разбежались.

Уже видите, как полощется над Мосгорсудом белый флаг?

А над следственным изолятором № 2, над Бутыркой? Почему не идете к флагштоку вы, товарищи дежурные помощники начальника и их заместители, оперуполномоченные и контролеры? Придется помочь вам вопросами, которые, впрочем, вы и сами должны были себе задать. Ну, например, каким это образом 6 и 11 июля вы как ни в чем не бывало приняли, обыскали и рассадили по камерам семерых ваших подопечных пьяненькими? Не заметили, как теперь утверждают? А теперь я попрошу вас всмотреться в портреты бежавших, которые уже не раз мелькали в газетах,— узнаете кого-нибудь? Правильно, с трудом. А Павлюченков, Георгиев, Смердов вообще на себя не похожи по той простой причине, что в начале июля их вдруг взяли, да и постригли. Все трое лишились пышных своих шевелюр, а Смердов и Георгиев остались без бород и усов. Ужели надо напоминать, что заключенные под стражу вплоть до оглашения приговора должны сохранять ту свою внешность, которую запечатлел тюремный фотограф в день водворения за решетку? Полагаю, что все трое теперь вам благодарны искренне и от души — милицейские подразделения страны получили фотографии, которые ничего общего с оригиналом не имеют, ищи не ищи.

А как работники СИЗО объяснят тот курьез, что 12 июня подследственный Смердов появился в зале суда без штанов? Кто это так откровенно помог ему ко многим способам срывать судебное заседание добавить еще один?

Начальник отдела следственных изоляторов и тюрем МВД СССР В. А. Викулов в голоштанного заключенного не поверил: «Это у судейских галлюцинации». Специально для Виктора Александровича отыскал примечательный документ, присланный в Мосгорсуд: **«12 июня с. г. заключенный Смердов вышел из камеры в чужих вещах. В связи с этим чужие вещи у заключенного были изъяты, и ему был выдан комплект казенной одежды, о чем было известно начальнику конвоя. Но заключенный Смердов, видимо, демонстративно снял с себя казенную одежду перед посадкой в авто-**

зак. Заместитель дежурного помощника начальника СИЗО (подпись неразборчива)».

Вот так: хотят стричься — стригутся, хотят спокойно улечься на нары под винными парами — укладываются, хотят приехать в суд без штанов — приезжают без штанов.

И последний вопрос к руководителям Бутырки: не задело их профессиональную гордость то, что им не доверили держать в прочных своих казематах того самого Козловского, который один не ударился в бега, а явился с повинной? Как объяснил мне заместитель начальника ГУВД Москвы генерал Л. П. Бельянский, воровские законы суровы, отступнику может быть худо, причем даже очень, и поэтому решено из ненадежной Бутырки его забрать и спрятать понадежнее. Что правда, то правда — суров воровской закон, хочешь не хочешь, а исполняй.

ЧП, о котором мы ведем речь, настолько невероятно, немыслимо, дико, что тут как тут появляется знакомый соблазн: может быть, оно единично? Уникально? И вообще нехарактерно на фоне общей отрадной картины с охраной и конвоированием подследственных и осужденных?

— Нет,— решительно отрезал начальник Политического управления Внутренних войск МВД СССР генерал-майор А. И. Гриенко.— В этом побеге вся наша беспомощность, все наше разгильдяйство и безответственность.

Прежде чем генерал продолжит, признаюсь: не вполне рассчитывая на откровенность моего высокого собеседника, я освежил в памяти факты, характеризующие службу конвойных частей ВВ отнюдь не лучшим образом. Так вот, Александр Иванович не только подтвердил то, что мне уже было известно, но и значительно пополнил мое досье. Не думаю, что мой рассказ станет интереснее и доказательнее, если я пополню его перечнем всех бед, случившихся в этих войсках: побеги заключенных, гибель военнослужащих, самовольный уход караула с оружием. Важнее другое: горькая убежденность в том, что конвойная служба, которой мы доверяем охрану преступников, а следовательно, и нашу безопасность, ни того, ни другого в полной мере обеспечить сегодня не может. Я более чем уверен: общество обделяет этот род войск своим вниманием прежде всего потому, что не вполне отдает себе отчет в том, насколько личное благополучие каждого из сограждан зависит от добросовестности, порядочности и профессионализма солдата, чьи погоны украшены буквами ВВ. И, напротив, если эти погоны носят такие оборотни, как сержант Намятов и его подчиненные, беспокойство наше не утихнет все то время, пока на свободе будут разгуливать шестеро упущенных ими уголовников.

В конвойных частях Внутренних войск проходят срочную службу те, кого туда определили военкоматы после того, как укомплектовали флот, авиацию, десантные и ракетные части. Знакомый нам остаточный принцип. И здоровьем ребята не богатыри, и воспитание в отрочестве не ахти. Но кто бы ни надел краповые погоны ВВ — получай автомат или пистолет и ступай охранять преступников. Два года взаимного общения и взаимного же влияния друг на друга.

Теперь, когда мы хоть немного знаем, с кем предстоит знакомиться, пройдем через КПП той части, которая теперь печально знаменита в войсках недавним ЧП.

Часть как часть: прочный забор с часовыми, бюсты Маркса и Ленина унылого больничного цвета, строй солдат в столовую, строй в оружейную комнату, строй в магазин, строй в казарму, руки по швам, подбородок кверху, поворот головы направо — приветствуем начштаба, комбата, ротного, взводного, равняемся на Знамя — скованные одной цепью. И, думается, какие бы гневные слова я ни обрушивал на продавшихся часовых, как бы ни корил их за жадность, скудоумие, нравственное убожество, весь этот негатив маловат для объяснения случившегося. Все, что натворил караул Намятова за долгие дни братания с уголовниками, похоже скорее на действия нечистых на руку шабашников на вольном подряде, но уж никак не военнослужащих, обязанных жить всегда с оглядкой, всегда с ощущением подневольности и поднадзорности каждого своего шага. Ну хорошо, положим, поначалу их бес попутал, хлебнули винца на воровские деньги, а в часть-то как возвращаться с обалдевшими взглядами и запашком? Как Намятову отрапортовать о прибытии дежурному диспетчеру, как каждому сдать в оружейку пистолет и запасную обойму с патронами и кобурой, как пройти мимо дневального, командиров роты и взвода, как не напороться на высоких офицеров из Центрального управления ВВ МВД СССР, расположившегося в этом же военном городке,— неужели никто не учует, не заметит, не поставит по стойке «смирно!», не учинит разноса? Не один ведь раз возвращались не только в подпитии, но и привозили с собой бутылки — куда, в казарму, в столовую?

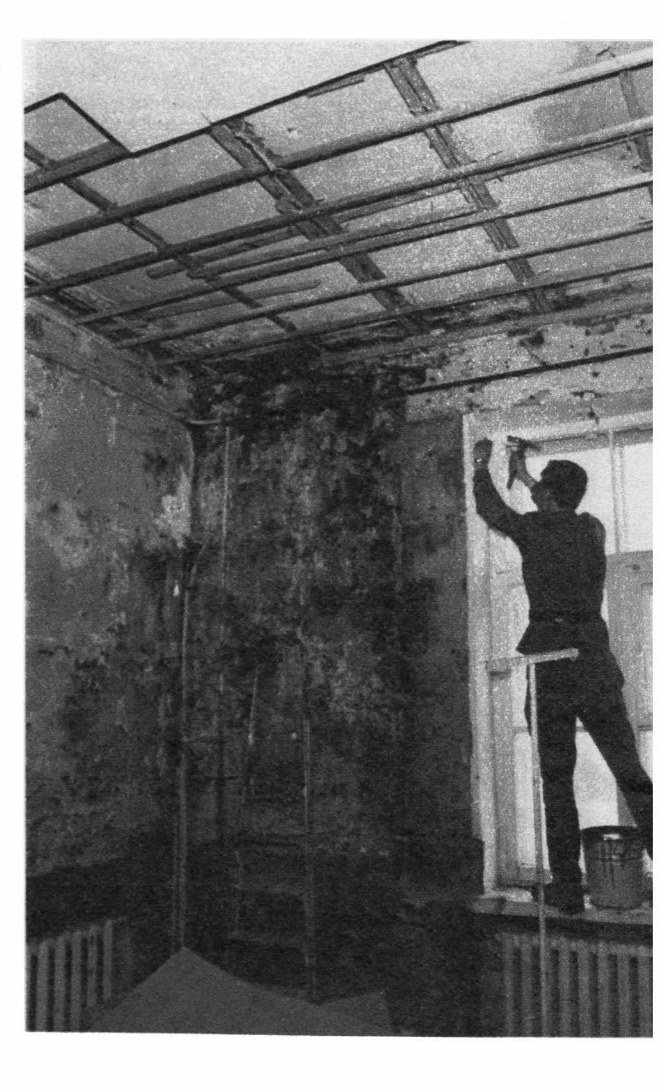
Выше, если помните, я такие же упреки адресовал руководителям Бутырки — ужели в войсковой части порядка должно быть меньше? На правах вашего недавнего коллеги, товарищи офицеры, уже не доклада — объяснений прошу. С помощью уже знакомого нам заместителя командира части подполковника Новикова созываю собеседников к нему в кабинет.

— Командир батальона?
— В госпитале.
— Замполит?
— В отпуске.
— Начальник штаба?
— На учебных сборах.
— Командир роты?
— Отпуск!
— Командир взвода?
— Ищем — вакансия.

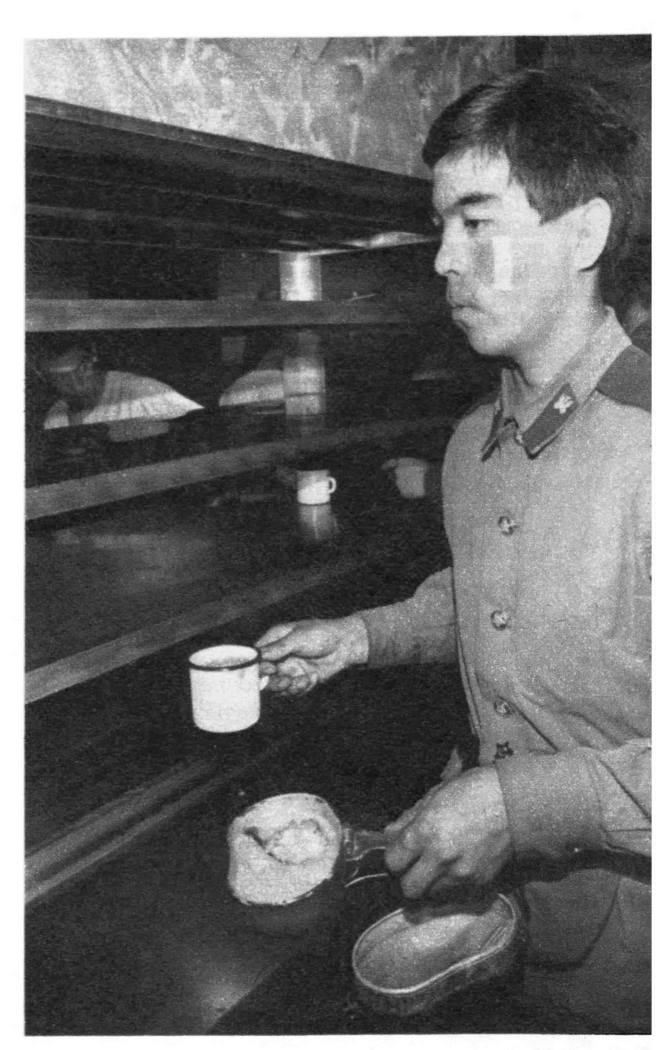
Я уточнил: никого из этих командиров не было в части и в день побега, и гораздо раньше. От кого было Намятову ждать приказов и указаний, кого страшиться? Да и сам этот сержант — кто, когда назначал его на должность помощника начальника караула, если приказа по части на этот счет не существует вовсе? Попробуйте-ка теперь предъявить ему претензии как должностному лицу, да еще на заседании трибунала! А когда станут выяснять, как это удалось командиру-неформалу сколотить свой караул столь послушными часовыми, пусть не терзают зря ни комбата, ни ротного — эти обязанности здесь возложили на писаря роты. Кого попросят — того и запишет. Был, к примеру, в этом же карауле поначалу рядовой Ларионов — век бы Намятову не видать такого часового, такого паиньку. У барьера судейской скамьи с подсудимых глаз не сводит, на их улыбки ноль внимания, а дельный разговор начнется, едва не в крик: «Прекратить!» Намятову такое прилежание обрыдло, он попросил писаря рядового Ларионова из списков вычеркнуть, а рядового Рахматилаева вписать — тот хотя бы по-русски только команды понимает.

Историю с Ларионовым я припас для тех читателей, которые после моего рассказа уже изготовились к обобщениям: «Все они там такие!». Разумеется, не все, и я мог бы назвать еще немало его однополчан, которые верны и присяге, и собственным понятиям о человеческой честности. Но, коли мы говорим о воинском коллективе, будем помнить, что он крепок не только личной порядочностью солдата. В самом деле, что изменилось после негромкого бунта Ларионова? Ничего. Потому что во всякой армии течение будней подчинено только приказу, только указующему слову офицера. А к кому мог обратиться Ларионов? К комбату майору Лукашеву, пока тот не слег в госпиталь? Сомневаюсь — всем было известно, что майор не только горласт, хмур и недоступен, но и не далее как в июне схлопотал взыскание «за физическое оскорбление подчиненных». Пойдешь к такому открывать душу? Станешь со своего солдатского шестка обличать безобразия в несении службы, если, а это знает каждый, за весь нынешний год командование не проверило ни один судебный караул? Уверен, не только солдаты, но и офицеры в этой части будут помалкивать. Дважды — в апреле и в июне — здесь работали комиссии Центрального управления ВВ. Чего добились возглавлявшие ее генералы и полковники? Ничего. Как не хватало в части офицеров и прапорщиков, так и не хватает. Как ездили караулы по маршрутам сами по себе, так и ездят. И пьют здесь так же, и в самоволки так же бегают, и с уголовниками все так же вступают в отношения отнюдь не служебные.

Громкое это ЧП обсуждали на военном совете Внутренних войск. Как можно было предположить заранее, наказания раздали щедро и строго, командир части и его замполит сняты с должностей. В решении все те же знакомые фразы — «усилить», «повысить», «обязать». И я, видимо, вообще не обмолвился бы об этом заседании, если бы не вспыхнувшая на нем полемика: а что, если в известной нам конвойной части ввести службу по контракту? Заменить солдат срочной службы профессионалами? Как известно, новый Закон об обязанностях и правах Внутренних войск эту возможность предусматривает. За чем же остановка? Не побывай я до этого в части, не всмотрись пристальнее в подробности солдатской жизни и быта, так и продолжал бы отстаивать давнюю свою идею, о которой уже писал в «Огоньке» в начале года: да, нужен найм, нужны профессионалы. Теперь говорю и себе, и всем многочисленным моим единомышленникам: мы наивны и несведущи. Мы подумали о том, какое жилье мы предложим откликнувшемуся на наш призыв молодому человеку? И какие слова он нам скажет в ответ, когда увидит казарму, построенную в 1932 году и с тех пор капитально не отремонтированную? Казарму, в которой ходуном ходят полы, протекают и валятся стены и потолки, где сутками придется дышать сыростью и гнилью? Где холод зимой и жаркая духота летом? Куда придется возвращаться после часов стояния у барьера скамьи подсудимых, после их матюгов, их

В конвойной части Оршанско-Хинганского Краснознаменного Центрального управления Внутренних войск МВД СССР. Скуден котелок солдата, убога его казарма.

рассказов об убийствах, изнасилованиях, пытках, после напряженных ожиданий постоянной опасности, после тряски в полутемном спецавтомобиле? И за все это — триста деревянных рублей?

Мы, мнящие себя новаторами, забыли разве, в какой бедняцкой стране собираемся испробовать свои реформистские идеи по переустройству армии? Не догадались, что, согласившись на такой эксперимент во Внутренних войсках и обещая распространить его на воздушно-десантные части, наши полководцы были уже заранее уверены в его провале и нашем посрамлении? Они-то уж досконально знали, какие казармы будут ждать поверивших нашим посулам добровольцев, какая зарплата им светит. Уж на что благоустроена, вылизана парадная наша дивизия имени Дзержинского, уж как прославлен и в фильмах, и даже в нашем журнале знаменитый ее спецназ, а ведь и туда не наберут пока людей даже для одной только роты! Нужно туда 90 парней, а в наличии — 43.

Поэтому не будем пока спешить с новациями — будем думать о том, как помочь тем, кто уже служит и будет еще служить в знакомой нам конвойной части ВВ. Я не так наивен, чтобы раздавать советы по приведению в приличествующий вид боевой службы личного состава,— доверимся в этом командованию войск, тем более что урок ему преподнесен достаточно горький. Боюсь, однако, что этого мало, а перед другими вопросами спасуют и командующий, и министр. Вот только один — о нем постараюсь говорить громче. Никогда не думал, что солдатский котелок окажется столь скудным — видимо, потому, что случалось до этого кормиться в таких же частях далеко от Москвы, где были и свои огороды, и даже свои свинарники. Здесь же на ужин повар плеснул мне полчерпака какой-то рыжей бурды и плюхнул в нее крохотный кусочек костлявой рыбы. Как-никак, я был гость, да еще с диктофоном в руках, дежурный офицер обеспокоился моим потрясением, пригласил дежурного врача, та добросовестно лизнула поданную ей кашицу, куснула рыбу, проверила накладные, раскладку и заявила, что — цитирую: «Пища приготовлена согласно положенности». А я смотрел, как выскребали свои котелки вернувшиеся после отсидки в спецмашинах и спецвагонах солдаты, и раздумывал, что реальнее: попросить Верховный Совет увеличить военный бюджет или сократить в нем расходы на маршальские дачи, персональные самолеты, вертолеты, автомобили и вообще количество сияющих эполет? Может, наскребем тогда деньжат, чтобы кормить наших мальчишек не согласно немыслимой этой «положенности», а хотя бы согласно здравому смыслу? А денежное содержание в размере семи рублей с полтиной в месяц — эта сумма на кого, на что рассчитана?

Начав эти подсчеты, не могу уже остановиться. Вот еще один: прикинул кто-нибудь, в какую кругленькую сумму обошлась розыску поимка семи преступников в тот первый раз, перед процессом? Сколько потрачено зарплаты, командировочных, сколько сожжено керосина самолетами, бензина — автомобилями, чтобы, помотавшись по множеству городов страны, арестовать наконец всю эту свору аж в Волгоградской области? А труд следователей, экспертов, прокуроров, судей, адвокатов — он в какую цену обошелся? А сыск по новому кругу, уже сейчас, после побега?

В самом деле, что принято у нас считать конечным результатом в борьбе с преступностью? Поимку преступников. Вспомните, чем, как правило, заканчиваются репортажи об удачных милицейских операциях или сообщения на брифингах в МВД? Одним и тем же: арестованы! Как ошибется тот, кто уже на этом этапе вознамерится праздновать победу! Опытный же уголовник в той же ситуации никогда не скажет, что его песенка спета. Уж он-то знает, что после санкции прокурора на арест предстоит сидеть в следственном изоляторе, который отнюдь не всегда изолирует его от оставшихся на воле соратников. Он знает и то, что в суд и из суда его будут возить несмышленые, не шибко сытые и вчистую обделенные жалованьем солдаты — с ними ли не рискнуть, не попытать удачи? Думается, я не слишком уж фантазирую: для семерых наших знакомцев эта удача выпала сполна.

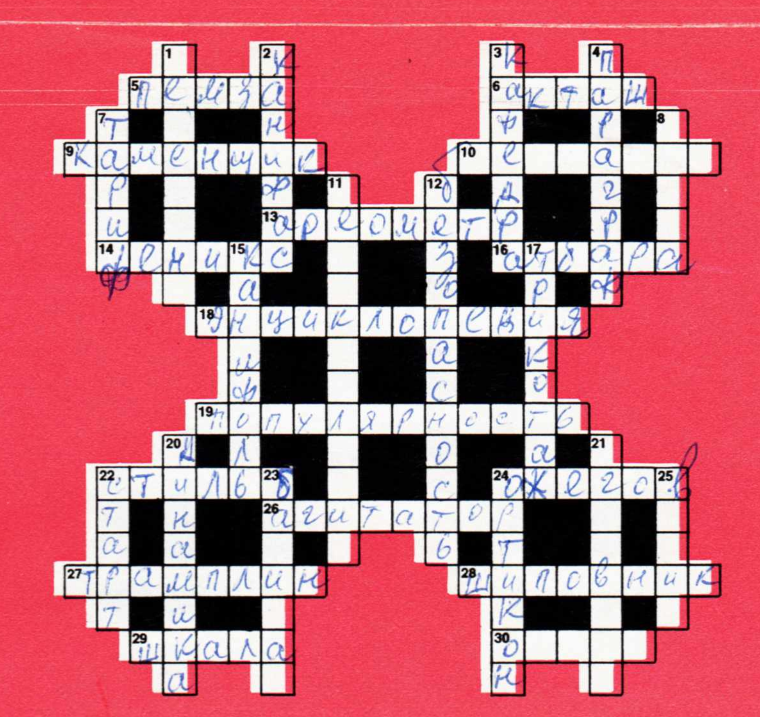
Еще раз считаю и еще раз убеждаюсь: вполне заслуженно подняв оклады розыскникам, отдав им все лучшее из транспорта, оружия, техники, руководители МВД при дележе возросших своих ассигнований весьма непредусмотрительно и, как мы убедились, опасно сэкономили на работниках СИЗО и конвое. Результат налицо: тюремные стены преподнесли нам бунты, конвой — побеги.

Скупой платит дважды.

В конце июля, когда я пишу эти строки, розыск беглецов продолжается. Им руководит штаб, который возглавляет заместитель начальника ГУВД Мосгорисполкома А. П. Бугаев. Он сказал:

— Делаем все возможное, но результатов нет.

Боюсь, что и здесь придется выбрасывать белый флаг.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Пористая вулканическая порода, абразивный материал, заполнитель бетонов. 6. Горный курорт в Узбекистане. 9. Рабочий-строитель. 10. Народный артист СССР, выступавший в Ленинградском театре драмы имени Пушкина. 13. Прибор для измерения плотности жидкостей и твердых тел. 14. Южное созвездие. 16. Приток Нила. 18. Научно-популярное справочное издание. 19. Общедоступность, ясность изложения, широкая известность. 22. Единица яркости. 24. Советский языковед, составитель «Словаря русского языка». 26. Распространитель идей для политического воспитания. 27. Спортивное приспособление для прыжка. 28. Дикорастущий вид розы. 29. Отметки и цифры на отсчетном устройстве измерительного прибора. 30. Симфоническая поэма Ф. Листа.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Советская спортсменка, чемпионка Олимпийских игр 1960 года в гребле на байдарках. 2. Плотная хлопчатобумажная ткань с рельефными полосками. 3. Объединение научно-преподавательского состава в вузе. 4. Подразделение текста внутри главы, раздела. 7. Система ставок платы за услуги. 8. Промысловая морская рыба. 11. Травянистое болотное растение. 12. Положение, при котором отсутствует угроза нападения. 15. Стекловидное вещество для натирания смычков. 17. Текстильное изделие из взаимного переплетения петель. 20. Раздел механики. 21. Народный артист, бас, выступавший в Большом театре. 22. Начальный момент спортивного состязания. 23. Горы на острове Суматра. 24. Передающая телевизионная трубка. 25. Город в Смоленской области.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 32

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Добродетель. 9. «Лоси». 10. Оломоуц. 11. Анод. 12. Локатор. 15. Квадрат. 17. Улита. 18. Профилакторий. 21. Орион. 22. Криптон. 25. Арагуая. 28. Овал. 29. Канцона. 30. Воин. 31. Бортнянский.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Ядрица. 2. Яблоко. 3. Певцов. 4. Сьюард. 6. Демилитаризация. 7. Король. 8. Токарь. 13. Триолет. 14. Рубикон. 15. Картина. 16. Аверина. 19. «Корова». 20. Стадия. 23. Палуба. 24. Откорм. 26. Ржанка. 27. Гавайи.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Николая ЕЛИНА.

